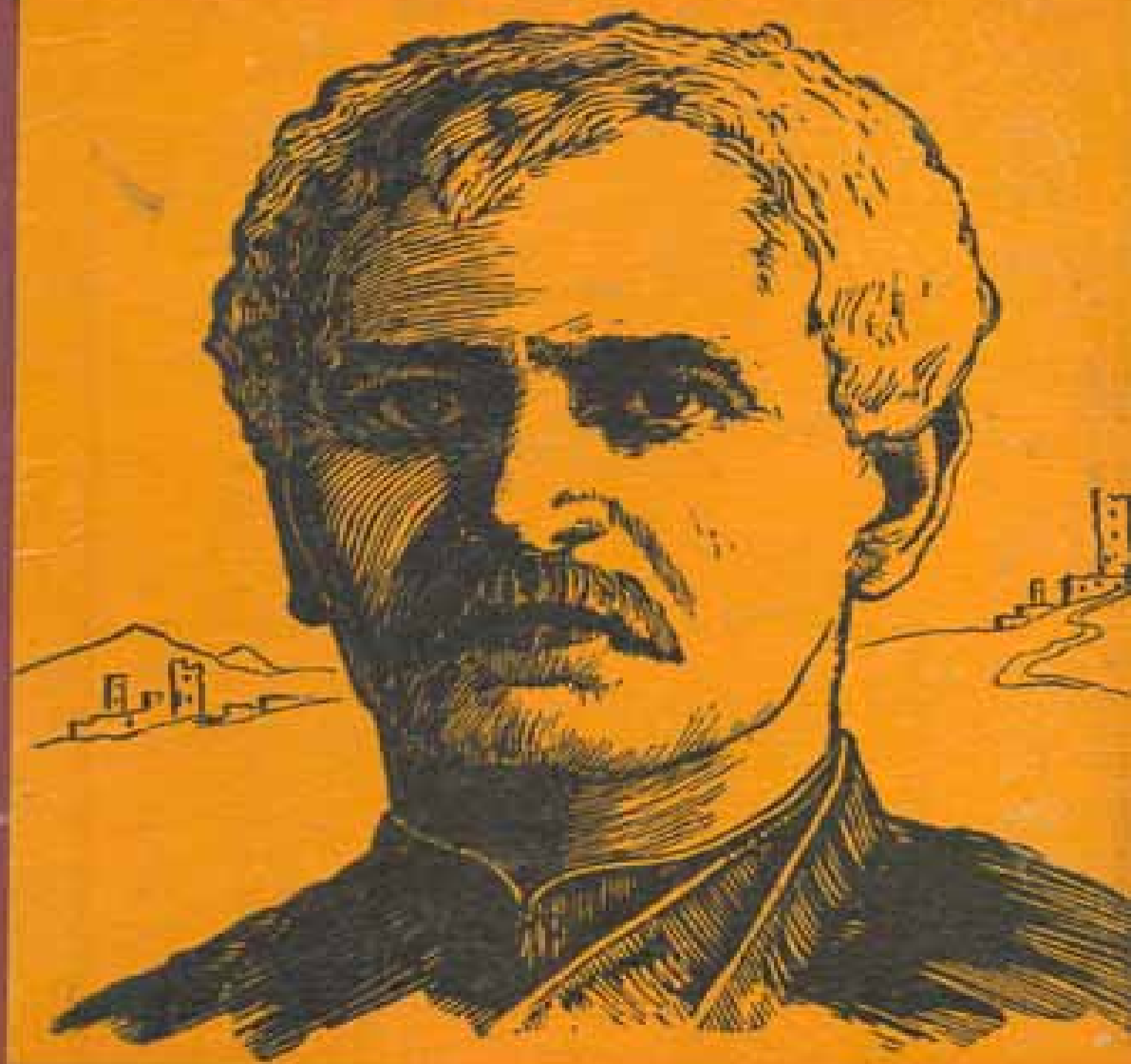

ЖИЗНЬ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ

М. Рафили

АХУНДОВ

Annotation

АХУНДОВ Мирза Фатали [30.6(12.7).1812, Шеки, ныне Нуха, — 26.2(10.3).1878, Тифлис], азербайджанский писатель-просветитель, философ-материалист, зачинатель азербайджанской драматургии

-
- [МИКАИЛ ГАСАН-ОГЛЫ РАФИЛИ](#)
- [1](#)
- [2](#)
- [3](#)
- [4](#)
- [5](#)
- [6](#)
- [7](#)
- [8](#)
- [9](#)
- [10](#)
- [11](#)
- [12](#)
- [13](#)
- [14](#)
- [15](#)
- [16](#)
- [17](#)
- [18](#)
- [19](#)
- [20](#)
- [21](#)
- [22](#)
- [23](#)

- [24](#)
- [25](#)
- [26](#)
- [ОСНОВНЫЕ ДАТЫ ЖИЗНИ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ АХУНДОВА](#)
- [1. Основные издания сочинений М.Ф. Ахунтова](#)
- [2. О творчестве М.Ф. Ахунюва](#)
- [notes](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
 - [6](#)
 - [7](#)
 - [8](#)
 - [9](#)
 - [10](#)
 - [11](#)
 - [12](#)
 - [13](#)
 - [14](#)
 - [15](#)
 - [16](#)
 - [17](#)
 - [18](#)
 - [19](#)
 - [20](#)
 - [21](#)
 - [22](#)
 - [23](#)
 - [24](#)
 - [25](#)
 - [26](#)
 - [27](#)
 - [28](#)

- [29](#)
- [30](#)
- [31](#)
- [32](#)
- [33](#)
- [34](#)
- [35](#)
- [36](#)
- [37](#)
- [38](#)
- [39](#)
- [40](#)
- [41](#)
- [42](#)
- [43](#)
- [44](#)
- [45](#)
- [46](#)
- [47](#)
- [48](#)
- [49](#)
- [50](#)
- [51](#)
- [52](#)
- [53](#)
- [54](#)
- [55](#)
- [56](#)
- [57](#)
- [58](#)
- [59](#)
- [60](#)
- [61](#)
- [62](#)
- [63](#)
- [64](#)

- [65](#)
- [66](#)

ЖИЗНЬ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ

Выпуск 2 (268)

М. Рафили

АХУНДОВ

Под общей редакцией Дж. Джафарова

«Молодая гвардия»

МОСКВА 1959

МИКАИЛ ГАСАН-ОГЛЫ РАФИЛИ

В то время, когда редакция серии «Жизнь замечательных людей» готовила к изданию эту книгу, в расцвете сил скончался ее автор, азербайджанский литературовед Микаил Гасан-оглы Рафили. М. Рафили умер 53 лет от роду. Более тридцати лет своей жизни он отдал литературному творчеству. Диапазон его интересов был обширен и разнообразен. Поэт по своей натуре, пламенный и неутомимый Рафили еще юношей вступил на литературное поприще и очень скоро привлек внимание общественности своими новаторскими стихами на жгучие темы современности и статьями по различным вопросам истории и теории русской, западноевропейской литературы, а также современной советской литературы и искусства.

Большая эрудиция, огромное трудолюбие, мастерство исследователя и публициста позволяли Рафили заниматься разносторонней творческой деятельностью. Велики заслуги его в изучении культурных и литературных связей Азербайджана с Россией и Западной Европой. Как ученый и как переводчик, он много сделал для пропаганды классической русской и зарубежной литературы в Азербайджане. Широко известны книги и статьи М. Рафили о Пушкине, Гоголе, Чехове, Горьком, Лермонтове, Шекспире, Беранже, Бальзаке, Гюго, Франсе, а также его художественные переводы.

При всей разносторонности творческих интересов Рафили больше всего занимали вопросы истории азербайджанской литературы. Более двадцати лет он посвятил исследованию наименее изученных разделов

древней и средневековой литературы Азербайджана. Анализируя литературные явления с позиций марксистско-ленинского учения, Рафили высказал оригинальные идеи и суждения по важнейшим проблемам истории развития азербайджанской литературы, особенно древнего периода, создал яркие труды о творчестве Хагани и Низами, Насими и Хатаи.

Интересные работы посвятил он лучшим представителям просветительского движения XIX века в Азербайджане: Бакиханову, Мирзе Шафи, Куткашинекому.

Большим достоинством Рафили-ученого является его стремление рассматривать историю литературы Азербайджана в тесной связи с историческими судьбами азербайджанского народа и с общим развитием мировой литературы.

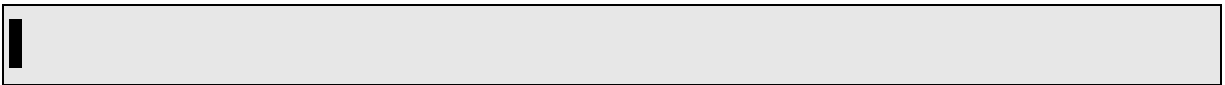
Предметом особого интереса Рафили-ученого и Рафили-художника становится великий просветитель и демократ XIX века Мирза Фатали Ахундов, его жизнь и творчество. Две большие монографии-1938 и 1957 годы — и киносценарий «Сабухи» — наиболее крупные работы, которые Рафили посвятил писателю, общественному деятелю и философу, вошедшему в историю народа как его верный и пламенный сын.

Предлагаемая вниманию читателя книга — одна из последних книг М. Рафили. В основу ее легли прежние труды автора об Ахундове, в особенности обстоятельная монография 1957 года. Однако характер книги стал несколько иным, так как М. Рафили учел особые требования серии «Жизнь замечательных людей» и создал произведение, рисующее образ замечательного борца за свободу и счастье азербайджанского и других народов мусульманского Востока. Перед читателями проходит жизнь Ахундова, вырисовывается его характер, сильный и неумный, мы получаем представление о думах и чувствах,

волновавших великого азербайджанца, о том большом круге общественных интересов, которые занимали его с юношеских лет до последних дней жизни. Книга знакомит с поэтическими и драматургическими произведениями писателя, рассказывает о той борьбе, которую он вел за новый алфавит, освещает важнейшие этапы жизни и творчества Ахундова, показывает, как развивались его политические, социальные, философские, этические и литературно-критические взгляды.

Написана биография со знанием материала и говорит о большой любви М. Рафили к Ахундову, человеку и деятелю, она проникнута верой в его могучий и многогранный талант.

Дж. Джафаров

XVIII век был на исходе. Вихрем мчалось время. Азербайджан охватили междоусобные войны. Как голодные волки, набрасывались владетельные ханы друг на друга, задыхаясь в смертельных объятиях. Осаждались города, рушились троны, коварство и жестокость феодалов не знали границ. Брат шел на брата, город на город, хан на хана. Смуты и раздоры волновали весь Закавказский край.

Ужасающе тяжелым было бремя феодальных войн, которые охватили всю страну, грозя гибелью народу. Экономика была расшатана, крестьяне разорялись, голод стучал в ворота землевладельца. Возмущенные жестокими военными поборами, вооружившись дубинами, вилами, ножами, крестьяне подымались против феодалов. Но эти стихийно возникавшие вспышки не могли превратиться в огромное пламя и перекинуться на территорию всей страны, не могли свергнуть власть феодальной иерархии. Беспощадно усмиряли азербайджанские феодалы крестьян. Вереницы виселиц возвышались на площадях.

Вечные несправедливости озлобили народ. Однако когда на Азербайджан грозным потоком хлынули сарбазы [\[1\]](#), он встал на защиту своей родины.

Характер народа лучше всего познается в дни тяжелых испытаний, когда над ним сгущаются темные тучи надвигающихся исторических событий, готовых смыть его с лица земли, поработить и заглушить его свободолюбивые стремления. В такие минуты народ-исполин расправляет свои плечи, одевается в броню, опоясывается мечом.

В июле 1795 года многочисленные войска повелителя Ирана Ага-Мухаммед-хана осадили горную

крепость Шушу, столицу одного из крупнейших ханств Азербайджана — Карабаха. Ага-Мухаммед-хан потребовал у азербайджанских ханов и грузинского царя Ираклия II немедленно покориться ему. Грузия и Азербайджан мужественно встали на защиту своей свободы и независимости. Ираклий II, правитель Карабаха Ибрагим-хан, эриванский правитель Мамед-хан и правитель Талыша Мир-Мустафа-хан заключили союз, дали торжественный обет не подчиняться Ага-Мухаммед-хану, изгнать его из пределов Закавказья.

Народ Карабаха начал борьбу против иранских захватчиков. Засевшие в горах азербайджанские отряды наносили серьезные удары войскам Ага-Мухаммед-хана, разрушали связи, уничтожали транспорт, постоянно тревожили тыл иранских войск. Грузия послала на помощь Карабаху войско под предводительством царевича Александра. Шуша оцетинилась. Ибрагим-хан, сообщает автор исторической хроники «Карабах-намэ» [2], набрав множество всадников и пеших воинов, сделав большие запасы провианта, «заготовив наводящие страх гранаты и установив драконоподобные пушки», приготовился к бою.

Вокруг Шуши пестрели шатры Ага-Мухаммед-хана. Тридцать три дня безуспешно осаждал Шушу разъяренный повелитель Ирана. Но взять эту горную крепость, обороняемую храбрыми карабахцами, ему так и не удалось.

Тогда Ага-Мухаммед-хан двинулся на Тифлис. Пользуясь густым туманом, опустившимся на окружающие горы, сарбазы вошли в город. Население было вырезано, тысячи женщин и детей уведены в плен, старинные церкви и дворцы разграблены. На паперти одной из церквей погиб Саят-Нова [3]. Город был предан огню.

Русское правительство решило дать отпор претензиям иранского хана на Закавказье. Во главе значительного войска на Кавказ был отправлен В.А. Зубов. Приход русских, угроза с тыла — со стороны защитников Шуши — вынудили иранскую армию покинуть Закавказье.

Лишь через два года, после смерти Екатерины Второй, воспользовавшись тем, что были отозваны войска Зубова, Ага-Мухаммед-хан предпринял новый поход против непокорных азербайджанцев. Неурожай, голод, лишения, последствия длительной осады, отдаленность русских войск, которые могли бы оказать помощь в борьбе с иранскими захватчиками, тяжелое состояние Грузии, которая также не могла послать подкрепление своему союзнику, оказались роковыми для Карабаха. Шуша пала. Но взятие Шуши оказалось губительным для самого Ага-Мухаммед-хана. Вскоре против него азербайджанцы составили заговор, и он был убит. Оставшись без предводителя, иранское войско пришло в смятение и разбежалось.

В эти трудные для Азербайджана дни был зверски убит великий визирь [4] Карабаха, выдающийся народный поэт Молла Панах Вагиф [5], видевший спасение родного края в сближении с могучей северной державой, в братской дружбе с русским народом.

Раздробленный на мелкие феодальные владения, измученный, вынесший унижение и неволю, азербайджанский народ был лишен в этот бурный век своих прежних политических и культурных центров. Но насилия иранских шахов не могли задержать дальнейшего развития Азербайджана. Лучшие люди страны выносили суровый приговор позорному и жестокому веку, осуждали лихолетия, войны, гнет народа.

Не думай о нашем страдании, всему наступит конец.

*В груди удержи рыдания, слезам наступит конец.
Придет пора увядания, цветам наступит конец.
В душе не храни ожидания — душе наступит конец.
Мне чашу подай, виночерпий, всему наступит конец.
Нас сгложут могильные черви — всему наступит
конец^[6].*

Так пел Видади ^[7], поэт конца XVIII века.

Страна была в мрачном и душном, казалось, безвыходном тупике. Невозможно было сохранить свободу народа от турецких и иранских захватчиков и угнетателей. Надо было найти выход. И лучшие сыны Азербайджана указали путь к России.

Это было знаменем эпохи, крупнейшим историческим поворотом, решительным сдвигом в жизни азербайджанского народа. На данном историческом этапе это было единственным выходом из феодального тупика, самым прогрессивным решением судьбы страны. Присоединение к России обещало мир, безопасность от внешних врагов, освобождение от тягостных внутренних усобиц. И Азербайджан, решив свою историческую судьбу, смело шагнул к России.

Осенью 1802 года начались переговоры между некоторыми ханствами Северного Азербайджана и Россией, закончившиеся подписанием договора, в котором говорилось, что подписавшие его принимают «в подданство и покровительство... России... по собственным их просьбам...»

Присоединение к России Северного Азербайджана не встретило сопротивления со стороны местного населения. Противодействие пытались оказать Иран и Турция, боявшиеся усиления России на Востоке. В 1804 году началась Первая русско-иранская война, закончившаяся поражением Ирана, который был вынужден признать присоединение к России северных

ханств. Значительная часть Азербайджана осталась в пределах иранского государства. Единый по языку, истории, культуре и территории азербайджанский народ в силу сложившихся политических обстоятельств был разделен на две части.

С раннего утра до позднего вечера, в летний зной и зимнюю стужу крестьянам селения Хамне, что находится между Тавризом и Хойем, приходилось гнуть спину на полях, подымать допотопным хышом [8] богатую и щедрую целину. Работали и женщины и дети. Это были очень трудолюбивые люди. Но работали они не на себя. Земля была ханской, весь урожай шел в амбары хана, и лишь жалкие остатки хырмана [9] доставались этим беднякам.

Ханы владели не только землей, но и водой. У крестьян не было семян, не было рабочего скота. Натуральные повинности и многочисленные налоги превратили их в рабов. Жестокая эксплуатация народа иранскими феодалами разорила и опустошила весь Южный Азербайджан. Крестьяне уповали на аллаха, а моллы [10] требовали зекят и хумс — налоги в пользу духовенства, установленные еще в VII веке основателем ислама — Мухаммедом. Приехал чиновник в деревню — корми, прибыли отряды — корми, а хану и правителям подноси пешкеши — подарки. Открытые грабежи, безнаказанные насилия и взяточничество царили во всей стране. Все продавалось шахом: честь, убеждения, родина, народ, чины, звания, титулы. Бесправное, забитое азербайджанское крестьянство находилось в полной зависимости от иранских сатрапов.

Управителем Хамне был Мамедтаги. Его предок Ахмед-ага когда-то управлял этой деревней. Поэтому Мамедтаги и назначили на эту должность. Плеть хана сделала его жестоким, и он подчас обирал крестьян не хуже страшных ханских стражников. Когда старики аксакалы [11] знавшие Мамедтаги с детских лет, осмеливались упрекать его в излишней жестокости и

усердии перед ханом, он с укором смотрел на них и неизменно отвечал: «Я только слуга хана. Если я не буду кричать на вас, ханский стражник пристрелит меня. Разве я разбогател с тех пор, как стал вашим управителем? Вот мой дом... Что в нем хорошего? Рано постаревшая жена и полуголодные дети...» Аксакалы с грустью умолкли. Они-то хорошо знали, что Мамедтаги незащищен так же, как и они. Ему жилось, быть может, немногим лучше батрака. В других селениях управители быстро богатели, а этот ничего не брал для себя и остался таким же, каким был год назад, когда по приказу хана вынужден был стать господином своих сородичей. Мамедтаги усердствовал, делал все, что мог, но хан был недоволен им: мало присылал он зерна своему хозяину. Недолго Мамедтаги управлял деревней. В Хамне пропали буйволы. Мамедтаги в краже обвинил трех сарбазов и не остановился перед тем, чтобы строго их наказать. Глава сарбазов пожаловался наибусалтане [\[12\]](#) принцу Аббас-Мирзе [\[13\]](#) Разгневанный наместник Азербайджана распорядился немедленно снять Мамедтаги с должности.

Страшная угроза нависла над домом Мамедтаги. Пришли сарбазы, конфисковали его имущество. На должность управителя был назначен житель соседней деревни, прославший по всей округе конокрадом и безжалостным человеком. В тот же вечер Мамедтаги решил свою дальнейшую судьбу. Остаться в Хамне уже невозможно — новый управитель не даст ему покоя. Недолго думая, он решил отправиться за Аракс, туда, где правят русские генералы.

Из управителя деревни Мамедтаги превратился в простого чарчи — мелкого торговца. На старом осле он разъезжал по деревням, продавал самые разнообразные товары; в его двухсторонней плетеной

корзине, переброшенной через спину усталого осла, можно было найти не только абрикосы, но и нитки, иголки, дешевые безделушки и даже франкский [14] ситец, который он тайно перевез через Араке. Торгуя понемногу, долго не задерживаясь на одном месте, Мамедтаги упорно пробирался на север.

В то время на Россию надвинулись грозные события. Русский народ героически отражал нашествие Наполеона.

Глухие вести о войне доходили и до маленького города Нуха, расположенного у подошвы Главного хребта Кавказских гор. Мамедтаги прибыл в этот город. Нуха была прекрасна. Окруженная рисовыми полями, фруктовыми садами и тузовыми рощами, она соединялась почтовым трактом с Тифлисом, административным центром тогдашнего Закавказья. Природа, живописное расположение города, здоровый климат привлекали внимание приезжих.

Мамедтаги решил остаться в Нухе. Дела его постепенно улучшались. Он приобретал новые знакомства, привыкал к новой жизни. Здесь он познакомился с духовным лицом — ахундом Алескером, довольно влиятельным человеком среди нухинцев. Вскоре Мамедтаги решил обзавестись новой семьей и женился на племяннице ахунда — Нане-ханум. От этого брака 30 июня 1812 года родился мальчик Фатали — будущий великий азербайджанский просветитель.

Мамедтаги пользовался в Нухе покровительством Джафаркули-хана, правителя шекинской провинций. После смерти хана южноазербайджанская колония покинула Закавказье и вернулась на родину. Вместе со всеми из Нухи уехали Мамедтаги и Нане-ханум.

Возвращение в Хамне было нерадостным. Особенно тяжелой стала жизнь молодой Нане: она поселилась в Хамне на правах второй жены.

Годы шли, а дела Мамедтаги все никак не могли наладиться. Но это не мешало ему заботиться о судьбе своего сына Фатали. Он решил определить восьмилетнего мальчика в духовную школу — моллахане. Здесь впервые Фатали познакомился с арабским алфавитом. В то время в азербайджанских духовных школах не было специальных учебников, и дети обычно начинали учиться грамоте по сурам — главам корана — священного писания мусульман. Только после этого ученики принимались за изучение классических произведений на фарсидском языке, в частности «Гюлистана» Саади [\[15\]](#)

В моллахане Ахундов провел всего один год. Духовная школа с ее схоластическим подходом к преподаванию, сводившемуся к защите религиозных догматов, не могла привить любознательному мальчику любовь к знаниям. Он возненавидел ее и был согласен на любую работу, лишь бы избавиться от необходимости учиться. И он бросил школу.

Безрадостной была и жизнь Нане-ханум. Частые ссоры со старшей женой Мамедтаги, изнурительная домашняя работа, тяжесть которой ей приходилось нести, как младшей жене, бесправное положение в семье привели к тому, что Нане-ханум решила развестись с мужем и уехать на родину.

Шариат [\[16\]](#) не считался с желанием женщины. Уходя от законного мужа, Нане теряла права на сына. Освященная религией власть законного супруга была неприкосновенной. Несмотря на свой мягкий характер, Мамедтаги отказывался дать свободу измученной молодой женщине. Только после неоднократных просьб Нане добилась согласия мужа, но при одном условии: она должна оставить ему сына. Проститься навеки с любимым и единственным сыном было слишком тяжело для Нане-ханум. Надо представить себе

страдальческую и трагическую жизнь бедной женщины, чтобы понять решение уехать из Хамне без ребенка.

Приближался день, когда Нане должна была с караваном навсегда покинуть семью Мамедтаги. Не желая волновать сына тяжелой сценой расставания, она решила уехать, не повидавшись с ним.

Было раннее, чудесное южное утро. Нане в слезах прощалась с домом, где оставляла маленького Фатали. Это было равносильно осуждению на казнь.

— Отдай мне сына! — в последний раз обратилась Нане к мужу, подводящему верблюда.

Мамедтаги был огорчен отъездом Нане, ему было жаль ее, но он сказал:

— Я не отдам его. По шариату сын принадлежит мне. Кто утешит мою старость, кто подаст палку слепому старику?

Подавленная страшным горем, со слезами подходила Нане к верблуду. Тот медленно опускался на задние ноги. Все еще не теряя надежды, Нане умоляюще взглянула на мужа. Мамедтаги потупил взор: он не осмеливался смотреть в глаза несчастной женщине.

А в это время Фатали мирно спал в своей постели. Сестра мальчика, дочь Мамедтаги и его старшей жены, с удивлением наблюдала за происходящим. Вдруг, словно решившись на что-то, она вбежала в дом и с ожесточением стала будить Фатали.

— Брат мой! Брат мой! Вставай! Вставай скорее!

Мальчик проснулся. Спокойно улыбалось его лицо. Он ничего не знал о грозящей беде.

— Вставай, брат мой, вставай! — твердила девушка. — Твоя мама уезжает. Ты больше никогда не увидишь ее.

Фатали восторженно вскрикнул. Встал босой, в одной сорочке, с плачем бросился во двор. Мать уже сидела на верблуде. Верблуд величаво поднимался.

— Мама! — в страхе и отчаянии крикнул мальчик.

Он подбежал к лохматому животному, поднял свои маленькие ручонки, но мать была недосягаема.

Нане потянулась к нему, но трудно ей было достать сына.

Все такой же печальный и нерешительный стоял Мамедтаги.

— Отдай мне сына! Жизнь на родине превратится для меня в ад. Пожалей сироту. Отдай мне сына. Всю жизнь я буду молить аллаха о твоём благополучии.

Мамедтаги колеблется, он не знает, как решить эту трудную задачу. На седых ресницах слезы. Но он должен принять решение.

— Хорошо, Нане-ханум, — говорит он медленно, раздумывая над каждым своим словом. — Пусть будет по-твоему. Возьми сына. Береги его.

И он поднял над головой мальчика, все еще плачущего и не верящего в свое счастье. Нане подхватила его, страстно прижала к груди, закрыла голову Фатали чадрой, словно боялась, что его опять отнимут у нее.

Мерно качаясь, двинулся в путь за караваном последний верблюд, уносящий счастливую мать и сына. Навьюченные животные шли, звеня своими маленькими колокольчиками. Над полями занималась утренняя заря. Вслед каравану печально смотрели Мамедтаги и маленькая девушка, сыгравшая такую большую роль в судьбе великого человека. Последний раз видел Фатали родного отца. Потеряв отца, он приобрел мать. И будущее.

Нане-ханум с сыном приехала в Карадаг к ахунду Алескеру. Вскоре они, едва Алескер закончил свои дела, переселились в Еленкут (Южный Азербайджан). Фатали вновь решили отдать в моллахане, но ничего путного из этого не вышло. Неприязнь мальчика к занятиям была настолько сильна, что всякий раз, когда его приводили в школу, он убегал. Фатали не хотел учиться. Возможно, его пугал арабский алфавит, казавшийся ему непроходимыми джунглями. Почти каждая буква алфавита имела два-три-четыре рисунка. Надо было помнить, что буква «с» только тогда превратится в «ш», когда над ней поставишь три точки, и что букву «в» можно читать и как «у», и как «и», и как «б», и как «о». Сколько Фатали ни учился, прочитать правильно незнакомые слова не мог.

Бежать, бежать без оглядки из моллахане! Лучше стать грузчиком, батраком, аробщиком, чем запоминать эти палочки, завитки и точки. Он упорно отказывался учиться. Ни уговоры магери, ни слова ахунда Алескера — ничто не могло повлиять на Фатали. Алескер решил сам заниматься с мальчиком. Он горячо полюбил его и отдавал ему все свободные часы, внушал уважение к книге. Начитанный и образованный ахунд, прекрасно знающий арабский и фарсидский языки, классическую поэзию Востока, терпеливо переносил все капризы мальчика, добиваясь своей цели. Наконец лед тронулся, и Фатали начал более внимательно относиться к своим занятиям, проявлял интерес к книгам, послушно следовал советам своего приемного отца. Они вместе стали читать коран, а затем перешли к стихам Саади, Хафиза [\[17\]](#), Физули [\[18\]](#). Перед мальчиком открывался

мир поэзии, полной глубокой житейской мудрости, страстного преклонения перед красотой и разумом человека, мир ярких и красочных метафор, чеканного и звучного ритма.

В 1825 году ахунд Алескер вместе с семьей покинул Южный Азербайджан и поселился в Гяндже.

Гянджа — один из старейших городов Азербайджана. В XII веке, во времена Низами, Гянджа была крупным культурным, политическим и экономическим центром. Город был расположен по обеим сторонам реки Гянджи-чая. Когда-то здесь проживало несколько сот тысяч жителей, но за последние века город постепенно стал терять свое прежнее значение и пришел в упадок. В декабре 1803 года Гянджу окружили войска князя Цицианова. Последнему владельцу города Джеват-хану, проводившему проиранскую политику, было предложено сдаться, но надменный феодал отверг предложение. Город был взят штурмом, и Джеват-хан со своим сыном погиб на стенах укрепления.

Еще свежи были воспоминания об этих событиях. В городе жило не более двадцати тысяч жителей. У центральной площади возвышались высокие минареты старинной мечети, построенной во времена Шах-Аббаса [19]. Высоко к небу тянулись гордые тенистые чинары, широким кольцом окружившие мечеть. Во дворе большой бассейн, по узким канавам, проведенным вокруг кирпичного здания мечети, бесшумно течет вода. Над массивными, широкими стенами, подобно гигантскому зонту, подымается великолепный купол, а над ним — бронзовый полумесяц. Просторный вход в — мечеть украшен многоцветными изразцами и керамикой, над которыми много и терпеливо трудились талантливые гянджинские мастера. А рядом с мусульманским храмом, дополняя ансамбль

архитектурных сооружений, высоко-высоко стоят тонкие минареты. Три раза в день, в любую погоду, рабски исполняя традиционный обряд богослужения, по крутым и узеньким ступенькам минарета поднимается старый муэдзин [\[20\]](#), чтобы призвать мусульман к свершению обязательных молитв.

Три раза в день сюда стекаются сотни гянджинских жителей. Почтительно сгибаются они над прозрачной струей, совершают омовение рук и лица, приводят в порядок свой туалет, а затем медленными шагами, шепча арабские стихи из корана, направляются к порталу и, сняв башмаки, входят в мечеть.

Фатали каждый день приходил сюда и с любопытством наблюдал за богослужением.

Он был очень живым и шаловливым мальчиком. Не было конца его проказам. Впоследствии он много рассказывал о своих детских развлечениях.

Однажды Фатали играл на улице. В соседнем доме делали уксус из виноградных ягод и во дворе поставили несколько кувшинов, наполненных соком. Фатали увлекся игрой и не обращал внимания на эти кувшины. Отец, уходя из дому, решил сделать ему небольшое внушение: «Фатали, — сказал он, — ты очень беспокойный, будь осторожен, не кидай камни, ты можешь разбить кувшины соседей».

Алескер ушел, а мальчик задумался: «Неужели я могу разбить эти кувшины? Хватит ли сил? Дай-ка попробую». И он стал бросать камни. Бросил раз — не попал, бросил другой — не попал. Тогда начал швырять большие камни и до того увлекся, что разбил все кувшины. Когда Алескер вернулся домой, обломки кувшинов лежали на земле, а уксус весь разлился. Ахунд рассердился, но делать было нечего.

Были и другие «развлечения». Однажды мать послала Фатали за водой. Мальчик взял медный кувшин.

Дойдя до оврага, он должен был спуститься к роднику. Но вдруг его осенила мысль: «Если я пойду вниз с пустым кувшином, надо мною будут смеяться. Не лучше ли скатить его вниз, а самому спуститься по тропинке без тяжести». Что задумал, то и сделал. Кувшин покотился по камням и весь помялся.

Фатали испугался. Вернуться с помятым кувшином домой он не хотел. Решил бежать в Нуху, но по дороге его встретил знакомый аробщик и заставил вернуться домой. Только к полуночи они подъехали к дому. Мать была в тревоге, провела беспокойный вечер, везде искала сына, но нигде его не нашла. Увидев пропавшего, она только заплакала, но наказывать Фатали не стала.

Шалил мальчик много, и унять его было почти невозможно. Но учиться он стал гораздо лучше. Быстро готовил уроки и даже нередко помогал своим товарищам.

В Гяндже Фатали продолжал свое духовное образование. В городе его знали как приемного сына ахунда Алескера. Его прозвали ахунд-оглы — сын ахунда. Отсюда и произошла впоследствии фамилия Фатали — Ахундов.

Время было очень тревожное. На Азербайджан надвигались новые грозные события. Наследник иранского престола Аббас-Мирза, подстрекаемый английскими агентами, упорно добивался пересмотра Гюлистанского договора [\[21\]](#). Он мечтал о победоносном завоевании Кавказа. Англичане подливали масло в огонь.

Благодаря России азербайджанский народ не только спас свою страну от хищнических устремлений феодалов Ирана и Турции, но и получил возможность развивать свои духовные силы, нашел путь к культуре и прогрессу. Однако природа русского царизма

оставалась неизменной, и колониальный гнет тяжело ложился на плечи измученного народа. Даже в официальных документах нередко указывалось на жестокости и насилия колониальных властей. «Рассматривая управление мусульманскими провинциями, — читаем в одном из этих донесений в Петербург, — воображение содрогается от неистовства управляющих и страдания народа. Здесь уже совершенно попорно человечество, забыто всякое правосудие, закон служит только орудием к притеснению, а корысть и буйное самовластие руководствовали действиями окружных начальников, комендантов, приставов и прочих начальствующих лиц...»

В начале 1826 года в Иране стало известно о восстании декабристов. Иностранные агенты распускали слухи, что в России междоусобная война и что настал самый благоприятный момент для нападения на Азербайджан. Летом 1826 года иранские войска вторглись в пределы Закавказья и захватили ряд городов, в том числе и Гянджу.

Старинный город был опустошен. Напуганные зверствами иранцев гянджинины укрылись в домах и подземельях. Среди виноградных садов на окраине города нашла убежище и семья ахунда Алескера.

Подросток ничего не понимал в происходящих вокруг событиях. Если прислушаться к лихорадочным проповедям духовенства, подкупленного иранцами, Аббас-Мирза нес с собой освобождение Гянджи от русских, но вместе с иранцами в город вступили насилие, разорение, голод и страх. Сам Фатали был вынужден оставить свои школьные занятия и теперь, лежа среди виноградных кустов, перелистывал страницы «Шахнамэ» Фирдоуси [\[22\]](#), с которой не хотел разлучаться и в эти тревожные дни.

Вскоре военный успех стал изменять иранцам. 3 сентября у реки Шамхор, недалеко от Гянджи, произошло кровопролитное сражение между русскими и иранцами. Десятитысячный корпус Амир-хана не выдержал огня спустившихся с Дзегамских гор русских солдат. Шамхорское сражение было проиграно. Иранцы бежали. В Гянджу вновь вступили русские войска. 10 сентября с нижегородским драгунским полком в Гянджу прибыл генерал Паскевич. Вместе с ним пришла азербайджанская конная милиция, принимавшая участие в разгроме иранских войск на реке Шамхор. Весь город вышел навстречу русским.

Но Гяндже предстояло выдержать большое испытание. Враг делал отчаянные попытки дать реванш за поражение под Шамхором. Иранская конница часто приближалась к городу и тревожила окрестные посты. 13 сентября 1826 года под Гянджой произошло генеральное сражение. Иранские батальоны были опрокинуты русскими войсками. Аббас-Мирза позорно бежал. Так закончилась Вторая русско-иранская война. Древний город был полностью razoren и разграблен. Потерял все свое имущество и ахунд Алескер.

Оставаться в Гяндже без средств, без имущества не имело смысла, и ахунд вместе с семьей перебирается снова в Нуху.

Здесь окончательно было решено, что Фатали, завершив учебу, станет моллой. Под руководством ахунда он продолжал свое образование. Усердно занимался изучением классических восточных языков, брал уроки логики, правоведения, метафизики и т. п. Несмотря на многие препятствия, Фатали добился больших успехов в изучении наук. Все пророчествовали ему блестящую будущность — подобно своему приемному отцу, он должен был стать моллой, а затем и ахундом. Фатали, по-видимому, искренне верил, что будет духовным лицом.

Каждый правоверный человек мечтает хоть раз в жизни посетить святые места, поклониться мощам пророка и имамов. И в жизни ахунда Алескера наступил тот момент, когда он решил осуществить свою давнишнюю мечту поехать в Мекку.

Это было в 1832 году. Не желая прерывать учебу Фатали, ахунд Алескер перед своим отъездом отправил его в Гянджу и оставил у известного моллы Гусейна, который должен был обучать юношу правоведению. Здесь, в Гяндже, и встретился Фатали с поэтом Мирзой Шафи, оказавшим значительное влияние на юношу, изменившим дальнейшую его жизнь.

Бывают встречи, которые могут обдать человека холодом черной скорби. Но есть встречи, которые согревают его, приносят благо, радость, счастье. Мирза Шафи озарил Ахундова мягким солнечным светом, которому никогда не суждено было угаснуть.

Мирза Шафи живет и в прошлом и в настоящем. Имя его бессмертно. В свое время песни Мирзы Шафи проникли во все европейские страны. Однако его читали только по переводам немецкого поэта и путешественника Фридриха Боденштедта. Европа по-настоящему никогда не знала его, полагала, что он плод фантазии переводчика. Между тем Мирза Шафи не может бесследно исчезнуть из памяти людей. Он занимает видное место в истории культуры своего народа. Его литературное наследие вызвало огромный интерес в мировой науке. Ему посвящены труды многих азербайджанских, русских, немецких, французских, английских литературоведов.

Мирза Шафи Вазех (Вазех — поэтический псевдоним) был родом из Гянджи. Он был младшим сыном гянджинского зодчего Кербалай Садыха и учился в гянджинском духовном училище — медресе, изучая здесь схоластические науки, богословие, арабский, фарсидский языки и готовясь стать моллой. Но судьба его сложилась иначе. Духовное звание не прельщало Мирзу Шафи. Он стал одним из первых просветителей азербайджанского народа.

Как это случилось? Когда Мирза Шафи учился в медресе, отец его внезапно скончался. Потеряв отца, не имея средств к существованию, он вынужден был бросить учебу. Жизнь его складывалась весьма незавидно. Но встреча с неким Гаджи Абдуллой спасла его от голодной смерти и направила жизнь по новому руслу.

Гаджи Абдулла был образованным человеком. Духовенство преследовало его за смелые

«еретические» идеи, за критическое отношение к религии.

Мирза Шафи внимательно прислушивался к его выступлениям против религиозных предрассудков и суеверий. В споре с моллами и ахундами симпатии Мирзы Шафи всецело были на стороне Гаджи Абдуллы. Вскоре они стали близкими друзьями. Гаджи Абдулла покровительствовал ему, оказывал материальную помощь, поддерживал его стремление к просвещению и науке.

Благодаря содействию своего друга Мирзе Шафи удалось поступить на службу к дочери гянджинского хана Пусте-ханум управителем дома и двумя маленькими деревнями. Но вскоре началась русско-иранская война, и ханум эмигрировала в Иран. Лишившись работы, Мирза Шафи вновь очутился в безвыходном положении.

В то время в Азербайджане книги распространялись в рукописном виде. Обладая прекрасным почерком, Мирза Шафи занимался переписыванием рукописных книг. Ежедневно его можно было видеть в одной из келий гянджинской Шах-Аббасской мечети тщательно выписывающим заостренным каламом [\[23\]](#) изящные буквы арабского алфавита. Помогал ему и Гаджи Абдулла. Но жить на эти скромные заработки было очень трудно, и Мирза Шафи часто брал в долг у своих знакомых. Вскоре Гаджи Абдулла умер. Несколько сот монет, которые он завещал Мирзе Шафи, тот отдал в счет своего долга. Положение его продолжало ухудшаться. Заказы на переписывание рукописей поступали редко, нищета стучала в двери. Мирза Шафи занялся частным преподаванием арабского и фарсидского языков. Но, думая о завтрашнем дне, он всегда испытывал привычную тревогу. Жизнь среди

отсталых, религиозных до фанатизма людей была чревата многими трудностями и опасностями.

К тому времени стихи Мирзы Шафи были широко известны в родной Гяндже. Много талантливых поэтических строк посвятил он красивой дочери Ибрагим-хана Гянджинского, в которую имел несчастье влюбиться! Красота, любовь, вино, наслаждения заняли большое место в ранней поэзии Мирзы Шафи. Это не нравилось моллам, которые обрушились на поэта с ругательствами. Еще большее ожесточение и бешенство вызывали сатирические стихи Мирзы Шафи, которые он направлял против своих идейных врагов. Его любовь к Зулейхе встретила резкий отпор со стороны богатых родителей девушки. Поэт решился на безумный шаг. Он похитил свою возлюбленную, бежал вместе с ней, но наступившая буря заставила их укрыться в деревне, и вскоре они были обнаружены преследователями и возвращены в Гянджу.

Насмешки, неудачи, гонения не сломили волю беспокойного Мирзы Шафи. Впереди его ждала более ожесточенная, непримиримая борьба с фанатиками, объявившими его вероотступником — кяфиром. Терпя материальные лишения, Мирза Шафи продолжал жить в Гяндже. Судьба свела его с юным Фатали.

На Востоке всегда придавали огромное значение красивому почерку. Каждый грамотный человек, тем более юноша, готовящийся к духовному званию, должен был пройти курс каллиграфии. И вот Фатали стал посещать келью Мирзы Шафи и брать у него уроки чистописания.

Молча приглядывался Мирза Шафи к новому ученику, старательно выводящему на бумаге тонкие арабские буквы. Писал он с упоением, видимо наслаждаясь своим успехом, проникновением в тайну восточного письма.

Иногда он обращал внимательные взоры на учителя, ожидая его одобрения. Поднимал голову и Мирза Шафи, терпеливо давал ему указания, чертил в тетради букву, заставлял его по многу раз упражняться, овладевать искусством, которым так славился в городе он сам. Но Фатали никогда не ограничивался уроками каллиграфии, он всегда о чем-нибудь спрашивал своего учителя, интересовался поэзией, забрасывал его неожиданными вопросами. Любознательность юноши, его природный талант и трезвый ум сразу привлекли внимание поэта. Он стал уделять ему гораздо больше внимания, чем остальным ученикам. Вскоре Мирза Шафи окончательно поверил в яркую будущность своего ученика, в его незаурядные способности. Фатали обладал блестящей памятью и каждый раз, когда учитель читал ему стихи, повторял вслед за ним поэтические строки, быстро улавливая смысл. Подчас они забывали даже о каллиграфии, беседы превращались в поэтический поединок, стихи великих поэтов Востока приводили их в восхищение, и, часто засиживаясь до вечерней молитвы, они упивались красотой содержания, ритмикой, метафорами, музыкальностью певучего и сладостного бейта или рубай. Но Фатали никогда не осмеливался входить в полемику со своим учителем, а внимательно прислушивался к его словам. И учитель горячо полюбил его, заботливо воспитывал в нем чувство красоты, вкуса, меры, дарил ему щедро свои знания, знакомил с историей Востока, приобщал к культуре слова, к поэтическому мастерству. Фатали казался ему чудорребенком, обладающим многими редкими дарами. «Он был зрелым и возмужалым с детства, какими другие бывают только в зрелом возрасте, — писал Мирза Шафи в одном из своих позднейших стихотворений. — Никогда он не допускал глупой выходки, всегда был

мудр и серьезен. И так как его дух рано получил свободу, то от него ожидали великое».

В детстве Ахундов был свидетелем многих трагических событий, которые необычайно рано ввели его в гущу азербайджанской жизни, неразрывно связали с народом, вызвали в нем пылкость и настороженность. Еще в юные годы он поражал окружающих ясностью ума, наблюдательностью, критическим отношением к среде, в которой жил, поразительной любознательностью, упорством, настойчивостью. Эти качества юноши быстро привлекли к себе внимание Мирзы Шафи. Его роль в развитии юного Фатали неоценима. Школа Мирзы Шафи была для Ахундова школой жизни, приобщавшей его к литературному творчеству. Вскоре сказались ее результаты. Здесь дадим слово самому Фатали, следующим образом описывающему свои встречи с гянджинским мудрецом:

«В одной из келий гянджинской мечети жил некий Мирза Шафи, происходивший из того же края. Этот человек, помимо хорошей осведомленности в области различных наук, обладал прекрасным почерком „насталик“. Это был тот самый Мирза Шафи, о жизни и талантливости фарсидских стихов которого много писалось в Германии. По распоряжению своего приемного отца я каждый день отправлялся к этому человеку и учился писать почерком „насталик“. Таким образом, постепенно между мною и этим уважаемым человеком создались дружеские отношения. Однажды этот уважаемый человек спросил меня: „Мирза Фатали, какую ты цель преследуешь изучением наук?“

Я ему ответил, что хочу стать моллой.

Тогда он сказал мне: „Неужели и ты хочешь стать лицемером и шарлатаном?“

Я был крайне изумлен и спросил его, что он хочет этим сказать.

Увидев мою растерянность, Мирза Шафи ответил: „Мирза Фатали, не трать попусту свою жизнь среди этой черни. Найди себе другое занятие“.

Когда я спросил о причине его ненависти к духовенству, он начал рассказывать мне о вещах, которые до того времени были для меня покрыты мраком. До возвращения моего приемного отца из паломничества Мирза Шафи внушал мне просвещенные идеи и снял с моих глаз покрывало неведения. После этого я возненавидел духовенство и изменил свои мысли».

Встреча с Мирзой Шафи — переломный момент в жизни Мирзы Фатали Ахундова. В результате бесед с ним Ахундов убедился в бесцельности своего стремления стать моллой и по его совету принял твердое решение изучить русский язык. Путь к свету и правде, путь к русской культуре был указан Ахундову в бедной и холодной келье преследуемого духовенством и реакционерами поэта Мирзы Шафи.

Еще с детского возраста приглядывался Ахундов к жизни народа. Конечно, он многого не понимал, все казалось ему загадочным, странным, но тяжелые впечатления детских и юношеских лет оставили глубокий след в сознании будущего просветителя.

Он помнил печальные годы, проведенные в Хамне. Помнил слезы и горе матерей, видел тяжелый труд и черную нужду крестьян, плеть и розги молл, в могущество которых безгранично верил народ, лишенный свободы, культуры. И ему казалось, что мир испокон веков такой и ничего в нем не изменится: так было, так будет.

Вокруг него твердили о том, что все живут только благодаря милости аллаха, что судьба и благополучие зависят от всемогущества господина неба и земли. Аллах невидим и непознаваем, но божественный дух десятков тысяч веков уже правит миром. Мир создан

аллахом, и настанет час, когда все мертвые предстанут перед его всевидящим оком и он спросит каждого о совершенных им делах на земле. И каждый получит свое: грешник отправится в ад, где властвует сатана, а благочестивые люди, чьи молитвы сохранили от позорных и постыдных деяний и которые верно служили всемилостивому и всемилосердному аллаху, пойдут в рай и будут наслаждаться с райскими гуриями.

Коран, который читал Ахундов, твердил о том, что аллах любит терпеливых людей, что только в терпении и молитвах человек может найти успокоение от мирских невзгод. Три раза в день на высокий минарет, возвышающийся над мечетью, поднимался муэдзин, и над широколиственными чинарами проносилась молитва мусульман: «Аллаху акбар! Аллаху акбар!» [\[24\]](#) Сколько раз слышал он это земное прославление божества, это единственное, как казалось, человеческое утешение: «Нет бога, кроме аллаха, и Мухаммед пророк его». А тысячи слушателей повторяли за ним громко и с непоколебимой верой: «Свидетельствуем! Что аллах делает, то случится, чего он не желает, то не случится!»

Все верили этим словам корана, верил им и юный Фатали. Он с уважением относился к моллам, хранителям божественной правды. Он сам хотел стать моллой, ибо считал, что молла делает самое благородное, самое полезное для человечества дело. «Коран является предостережением для вселенной, для тех из вас, которые ищут пути правого», — читал он в суре 81-й. А он искал правду, и правда, как думалось ему, была только в коране. «Коран как бы свет для людей, он направление — доказательство божественного милосердия к ним».

И он верил в могущество молитв, в необходимость терпеливо переносить все невзгоды жизни, верил в

бесов и в шайтанов, в потусторонний мир, и сам не раз в благоговении молился аллаху, со страстной верой поднимал свои маленькие руки к небу, прикладывал свои холодные губы к пятачкам из священной земли, под глухим сводом мечети шептал арабские стихи корана. Но жизнь, которую ему приходилось наблюдать, заставляла его порой сомневаться в правоте корана.

В темные, полные тайн и призраков ночи он, уходил к берегу Гянджи-чая, прислушивался к мерному шуму воды, задумывался над загадками жизни, хотел заглушить в себе ропот и мучительные сомнения, убить червя еретических мыслей, твердо стать на путь правды и истины, которые он видел только в божестве и в его священном писании — коране. И на сердце становилось так же спокойно, как на поверхности горного озера Гёй-Гель [\[25\]](#).

Но вдруг человек, которого он уважал и любил, в благочестие которого верил, открылся перед ним в другом свете, и с уст его полились смелые и страшные речи. Фатали не утратился этих речей — сомнения давно уже вкрались в его душу, — но он был удивлен, потрясен этой неожиданностью. Значит, не только он, но и его учитель усомнился в правде божественности, в праведности молл — служителей аллаха.

Это не могло не потрясти Фатали. Он жадно прислушивался к еретическим речам своего учителя, боясь пропустить хоть слово, сердце его начинало тревожно биться: теперь вместе с правдой приходил и страх, ибо все, чему он верил до сих пор, было поколеблено, рушилось, превращалось в мираж. Ему казалось, что он всю жизнь шел впотьмах, но вдруг перед ним явился учитель и осветил дорогу лучиной. И Фатали стало страшно потому, что при свете он увидел, что стоит перед зияющей пропастью. Еще один шаг — и он погиб бы: как метеор пронеслась бы по миру его

жизнь и погасла бы в пучине. А он думал о народе, о будущем.

Мирза Фатали чувствовал, как пробуждается от тяжелого сна, как медленно открываются его глаза и он начинает видеть свет, который был закрыт от него непроницаемым черным и тяжелым занавесом религии.

Первый раз в жизни Ахундов принял самостоятельное решение: моллой он не станет. Учитель его прав. Он будет учиться русскому языку. Он пойдет твердым шагом вперед, он найдет смысл и цель жизни.

Так началось великое пробуждение.

Ахунд Алескер вернулся из Мекки. Теперь его величали почетным именем Гаджи — совершивший паломничество в Мекку. Фатали попрощался с любимым учителем и вместе с приемным отцом вновь поселился в родной Нухе.

Гаджи Алескер ничего не знал о совершившемся переломе в сознании своего молодого воспитанника. Он все еще надеялся, что Фатали станет моллой и сделает блестящую духовную карьеру. Он стал вновь заниматься с ним, заставлял читать старинные книги, насыщенные ортодоксальным религиозным содержанием. Но каково было изумление Гаджи Алескера, когда он встретил со стороны Фатали сопротивление. Юноша религией не интересовался, ему хотелось изучать русский язык. Мысль о необходимости изучения русского языка и приобщения к новым условиям уже начинала проникать в сознание передовых людей азербайджанского общества. Несмотря на свои глубокие религиозные убеждения, Гаджи Алескер также склонялся к необходимости осваивать все новое, что несла с собой наступившая эпоха. Скрепя сердце он согласился с решением приемного сына отказаться от духовного звания. В 1833 году в Нухе открылось казенное училище, куда Мирза Фатали вскоре был зачислен учеником первого класса.

В классе вместе с ним обучались дети восьми-девяти лет, но это не смущало любознательного юношу. Внимательно всматривался он в русские буквы, стараясь запомнить их. Это ему удавалось без труда: каждый звук имел определенное обозначение, каждая буква имела один рисунок. К концу года он уже умел немного читать и писать. Разговаривать по-русски он

еще не научился, но знал много простых слов и предложений.

Наступил сентябрь 1834 года. Продолжать учебу в Нухе оказалось невозможным: Фатали было больше двадцати лет, и учиться дальше с мальчиками ему не разрешили. Оставалась одна надежда — поездка в Тифлис.

К тому времени юноша обладал довольно солидными филологическими знаниями. Кроме родного, азербайджанского языка, он прекрасно владел турецким, фарсидским и арабским, свободно читал, писал и говорил на этих широко распространенных языках восточного мира. К началу тридцатых годов относятся и его первые поэтические опыты. Следуя — сложившимся традициям, Фатали писал свои стихи на фарсидском языке. Почти все стихи этого периода погибли, осталось лишь одно чрезвычайно важное для раскрытия настроений и дум начинающего поэта.

О чем же писал Фатали в безропотной тишине азербайджанской патриархальной действительности? На сердце было тревожно. Глубокая печаль и неясное предчувствие приближающихся больших событий охватили юношу. Мир казался ему мрачным, полным горя, слез, лжи и коварства. Кому он верил — изменили, кого любил — не ответили взаимностью. Все оказалось безнадежно потерянным. Он искал утешения и ласки — его встретили неверностью и равнодушием. Казалось бы, рухнули последние надежды. Разочарованный во всем, он глядел на мир печально, тоска и одиночество внушали ему страх и ужас перед будущим. Опаленные, словно летним зноем, тягучие мысли душили его, глубоко в память врезались страшные и правдивые слова Мирзы Шафи.

Но Фатали сдаваться не хотел. Он не мог так легко расстаться с жизнью. Лезвием сверкающего кинжала он должен пронзить мрачную ночь, своими собственными

руками должен проложить себе путь к солнцу, скрытому за этим мраком. Однако сердце и душу не покидали сомнения: его мозг был сдавлен огромными лапищами суеверий, религиозных предрассудков, от которых нельзя было освободиться полностью и сразу. Внутренний голос призывал его стряхнуть грустные размышления, забыть страх, смело ринуться вперед, пройти лежащее перед ним темное пространство. В Тифлис! Скорее в Тифлис! Там, только там он найдет себе верных друзей. Там — почет, уважение, успех, жизнь. Там он встретит ученого со светлым разумом, несравненного, мудрого человека. Это друг обездоленных и беспомощных, он могуч и добр, ему знакомы все тайны природы, и каждое слово его сверкает как драгоценный камень. В познаниях своих он не уступит прославленному Руми [26], а в философии он выше Ибн Сины [27]. Весь Тифлис восхищен его красотой и умом, а стихами его мог бы восторгаться сам великий Хагани [28]. Он, Фатали, должен найти того, кто властен над миром знаний и наук, кто разумом своим высок и прекрасен, чья верность и дружба беспримерны на земле!

Стихотворение, содержание которого мы передали, носит панегирический характер, в нем много преувеличений и восхвалений. Главное — не в этом. Панегирические выражения поэта нас не удивляют, ибо они подчас встречались в восточной поэзии, на традициях которой воспитывался с детских лет будущий писатель. Смысл стихотворения — в укрепляющейся надежде поэта, что в Тифлисе он найдет разрешение мучивших его вопросов и загадок. Всем существом стремился Ахундов в Тифлис, где жил мудрый учитель. Он верил, что благодаря его помощи и поддержке освободится от долгого блуждания среди

привычных мыслей и чувств, приведших его к разочарованию и унынию.

Кто же тот, о котором так страстно говорил Ахундов, которого он так упорно хотел видеть? Трудно сказать. Возможно, это был Бакиханов — выдающийся азербайджанский писатель и ученый. Во всяком случае, он «сыграл немалую роль в формировании мировоззрения Ахундова после его приезда в Тифлис.

Преодолевая религиозные предрассудки и ограниченность своего времени, отталкиваясь от схоластической науки феодального мира, Бакиханов учился у лучших представителей русской культуры, использовал в родной стране научные достижения ученых России. Именно благодаря знанию русского языка, освоению русской культуры, благодаря своей прозорливости Бакихановым были заложены основы целого ряда отраслей азербайджанской современной науки. С именем Бакиханова связано зарождение новой астрономической, географической, философской, педагогической, филологической наук в Азербайджане. Личная дружба связывала его с русскими писателями: А.С. Грибоедовым и А.С. Пушкиным. Его жизнь, литературная и научная деятельность прошли в атмосфере идейного общения с ссыльными русскими декабристами, с грузинскими революционными деятелями.

Бакиханов жил и работал на рубеже двух культур — древней, феодальной, связанной с многовековым развитием стран Ближнего Востока, и новой, прогрессивной, демократической. Он был идейным предшественником великого азербайджанского просветителя Мирзы Фатали Ахундова.

Условия времени и интересы страны заставили Бакиханова стать универсальным ученым — географом, историком, астрономом, философом, быть первым

переводчиком русских поэтов, сатириком, прозаиком, журналистом.

Оглядываясь на героическое прошлое азербайджанского народа, Бакиханов верно определил пути его дальнейшего развития, указав на передовую Россию, в дружбе и союзе с которой страна могла идти по пути прогресса.

Вместе с тем Бакиханов — фигура, глубоко противоречивая в истории развития общественной мысли Азербайджана XIX века. Воспитанный в молодости на традициях старой схоластической школы, Бакиханов благодаря самообразованию стал одним из передовых людей своего времени, ученым, общественным деятелем нового типа, но вместе с тем до конца жизни не сумел полностью вырвать из своего сознания корни феодальной идеологии. Любовь к родному народу, большое чувство национальной гордости сочетались у него с сословными предрассудками, с защитой интересов господствующего класса феодалов. Следя с глубокой симпатией за развитием народного движения, направленного против диких колониальных и помещичьих порядков, смело отказываясь от участия в подавлении народного восстания, он ревниво защищал права дворянского сословия. Свою жизнь Бакиханов кончил вдали от родины, в Аравийской пустыне, терзаемый внутренними противоречиями.

Но, несмотря на все эти противоречия, сомнения, колебания и ошибки, значение его в развитии новой культуры, науки и литературы Азербайджана трудно переоценить.

Родился Аббаскули Бакиханов 10 июня 1794 года в селении Амираджан, недалеко от Баку, в семье одного из последних владетелей Бакинского ханства.

Двадцатипятилетним молодым человеком Аббаскули Бакиханов впервые прибыл в Тифлис. 30

декабря 1829 года он был назначен на должность переводчика в канцелярии главноуправляющего Грузией. Это было началом его блестящей служебной и военной деятельности.

Пытливый, любознательный, энергичный Бакиханов изучает историю, литературу, географию, интересуется самыми разнообразными научными вопросами. Вместе с тем в эти годы он с особенным рвением стремился к военной карьере, мечтал о славе на поле брани. Умевший с детских лет владеть оружием, храбрый по природе Бакиханов не мог удовлетвориться переводческой работой. Он рвался к активной деятельности, искал место в рядах русской армии.

Уже в 1820 году в отряде под командованием генерала Мадатова он участвует в Хогренском сражении, в перестрелках с фанатично настроенными отрядами горских племен. За мужество, проявленное в битве с отрядом Казыкумского хана, закончившейся полным его поражением, Бакиханов был произведен в первый офицерский чин прапорщика. Вскоре он близко познакомился с русскими писателями, общение с которыми расширяло его кругозор, помогало приобщаться к русской литературе. В конце 1821 года чиновником особых поручений при Ермолове был назначен В.К. Кюхельбекер, лицейский товарищ Пушкина. Кюхельбекер жил в Тифлисе вплоть до мая 1822 года, где с ним и подружился Бакиханов. Ко времени приезда в этот город Кюхельбекера сюда прибыл из Тавриза А.С. Грибоедов, ставший секретарем по дипломатической части в канцелярии Ермолова. Много внимания он уделял улучшению транзитной торговли России с восточными странами, привлечению русских купцов к расширению этих связей, немало усилий прилагал для поднятия экономической жизни Закавказского края. Пребывание в Тифлисе не прошло и для него без пользы. Он внимательно наблюдал жизнь

закавказских народов, интересовался их историей, архитектурой, бытом. Изучал турецкий язык, занимался арабским, а главное — продолжал работу над комедией „Горе от ума“. Жил он на Экзаршеской площади (ныне площадь Ираклия II), откуда открывался вид на Кавказские горы. Он вел спокойную жизнь, много путешествовал по Грузии, встречался с друзьями.

Среди сослуживцев его внимание привлек Бакиханов, блиставший своей храбростью, талантом, знанием восточных языков.

После декабрьского восстания 1825 года Грибоедов, находящийся в близких отношениях со многими передовыми людьми России, был арестован и выслан с Кавказа. Трагическая судьба друзей-декабристов оставила неизгладимый след в сознании писателя-патриота.

3 сентября 1826 года он вновь вернулся в Тифлис. Ему была поручена вся дипломатическая переписка с Турцией и Ираном. Получив возможность проявлять личную инициативу, он весь отдался служебной деятельности, энергично защищал интересы русского государства, стал одним из выдающихся дипломатов. Одновременно он продолжал расширять свои знания о Закавказском крае. Интересы его были обширны. Грибоедов деятельно поощрял развитие виноградарства и шелководства в стране, содействовал открытию коммерческого банка, Публичной библиотеки в Тифлисе, новых уездных училищ, хлопотал об издании газеты на языках народов Закавказья. 4 июля 1828 года вышел первый номер „Тифлисских ведомостей“.

Именно в эти годы и укрепилась тесная, дружеская связь Грибоедова с Аббаскули Бакихановым. Бакиханов был его ближайшим помощником в ведении переписки с Турцией и Ираном. Он знакомил его с историей Азербайджана, с древними сказаниями, рассказывал о

Низами [29]. Русский писатель увлекался памятниками Азербайджана, бродил по развалинам Барды [30]. К этому времени Бакиханов был известен как большой знаток истории родного края, и обращение Грибоедова к его авторитету было вполне естественным. В своих „Путевых заметках“ Грибоедов упоминает о своем азербайджанском друге, называет его „нашим Аббас-Кули“.

В Тифлисе Бакиханов очень близко сошелся и с А.А. Бестужевым-Марлинским и А.С. Пушкиным, с которым познакомился в 1829 году в Арзруме.

Тифлис времен Бакиханова, несомненно, был одним из самых интересных культурных центров. Здесь проживало не мало русских образованных людей: журналистов, писателей, ученых. На Кавказ после восстания декабристов было сослано много русских революционеров.

В двадцатые-тридцатые годы XIX века из среды азербайджанских беков выделилась группа передовых людей (например, Куткашинский и Уцмиев Хасан-хан), которые начали сознавать мировое значение культуры русского народа и, нередко критически относясь к колониальной политике царизма, искренне и сознательно воспринимали все то новое, что несла в Закавказье передовая русская литература и наука.

Большое влияние на выдающийся труд Бакиханова „Гюлистан-Ирем“, посвященный историческим судьбам Азербайджана, оказала „История Государства Российского“ Карамзина. В этой книге, не потерявшей и поныне своего научного значения, Бакиханов нарисовал красочную и живую картину развития Азербайджана с древних времен до начала XIX века. Книга была создана на основе глубокого изучения рукописных и литературных источников.

„Гюлистан-Ирем“ — первая историческая работа об Азербайджане, отвечающая требованиям европейской науки. Бакиханов не только хронологически последовательно излагает основные политические события, происшедшие в Азербайджане, но и ставит в своем труде ряд важнейших вопросов о происхождении народа, о названии племен, некогда населявших его родину, о географических границах древнего Ширвана и т. д.

Бакиханов верил, что народ при благоприятных условиях мог бы создать величайшие произведения искусства и науки. „Если бы политическое спокойствие и надлежащее воспитание позволили развиваться природным способностям жителей Кавказа, то они достигли бы высокой степени просвещения. Несмотря на беспрерывные войны и опустошения, причиняемые этому краю беспрестанными столкновениями северных племен с южными, здесь явились люди, которые своей ученостью и способностями далеко распространили свою славу“.

Вся книга — подтверждение этих гордых слов. Бакиханов понимал, что „дух времени и образование каждого народа отражаются всегда в литературе и других памятниках“. Это побудило его создать произведение, рассказывающее о выдающихся ученых и поэтах своей родины, живущих в разные века.

Не менее ценен и его филологический труд „Канун-Кудси“ (Кудси — поэтический псевдоним Бакиханова), являющийся грамматикой фарсидского языка. Кроме этого, Бакихановым были написаны и другие научные работы: „Открытие чудес“ (об открытии Колумбом Америки), „Улучшение нравов“, „Книга нравоучений“, „Мера очей“ (логика на арабском языке), „Тайны небес“ (астрономия), „Всеобщая география“ и другие.

Разносторонность Бакиханова не исчерпывается его широкой научной деятельностью. Одновременно он был

крупнейшим поэтом своего времени, зачинателем азербайджанской художественной прозы. Его перу принадлежит рассказ „Китаби-Аскерийе“, диван [\[31\]](#) стихов, который, к сожалению, полностью не сохранился.

Бакиханов вел большую общественную деятельность. Он активно выступал в русской периодической печати Тифлиса, был тесно связан с грузинскими общественными деятелями, принимал участие в разработке положений об азербайджанских сословиях.

Видимо, Аббаскули Бакиханов и был тем ярким, манящим огоньком, к которому так страстно стремился Мирза Фатали Ахундов. Понять Ахундова без Бакиханова невозможно. Жизнь и деятельность будущего просветителя была органически связана с азербайджанским другом Грибоедова и Пушкина.

Одной тропой шли они, Бакиханов и Ахундов. Живыми, земными интересами была объединена их судьба. И старший из них помогал младшему карабкаться в гору, к сияющим вершинам человеческого знания.

Всадники внезапно натянули удила своих коней и стали у высокого берега Куры, с глухим ревом катящей мутные воды. Вблизи, совсем под ногами, в долине, окруженной скалистыми горами, широким и красивым амфитеатром лежал Тифлис.

Утопая в солнечных лучах, высоко над горами в безмолвии стояла седая Мтацминда [\[32\]](#) — несокрушимая свидетельница многострадальной жизни грузинского народа.

Тифлис... Сколько поэтических легенд связано с этим чудесным солнечным городом, разукрашенным изумрудом зеленой листвы, высокими, тянущимися к небу кипарисами! Рассказывают, что 1500 лет назад царь Вахтанг Горгасале, однажды охотясь в лесу, меткой стрелой ранил дикого оленя. Истекая кровью, олень бросился от охотника. И вдруг перед ним показался горячий источник. Сломая голову, задыхаясь от быстрого бега, обессиленный от раны, он еле добежал до источника и упал замертво. Но это был только миг. Неожиданно олень, словно обивший от каких-то целебных сил, поднялся на ноги, высоко вскинул свою красивую голову, встряхнулся и кинулся прочь: он исчез в густых зарослях.

Верить или не верить этому сказанию, но говорят, что царь в этот удивительный день убил еще фазана. Смертельно раненный фазан упал в горячие воды источника, около которого только что чудом ожил быстроногий олень. Слуги принесли ему пронзенного стрелой фазана. Он сварился. Изумленный Вахтанг велел исследовать горячий источник. Источник оказался целебным. Вскоре здесь был заложен город, названный Тбилиси — "теплым".

Много бурь и гроз пронеслось над этим городом-красавцем. Но он остался жить, ибо Грузия не могла жить без своей столицы. И теперь, много веков спустя, над ним сияло солнце, и он красовался перед взорами всадников во всем величии и несокрушимости.

Их было двое. Они были одеты в черные шерстяные чухи [33] с золочеными галунами и длинными, развевающимися рукавами, разрезанными позади от плеча до кисти рук. Под чухой был надет шелковый архалук [34], из-под которого виднелась красная канаусовая сорочка со светлыми шнурками.

Всадник постарше, с широкой бородой, подпоясанный черным азербайджанским кушаком, несколько напоминал человека духовного сана, благородного и серьезного. Он был одет проще своего спутника, смуглого юноши, жадно и с удивлением всматривающегося в контуры города. Юноша восхищался. Он впервые в жизни видел большой и красивый город. Ему казалось, что здесь начнется его новая жизнь, здесь он найдет ответы на те многочисленные вопросы, над которыми, жаждущий знаний, стремящийся проникнуть в тайны природы и жизни, он тщетно бился всю свою юность. Когда-то он думал стать моллой, но счастливая, незабываемая встреча с ученым-поэтом из Гянджи резко изменила его жизнь, вызвав в нем стремление к иному, неизвестному миру. Он хотел, о нет, он должен был изучить язык русских, неведомый, какой-то странный, но в то же время почему-то близкий, зовущий и обещающий.

В дни золотого листопада, в октябре 1834 года, впервые в жизни Ахундов вступил в этот древний город.

Многоводная Кура, пересекая Тифлис, раскинувшийся у подошвы горы, делит его на две части. На правом берегу реки расположен старый город. Узкие, годные только для пешеходов, кривые улицы,

низкие дома с плоскими кровлями, многочисленными крошечными лавчонками своими яркими и пестрыми красками манили взор путешественников. У Куры находился загроможденный арбами, верблюдами, быками многолюдный базар, куда ежедневно привозили разнообразные товары из России и Армении.

В лавках шла бойкая торговля: купцы громко восхваляли свои товары, оглашая базар криками, сзывали покупателей, предлагая фрукты, ситец, изюм, орехи. Перед чувячными мастерскими, расположенными недалеко от базара, висела всевозможная азиатская обувь. Лудильщики, портные, серебряных дел мастера, башмачники сидели в своих тесных лавках. В крытых базарах торговали коврами, различными тканями. Муши — носильщики с огромными ношами — грузно пересекали узкие улицы, проталкивались среди покупателей, прохожих и гуляк. Тулухчу [\[35\]](#) развозили на мулах огромные бурдюки, наполненные свежей куринской водой. Жизнь базаров и улиц переливалась в караван-сарай, на плоских крышах раздавались звуки зурны, муэдзины звали к молитве.

Базары на Востоке — это не только рынки. Это центр всей жизни города. Базары, бани и караван-сарай заменяли жителям восточных городов клуб и театр. По обилию своих торговых рядов, мясных и хозяйственных лавок, открытых витрин с фруктами, зеленью, овощами, по количеству совершающихся сделок Тифлис не уступал ни одному из крупных торговых центров тогдашнего Закавказья. Здесь было много базаров, которые славились своими богатствами и разнообразием товаров. Бойкий Армянский базар кипел, шумел, удивляя своими красками. Оживленно было на Сионской улице, в Темных рядах, на Шайтан-базаре.

Это была Азия во всем величии и пестроте своей жизни. Но вместе с тем Тифлис этих лет едва ли можно

назвать типичным восточным городом. Россия зримо вступала в него. Медленно, но уверенно пробивала себе путь европейская архитектура, воздвигались новые дома, планировались кварталы, строилась новая, европейская часть города. Дом начальника гражданского управления, дом главноуправляющего, арсенал, интендантское управление, таможня олицетворяли новый, чиновничье-административный характер Тифлиса.

Еще в 1825 году в городе насчитывалось более 25 тысяч человек. Основное население составляли грузины, армяне, азербайджанцы. Было здесь и много русских. В городе проживали сотни семей иностранцев. В 1833 году население Тифлиса увеличилось до 40 тысяч. Новая культура, приносимая извне, соревновалась с древней грузинской культурой, нашедшей выражение в характере, в быту и нравах народа, издревле населяющего этот город, в общественной жизни страны, в его литературных памятниках.

Над Мтацминдой хмуро висели облака. Веяло прохладой. Шли дожди. Но полностью изгнать южное солнце было не так уж легко. Оно часто появлялось над Тифлисом, и тогда игривые и капризные тучи боязливо убегали, скрывались за холмами.

И все же осень наступила. Все чаще приходилось Фатали сидеть в караван-сараях и нетерпеливо ожидать отца. Гаджи Алескер ходил к тифлисским знакомым, обращался к местным духовным лицам, тщетно умолял их помочь ему определить Фатали на казенную службу. Бакиханов находился в Кубе, где приводил в порядок свои литературные и научные дела, заброшенные из-за длительного путешествия по России. Он побывал на Украине, в Литве, Латвии, Польше.

Фатали с нетерпением ожидал прибытия Бакиханова в Тифлис. И вот счастливый час наступил. Бакиханов вернулся.

Через несколько дней Гаджи Алескер повел своего приемного сына к Аббаскули Бакиханову.

Уведомленный о предстоящем визите, зная цель приезда нухинцев в Тифлис, Бакиханов уже был подготовлен. Он навел необходимые справки, выяснил, куда можно устроить Фатали, и спокойно ожидал их. Юношу он еще не знал, но почетное звание Гаджи Алескера и его глубокие познания в восточных науках вызывали симпатию.

Умно отвечал Фатали на все вопросы Бакиханова. Проверка знаний состоялась, и можно было рекомендовать его на службу. С замиранием сердца слушал Фатали человека, чья жизнь была для него примером. Когда он вместе с торжествующим Гаджи Алескером вышел на улицу, то ликовал от счастья, что

надежды его оправдались и ученый отнесся к нему столь дружелюбно.

Всегда общительный, приветливый и отзывчивый, Бакиханов не мог равнодушно относиться к появлению в Тифлисе новых молодых способных азербайджанцев. Он был главным переводчиком, и каждый поступающий в канцелярию главноуправляющего Грузией на переводческую работу (а иной работы для азербайджанцев и не было в царских канцеляриях) неизбежно должен был встретиться с ним, получить его рекомендацию. И вот после многих хлопот и волнений при помощи Бакиханова удалось определить молодого Ахундова на службу.

"Как хорошо обученный языкам арабскому, персидскому, турецкому и татарскому ^[36]назначен временно для занятий по гражданской канцелярии его превосходительства в помощь штатным переводчикам тысяча восемьсот тридцать четвертого года, ноября первого дня", — записано в служебном формуляре Ахундова.

Временно! В помощь штатным переводчикам! Разве мог Ахундов надеяться на что-либо другое? Русский язык он знал плохо, опыта не имел, беком не был, единственное его богатство заключалось в прекрасном знании восточных языков. Но было у него и другое сокровище — страстное желание познать новый для него, еще малопонятный русский мир. Надо было хорошо изучить русский язык. Но как? Ждать многие годы, пока не овладеешь русской речью, он не мог. Он стремился как можно быстрее наверстать потерянные годы. Ахундов был безумен в своем неудержимом стремлении сделать невозможное — изучить русский язык в течение одного года. Большую часть своего времени он отдавал выполнению обязанностей помощника устного переводчика восточных языков. За

это он ежемесячно получал 10 рублей жалованья. Ему приходилось разговаривать с крестьянами, беками, моллами, купцами, ломаным русским языком переводить их жалобы хладнокровным и равнодушным чиновникам канцелярии главноуправляющего. Когда кончался скудный запас русских слов, он, не задумываясь, прибегал к помощи жестикуляции. Эти выразительные жесты не раз выручали его из самых трудных положений. Подчас Ахундову приходилось прибегать к помощи чиновников армян и азербайджанцев, но их было очень мало в канцелярии, да и не каждый хотел помочь ему: они видели в нем конкурента, человека, который в будущем при своих недюжинных способностях может занять их место.

Восприимчивый, привыкший к самостоятельному мышлению, критически настроенный, молодой Ахундов страстно отдался изучению русских книг. Он читал все, что попадалось ему в руки. Науки, доселе незнакомые, чуждые, непонятные, теперь открывали перед ним новые горизонты. Приобретенные знания окрыляли Фатали, пробуждали новые интересы. Только упорный труд, только сильное желание преодолеть свою отсталость могли так быстро привести Ахундова к решению поставленной перед собой великой жизненной задачи — стать на уровне эпохи, стать европейски образованным человеком.

Ахундов учился русскому языку и в канцелярии, и на базаре, и на улице, всюду, где мог услышать русскую речь, где мог познакомиться хоть с одним новым словом. Но настоящая учеба начиналась дома, среди малознакомых книг, которые он брал из Тифлисской библиотеки. Кто-то посоветовал ему прочитать стихи Пушкина. О Пушкине много рассказывал Ахундову и Бакиханов. Пребывание Пушкина в Тифлисе в 1829 году помнили многие.

Однажды он раскрыл страницы сочинений А.С. Пушкина. Глубоко врезались в его память слова "Талисмана":

*Там, где море вечно плещет
На пустынные скалы,
Где луна теплее блещет
В сладкий час вечерней мглы,
Где, в гаремах наслаждаясь,
Дни проводит мусульман,
Там волшебница, ласкаясь,
Мне вручила талисман.*

Эти стихи не были похожи на те, которые Ахундов читал в свои юношеские годы. Была в них жизненная убедительность и верность наблюдения.

Просто, правдиво, без пышных фраз и фантастических гипербол рассказывал поэт о талисмани, подаренном волшебницей.

Ему захотелось познакомиться со всей поэзией этого удивительного человека. Со странным волнением он приступил однажды к чтению "Бахчисарайского фонтана".

Поэма привлекла его восточной тематикой. Эпиграфом к поэме Пушкин взял слова хорошо известного Ахундову Саади: "Многие, так же, как и я, посещали сей фонтан: но иных уже нет, другие странствуют далече". Так, значит, Пушкин знал тех поэтов, которыми он сам увлекался когда-то. Пушкин был знаком с произведениями Саади, знал все, что написали лучшие поэты мира.

Ахундов читал запоем. Он был похож на человека, которого в пустыне долго мучила жажда и который, наконец, добрался до прохладного источника. Он читал "Бедную Лизу" Карамзина, стихи Ломоносова, Державина.

Но жажда Ахундова была неутолима. Он изучал географию, историю, знакомился с прошлым России, в долгие зимние ночи засиживался над "Историей Государства Российского". Ахундов жадно перелистывал страницы старых номеров "Тифлисских ведомостей", издававшихся литератором Сенковским. Он любил посещать спектакли, устраивавшиеся приезжими артистами. Постоянного театра в Тифлисе еще не было.

Все было ново, интересно, увлекательно.

Так все больше и больше обогащал Ахундов свою память знаниями, приобщался к культуре русского народа. И мир становился для него другим, он окончательно уверовал в то, что цель жизни найдена: знакомство с достижениями русских поможет ему пробудить и среди своего народа любовь к культуре, поможет направить его по пути прогресса.

Три года понадобилось Ахундову, чтобы овладеть русским языком, вооружиться знаниями, стать образованным человеком. Теперь он мог шагать рядом с самыми просвещенными людьми Азербайджана.

Устав от нудной и, казалось, бесконечной канцелярской работы, Ахундов медленно возвращался домой, в свою полутемную и неуютную комнатку. Он чувствовал себя измотанным, больным. На службе ему надо было услужливо кланяться, терпеть грубые оскорбления, улыбаться, повседневно совершая над собою насилие, угождать необразованному и бездушному начальству. Никто, даже Бакиханов, не знал, что происходит у него на душе. Иногда он брал свой калам, и звучные фарсидские стихи ложились на бумагу. Но все это не удовлетворяло. Он хотел большего.

Однажды вечером, когда Ахундов, полулежа на тахте, читал тифлисскую газету, в дверь постучали. Недовольно подняв глаза от газеты, он крикнул: "Войдите!" В комнату легкими шагами вошел Бакиханов. Фатали радостно был удивлен, ибо знаменитый ученый обычно приглашал его к себе, и теперь, посещая бедного чиновника, он оказывал высокую честь своему молодому другу. Ахундов сразу понял, что приход Бакиханова вызван какими-то важными причинами.

— Прощу вас, хан, заходите! Я очень рад вам.

— Нет. Я ненадолго. Идемте к Потоцкому. Я познакомлю вас с писателем Бестужевым.

Ахундов оделся, и они вышли. На квартире Потоцкого их ждал Бестужев.

Ахундов не знал его в лицо, но как только увидел незнакомого человека, стоящего у окна, то догадался, что это именно он, русский писатель. Бестужев был высокого роста, с открытым красивым лицом, на котором не отразились вынесенные им страдания. В

больших темных глазах светился ясный ум, и это поразило Ахундова.

— Имею честь, мой друг, — сказал Бакиханов, — представить вам писателя Александра Бестужева...

— Как это можно, хан! — с оживлением заговорил Бестужев. — Не верьте ему, господин Ахундов! Наш друг поэт, а поэты... — он улыбнулся, — всегда любят преувеличивать. Я простой русский человек и, если хотите, ссыльный офицер, разжалованный в солдаты.

Только на мгновение просветлело его лицо, а затем снова стало грустным.

Гостей любезно пригласили сесть на тахту.

— Мне было известно, что вы находитесь в Тифлисе, — тихо проговорил Ахундов. — Я знаком с вашими прекрасными произведениями. Друг моего друга всегда будет близок моему сердцу.

Прошло немного времени, и они стали неразлучными друзьями.

Осужденный указом Верховного уголовного суда по делу декабристов, Бестужев был лишен чинов и дворянского звания и сослан на двадцать лет на каторжные работы в далекий Якутск, а затем отправлен на поселение. Ни трагическая судьба, ни мертвящая скука и суровость политической ссылки не смогли сломить волю этого полного сил и энергии замечательного человека. В апреле 1829 года по личному ходатайству "государственный преступник" Бестужев был переведен на Кавказ в качестве рядового для участия в боевых действиях против турок. Случайная пуля могла положить конец жизни писателя. Никаких надежд на возможность повышения не было. Никакая отвага, никакая жертва не могли вернуть ему утраченный покой. Но перед ним жестоко и настойчиво стоял вопрос: не лучше ли что-то делать на Кавказе, чем медленно погибать в могильном склепе постылой якутской ссылки.

Романтическая натура Бестужева страстно рвалась к стенам Арзрума. Под тенью Эльбруса и Бештау должна была обновиться его жизнь. Кавказ очаровал его своей бессмертной красотой. Он любовался "ненаглядной цепью опаловых гор и голыми утесами ущелья". Кавказ казался ему "краем поэзии и любви".

Приезд в Тифлис был омрачен гибелью Грибоедова в Тегеране. Бестужев был один в своем неутешном горе, а Петербург находился так далеко и был недостижим...

Здесь, на Кавказе, он подружился с Бакихановым, принялся за серьезное изучение азербайджанского языка. В Тифлисе, впервые после восстания на Сенатской площади, Бестужев почувствовал себя среди близких, здесь он встречался со многими своими старыми друзьями и знакомыми-декабристами, но вскоре был лишен и этой радости; ему было предложено ехать в "Кавказскую Сибирь", как называли в те времена далекий Дербент, и провести там остаток своей жизни в тиши и скуке. Он чувствовал себя разбитым, морально подавленным. Тоска по родине приносила ему многочисленные страдания. Бестужев писал: "Не знаю, в каком раю забыл бы я свое туманное отечество, даже где страдал и погиб: мне кажется, там от живого меня схоронено сердце, туда летают думы и сны мои".

И все же Дербент оказался гостеприимным городом для несчастного скитальца. Бестужев хорошо изучил здесь азербайджанский язык, полюбил людей, музыку, народное творчество незнакомого ему народа. Здесь родились его романтические повести "Испытание", "Страшное гадание", "Лейтенант Белозор". Дербент вдохновил его на большие творческие замыслы, сохранил для русской литературы писателя Марлинского.

Бестужев не был чужим человеком для азербайджанского народа. Он говорил на языке

местного населения, дружил и со стариками и с молодежью, радовался вместе с ними их радостям, делился своими печалью. И местные азербайджанцы искренне полюбили его. Бестужев стал для них другом, сыном, братом. Они прозвали его Искендер-беком. Когда он весной 1834 года после длительного пребывания в Дербенте покидал город, чтобы вновь отправиться в Тифлис, все городское население провожало его верхом и пешком верст за двадцать до самой реки Самур, стреляя по пути из ружей, пуская ракеты, зажигая факелы. Играли музыканты, все вокруг пели, плясали, желая доброго пути. Согласно обычаю плеснули вслед ему студеной родниковой воды.

Путь в Тифлис лежал через азербайджанские села и города. На переправе через бурную горную реку Тенгу ему повстречался знаменитый азербайджанский качах [\[37\]](#) Мулла-Нур, романтический образ которого он впоследствии создал в одноименной повести.

Бестужева предупредили, что встреча с Мулла-Нуром может быть опасной. Но он знал, как любим народом, и не боялся качаха. Оказалось, что оба искали этой встречи.

Мулла-Нур гордо и смело сидел на сильном коне. Эриванская папаха, закинутая небрежно назад, открывала его приятное и мужественное лицо, опущенное короткой черной бородою. Качах был среднего роста, широкоплеч и строен. Из-под чухи с откидными рукавами сверкала кольчуга с бляхами, насеченными золотом. Кроме ружья, за спиной на крюке прикреплен был коротенький мушкетон. Из петли пояса над кинжалом выглядывал пистолет, два подобных висели в сквозных кобурах седла.

— Я не знал тебя в лицо, не помню твоего имени, — сказал русскому скитальцу отважный качах. — Но я знаю твою душу и помню все, что про тебя мне

рассказывали. Вчера я был в Кубе, и мне поведали, что ты скоро должен отправиться в Шемаху. Стало быть, я ждал тебя. Ты гость дорогой мой, хотя и невольный гость.

Качах предложил поэту разделить с ним скромную трапезу, в знак дружбы обменялся с ним ружьем. В дружеской беседе он рассказал ему правду о своей жизни, полной тревог, опасностей, страданий, и Бестужев с лихвой отблагодарил качаха, увековечив его имя в своей знаменитой повести.

Мулла-Нур ускакал, простившись со своим конагом [38]. Но эта встреча навсегда запечатлелась в памяти писателя. Благородное сердце и ум Бестужева, его чистая незапятнанная совесть родили романтическую быль о смелом и гонимом судьбой азербайджанце. Но эта быль была не только о Мулла-Нуре, но и о самом Бестужеве, изгнанном из родного края, погибшем вдали от родины, которую он так безмерно и горячо любил.

Судьба лихорадочно бросала писателя по полям кавказской сечи. Своими боевыми подвигами он заслужил офицерский чин. Но царь, никогда не забывавший тех, кто поднимал против него меч, был беспощаден и неумолим. Приговор был оставлен в силе.

В начале 1837 года Бестужев вновь появился в Тифлисе. Он решил продолжать здесь свои занятия азербайджанским языком и искал себе преподавателя.

Ахундов оказался самым подходящим человеком. Начиная с 8 декабря 1836 года, он, продолжая работать в канцелярии главноуправляющего, одновременно состоял учителем азербайджанского языка при Тифлисском уездном училище, где в качестве исполняющего обязанности штатного смотрителя служил и Хачатур Абовян — великий армянский просветитель и писатель.

В этот период Ахундов уже часто обращался к поэзии и сочинял стихи в стиле классических поэтов Востока. Писал он обычно по ночам. Его комната тускло освещалась светом сальных свечей домашнего изготовления. Работал он, сидя на ковре по-восточному, писал тростниковым каламом, держа бумагу для удобства на особой подставке: приходилось много писать, и рука быстро утомлялась. Бумаги он складывал в небольшой сундук, который заменял ему письменный стол.

Простота, общительность Ахундова привлекали к нему людей. Он любил посмеяться, пошутить, был очень приятным собеседником. Все это нравилось Бестужеву, и он часто приходил к нему, чтобы не только заниматься азербайджанским языком, но и дружески провести время. Бывал и Мирза Фатали у Бестужева.

Эти встречи много давали Ахундову. Они были настоящей школой жизни. Из бесед с Александром Александровичем Бестужевым он узнавал многое такое, чего никогда бы не узнал из книг. Постепенно он начал понимать, что и в России народ живет в неволе, что и там существуют беззаконие и несправедливость. Он осознал, что жизнь значительно сложнее, чем представлялось ему до сих пор.

В Тифлисе несколько лет тому назад был раскрыт заговор против русского самодержавия представителей высшей знати и некоторых членов бывшего грузинского царского дома. То, что грузинские дворяне намеревались восстать против русского царя, Ахундову было понятно: они стремились восстановить грузинское царство во главе с Багратидами. Но почему русские поднимаются против своего царя, этого он долго не мог понять. Только благодаря беседам с Бестужевым Ахундов стал видеть настоящую правду жизни. Значит, царь и русский народ не одно и то же. Любить Россию — значит любить русский народ, а не царя. Передовую

русскую литературу создали не цари, а Ломоносов, Радищев, Карамзин, Крылов, Пушкин.

Царь послал Грибоедова в Тегеран и дал растерзать его фанатичной толпе! Это он получил за голову того, кто создал "Горе от ума", несколько бриллиантов короны иранского шаха, отправил в ссылку русских офицеров! Где же правда? Как же относиться к царю? Ахундов не мог ответить на этот вопрос. Он сам служил царю... Вот эполеты, которые он уже стал носить, они тоже царские... Что же делать? Ему казалось, что если он найдет место на казенной службе, все разрешится: он будет счастлив и поможет своему народу... Оказывается, что все не так-то просто... Надо много еще читать, надо ближе познакомиться с лучшими людьми России. Быть может, они подскажут ответ на тревожный вопрос: что делать?

Кончались грезы, начиналась сознательная жизнь, полная тревог и жестоких испытаний.

Однажды в вечернюю пору, увлекшись беседой, Бестужев и Ахундов долго бродили по улицам Тифлиса. Изредка попадались прохожие. Когда они вышли к широкой и просторной городской площади, показался силуэт горы Давида.

— Там, — сказал Бестужев, показывая в сторону горы, — похоронен Грибоедов. Его звали Александром. И меня тоже зовут Александром.

— Александр Александрович! Почему вы так часто вспоминаете о смерти? Разве вы боитесь ее?

— Нет, дорогой, не смерти боюсь я...

Они стояли рядом. Из-за облаков выглянула молодая светлая луна, своим серебристым сиянием осветила вершину Давида.

— Я не боюсь смерти! — продолжал Бестужев. — Но я знаю, что моя смерть придет здесь, в ваших горах.

Одного Александра убила фанатичная толпа, меня убьет свинцовая пуля.

— Вы писатель. Вас любят, вас должны беречь.

— Вы еще молоды, Мирза Фатали, и не знаете, что нас нарочно посылают под пули...

— Кто может желать вашей смерти?

— Царь. Русский царь! Ни одного из нас он не помилует. Все ссыльные обречены на гибель.

Мимо прошла шумная компания тифлисцев.

— В Тифлисе весело... Хороша грузинская ночь. Но мне здесь душно, я ищу и никак не могу найти свою смерть.

— Вам нужно повеселиться.

— По мере сил и возможностей своих я это иногда делаю. — Потом, подумав, добавил: — Кстати, завтра у меня соберутся друзья. Приходите. Будем пить старое кахетинское. Будет и музыка. Хорошо бы послушать восточные песни.

— У меня есть старый знакомый ашуг Саттар. Хороший певец. Хотите, я приду с ним вместе?

— Конечно. Обязательно приходите с ним.

Они попрощались. Бестужев крикнул вслед удаляющемуся Ахундову:

— Не забудьте про ашуга Саттара!

На следующий день, как только кончились служебные занятия, у Бестужева собрались гости. Вместе с Ахундовым пришел и ашуг.

Веселье было в разгаре. О горькой, обездоленной страдальческой жизни пел Саттар, глухо раздавались звуки бубна, жалобно стонала кеманча.

В окружении своих друзей, рядом с Ахундовым, любовно положив руки на плечи соседей, сидел Бестужев. В глазах его была печаль, на устах — невысказанная жалоба. Пламя камина бросало яркий свет на лица. А песня все лилась.

Рядом с Саттаром — слепой кеманчист-армянин. Забывшись, в полудремоте бьет в свой бубен юный азербайджанец.

Когда Саттар кончил песнь, на мгновение воцарилась глубокая тишина. Все молчали, как будто находились в священном храме.

Наконец раздался гром рукоплесканий. Низко поклонились гостям Саттар и музыканты. Денщик поспешно обходил всех, разливая вино в бокалы. Бестужев в приподнятом настроении громко сказал денщику:

— Вина музыкантам!

— Спасибо, ага, — проговорил Саттар. — Мы мусульмане. Шариат запрещает нам пить вино.

Бестужев подошел с бокалом к музыкантам, показал на смеющегося Ахундова. Тот стоял и, о чем-то рассказывая, чокался с приятелем.

— Мирза Фатали тоже мусульманин. Почему же шариат ему разрешает, а тебе нет?

— Он молод, ему все разрешено. Он мой друг и пьет за нас двоих. Не так ли, Мирза?

Ахундов услышал слова Саттара. Обернувшись, сказал:

— Это верно, Саттар. Я пью за нас двоих. Но почему наш кеманчист не пьет? Он же христианин...

Кеманчист поблагодарил за поднесенное вино:

— Саттар-джан! Гостям нужно сыграть что-нибудь народное, — предложил он.

Музыканты настроили инструменты, весело зазвенел бубен. Молодой грузин стал плясать. За ним в пляс пустился и старый ашуг Саттар. Гости улыбались, предлагали тосты. Окончив танец, грузин подошел к столу, взял в руки бокал и торжественно начал читать "Вакхическую песнь".

Подыдем стаканы, содвинем их разом!

Да здравствуют музы, да здравствует разум!

*Ты, солнце святое, гори!
Как эта лампада бледнеет
Пред ясным восходом зари,
Так ложная мудрость мерцает и тлеет
Пред солнцем бессмертным ума.
Да здравствует солнце, да скроется тьма!*

Вдруг с шумом распахнулась дверь. Злой ветер ворвался в комнату. Потухла свеча над камином. Отряхивая бурку, вошел Бакиханов. Денщик плотно закрыл за ним дверь.

Бакиханов был чем-то взволнован. Он искал глазами Бестужева.

— Господа, прекратите веселье.

— Что, что случилось?

— Печальная весть из Петербурга. На дуэли убит Пушкин.

Он грузно опустился на стул. На глазах были слезы. Раздался звон разбитого бокала. Его уронил Ахундов. В тревоге, недоумевая, смотрели музыканты.

Гости молча расходились. В комнате стало тихо. О скромном пиршестве напоминал только разбитый бокал на полу.

Ашуг Саттар, которого Ахундов провожал домой, спросил:

— Кто такой Пушкин, Мирза?

— Это тоже ашуг, Саттар-джан. Это великий русский ашуг. И его убили!

Саттар гордо поднял голову, положил руку на плечо своего молодого друга.

— Ашуги никогда не умирают, Мирза. Ашуг — сын народа. Русский народ — великий народ. Никогда не умрет его ашуг.

Бакиханов хорошо знал Пушкина, его родных, и трагическая смерть поэта потрясла его. В лице

Грибоедова и Пушкина он потерял близких своих друзей.

Ранняя тифлисская весна благоухала. Казалось, по волшебному жезлу оживала вся природа, набухали почки, деревья покрывались прозрачно-зеленой, молодой, нежной листвой, берега ручейков на лугу усеялись фиалками. На розовом кусте расцвела огнистая почка.

Мрачный бродил Ахундов по берегу Куры. Иногда он останавливался, долго смотрел на мутные воды, и мысли его путались, глаза застилала пелена. Он хотел представить себе образ погибшего поэта, хотел вспомнить любимые стихи, но все мешалось, тупая боль сковала его сознание. И вдруг, словно очнувшись ото сна, он понял, что ничего уже невозможно вернуть, что смерть такая же реальность, как сама жизнь. Его охватило чувство страшного одиночества. Слезы, тихие, скорбные слезы подступали к глазам, он задыхался, ему хотелось облегчить душу, найти неувимые, незнакомые слова, хотелось кричать, говорить что-то, но вместо слов из горла вырвался стон. Он закрыл глаза и вдруг ясно и четко произнес первый стих своей-рождающейся в муках элегии на смерть поэта.

Ночь прошла в лихорадочных творческих поисках. Лилась скорбная песня, и с каждой строкой все легче становилось на душе, как будто горечь, слезы, боль покинули тело, и все перешло в душу раскаленных поэтических строк.

Смерть Пушкина Ахундов воспринял как роковое напоминание о возможной гибели всего хорошего, что существовало в мире. И ему показалось, что смерть постучалась и в его двери. "Я предвижу конец мой", — писал он. Эти слова были далеко не случайными. Они выражали его грустные думы, болезненные

переживания, глубочайшие разочарования, его недовольство окружающей жизнью. Ахундов признавал, что жить так дальше невозможно, что перед ним стоит задача — или силой сверхчеловеческой воли вытащить себя из удушающей атмосферы старого мира и сильными взмахами крыльев птицы взвиться к небу, к новому миру, или погибнуть... Он понял, что на пути его ждут опасности, трудности, поражения, что победа будет завоевана нелегко, что всю жизнь ему придется неустанно бороться за новые свои идеи и жизненные цели. Ему придется перенести немало унижений, пережить одиночество, принять на себя все удары фанатичных молл и варваров-помещиков, чья власть над беззащитным, бесправным и измученным народом, казалось, была непоколебимой. Гибель Пушкина была предостережением не только для Бестужева, но и для Ахундова. "Безумна птица, которая, однажды увидев сеть своими глазами, для зерна вновь летит на опасность!" Безумен был Ахундов, который, увидев жестокую расправу царизма с Пушкиным, не мог подавить в себе желание клеймить позором убийц поэта.

Но такова человеческая логика. Зная, что жизнь, о которой мечтал, будет далеко не сладкой, он все же не мог поступить иначе: закрывая глаза на возможные превратности судьбы, презирая страдания, которые ему придется испытать в новой жизни, он решил свою судьбу в интересах народа. "Элегическая касыда на смерть Пушкина" — первый значительный шаг в творчестве великого просветителя.

Пушкин умер 29 января 1837 года. Весть о гибели великого поэта могла дойти до гор Кавказа только к концу февраля. Вполне возможно, что Ахундов написал свою поэму приблизительно в начале марта. Описанная им картина весны подтверждает наше мнение. Знали ли в Тифлисе к этому времени о бичующих, полных

негодования и политического протеста, благородных и мужественных стихах М.Ю. Лермонтова? Ответить утвердительно на этот вопрос очень трудно. Но вместе с тем нельзя забывать, что интерес к личности Пушкина в Тифлисе среди грузинской и азербайджанской интеллигенции был необычайно большой. Несомненно, здесь пытались узнать все подробности, связанные со смертью поэта. Вполне вероятно, что в Тифлисе быстро узнали и о стихотворении Лермонтова. Но элегия Ахундова была написана вполне самостоятельно и носит совершенно оригинальный характер. Для выражения своей глубокой печали Ахундов прибегает к контрастам, к противопоставлению радости весны элегическим размышлениям о гибели поэта.

"Все теперь наслаждается и веселится, распроставшись с печалью, — пишет поэт. — Все, кроме тебя, мое сердце! Не участник ты в общей радости и восторге, не просыпаешься ты из безмолвия.

И в глубине твоей нет ни к чему склонности, нет ни к кому любви. Далеко ты от страсти к славе и от мечты поэзии.

Разве ты не то самое сердце, что погружалось в море мыслей на ловлю стихов, подобных жемчужинам царским, и дарило целые нити их в украшение тысячам игривых выражений, будто красавицам?

Откуда же теперь печаль твоя? Не знаю. Для чего ты теперь стенаешь и сокрушаешься, как плакальщица похоронная?"

Поэт говорит о своем одиночестве, о том, что если бы его сердце "не ведало, что за вешним ветерком дуют вихри осенние", то "препоясало бы мечом слова стан наездника поэзии на славную битву". Он предвидит и свою гибель, жизненные опасности, которых и ему не избежать. Ахундов скорбит о том, что жизнь поэта многострадальна, слава быстротечна, что мало радости приносит она поэту. "Что такое гром славы, что такое

хвала за доблесть, как не отклики звуков внутри этого коловратного свода!"

Мажорные мотивы весны сменяются в "Элегической касыда" глубокой грустью. Жизнь нанесла поэту первый неожиданный удар: погиб тот, кого он любил, чьи гениальные поэтические строки пробудили в нем стремление к свободе, к правде. Пушкин для Ахундова был вершиной поэзии, обладателем мировой славы, светлым умом, самым остроумным и даровитым человеком. "В мечтаниях его, как в движении павлина, являлись тысячи радужных отливов словесности". Слова его разошлись по всей Европе. Он был "главой собора поэтов", Ахундов с глубокой прозорливостью понял величие "солнца русской поэзии". "Ломоносов красотами гения украсил обитель поэзии — мечта Пушкина водворилась в ней. Державин завоевал державу поэзии — но властелином ее Пушкин был избран свыше. Карамзин наполнил чашу вином знания — Пушкин выпил вино этой полной чаши". Как видно из приведенных строк, Ахундов называет трех предшественников Пушкина: Ломоносова, Державина, Карамзина. Он дает высокую оценку русской литературе. Надо заметить, что и Белинский в своих знаменитых "Литературных мечтаниях" уделял особое внимание именно Ломоносову, Карамзину, Державину, Пушкину.

Эти положения Белинского лежат в основе отношения молодого Ахундова к русской литературе. "С Ломоносова начинается наша литература, — писал великий критик. — Он был ее отцом и пестуном; он был ее Петром Великим. Нужно ли говорить, что это был человек великий и ознаменованный печатню гения?" Вслед за Белинским Ахундов отмечает гений Ломоносова, украсившего "обитель поэзии". Белинский считал имя Карамзина бессмертным, но не столько ценил художественные творения писателя, сколько его

"Историю Государства Российского". Ахундов, соглашаясь с Белинским, обходит молчанием художественное творчество Карамзина и отмечает только его образованность, его знания: "Карамзин наполнил чашу вином знания".

Для Ахундова Пушкин был подлинным гением, олицетворением духовного величия русского народа, владыкой поэтической державы.

"Прицелились в него смертной стрелой. Исторгли корень его бытия,

Черная туча по воле их одной градиной побила плод его жизни.

Грозный ветер гибели потушил светильник его души.

Как тюрьма, стало мрачно его тело.

Старый садовник — свет пересек его стан безжалостною секирой, как юную ветку своего цветника.

Глава его, в которой таился клад ума, волей змеенравного рока стала виталищем змей.

Из сердца, подобного розе, в которой пел соловей его гения, растут теперь тернии.

Будто птица из гнезда, упорхнула душа его, — и все, стар и млад, сдружились с горестью.

Россия в скорби и воздыхании восклицает по нем: "Убитый злодейской рукою разбойника-мира!"

Лири Ахундова громко прозвучала, он вместе с передовыми людьми России, вместе с русским народом горестно оплакивал смерть поэта.

Знал ли Ахундов подлинных убийц Пушкина? Возможно, он догадывался о том, кто они. Во всяком случае, он говорит о смертельной стреле, которой прицелились в него, о "разбойнике-мире", убившем поэта.

Ахундов оплакивает Пушкина как своего учителя, как самого любимого поэта. Поэтический венок,

возложенный на свежую могилу русского гения — "Элегическая касыдэ на смерть Пушкина" явилась началом идейного подъема Ахундова.

На Востоке поэты обычно избирают себе псевдоним. Низами, Физули, Вагиф — это не настоящие имена поэтов, а их псевдонимы. Ахундов избрал своим псевдонимом простое, но многозначительное слово: Сабухи.

Сабухи, Сабухия — утреннее питье, похмелье. Почему Ахундов выбрал такой псевдоним? Он хотел символически выразить свое состояние после долгого сна, свое отрезвление, пробуждение. Иносказательно он хотел назвать себя отрезвляющим напитком, человеком Утра, "ранним".

Такое объяснение дает и журнал "Московский наблюдатель" в своем примечании к переводу элегии Ахундова, напечатанной в 1837 году. "У восточных поэтов есть обычай сверх настоящего имени принимать поэтическое, как в Римской Аркадской академии Сабухи (ранний) — имя сочинителя Мирзы Фехт-Али [\[39\]](#) Ахундова".

И Ахундов действительно был для азербайджанского народа человеком Утра, разбуженным грохотом и шумом шагающего века.

"Элегическая касыдэ" как бы говорила, что Пушкина оплакивали не только русские, но и другие народы, что весь передовой Восток оделся в траур, скорбя о понесенной утрате.

Перевод элегии был сделан самим Ахундовым и послан в редакцию журнала "Московский наблюдатель". Она была напечатана в XI книге журнала с редакционной старей, которая назвала ее "прекрасным цветком, брошенным на могилу Пушкина". "Мы от души желаем успеха замечательному таланту, — писала

редакция, — тем более, что видим в нем такое сочувствие к образованности русской".

Только ли сочувствие? Только ли к образованности? Над этим вопросом стоит немного призадуматься. Если лучше изучить идейные взгляды молодого Ахундова, станет ясно, что здесь выражено не только сочувствие, но и глубокое сознание того, что только в дружбе и солидарности с русским народом народы Востока сумеют добиться своей свободы, своего культурного возрождения. И Ахундов не ошибся. Дальнейшая его жизнь покажет, что путь, избранный им, был правилен. Другого пути, ведущего к прогрессу, не существовало. "Стон в стихах Сабухия" звучал в унисон биению скорбного сердца великого русского народа.

В мае 1837 года была предпринята военная экспедиция к мысу Адлер. В экспедиции участвовали Бестужев и Ахундов. Во время стоянки в Сухуми Бестужев перевел прозой "Элегическую касыдэ". Перевод долгое время хранился в архиве Ахундова и только в 1874 году был опубликован в журнале "Русская старина". По роковому стечению обстоятельств перевод элегии оказался последней работой А.А. Бестужева. Через три дня писатель был убит в стычке с горцами.

Высокие, вечно покрытые снегом горные вершины Кавказа лежали между Россией и Азербайджаном. Когда-то в древние времена кочующие племена не могли их преодолеть. Но Россия проложила путь к южным землям, и огромный мост, перекинутый через пенистые и бурные горные реки, глубокие ущелья и громады скал, устремленных к небу, соединил народы. Царизм угнетал их, душил, железным сапогом топтал их плодородные поля. Но народы мечтали о дружбе, мире, свободе. Лучшие сыны их протягивали друг другу руки, и дружеское пожатие говорило о братстве и союзе. Они вместе ненавидели царских палачей и, словно сговорившись между собой, пели созвучные песни. И не случайно, что в то время, когда Ахундов писал свою элегию на смерть русского поэта, мрачное петербургское небо прорезали гневные и пламенные стихи нового гиганта русской поэзии Михаила Юрьевича Лермонтова. Многострадальная судьба поэта привела его в Грузию. "Изгнанный из страны родной", Лермонтов был определен в Нижегородский драгунский полк, стоявший в это время в Кахетии.

В полку он встречался с грузинскими офицерами, бывал в Цинандали, в родовом имении грузинского поэта Александра Чавчавадзе. Чарующая красота Грузии, полная своеобразия жизнь народов Кавказа вдохновили поэта на создание прекрасных поэтических произведений. С глубоким интересом изучал Лермонтов жизнь и людей Кавказа и воспевал его со страстной любовью:

*Как сладкую песню отчизны моей,
Люблю я Кавказ!..*

Здесь, на Кавказе, Лермонтов подружился с ссыльными декабристами, с поэтом А. Одоевским, памяти которого он впоследствии посвятил стихотворение:

*Я знал его: мы странствовали с ним
В горах востока, и тоску изгнанья
Делили дружно...*

10 октября 1837 года в Тифлисе состоялся царский смотр полкам, принимавшим участие в летней экспедиции против горцев. В параде участвовали четыре эскадрона Нижегородского драгунского полка. С берегов Черного моря в Тифлис возвратился отряд главноуправляющего Грузией, в котором служил и Мирза Фатали Ахундов.

Таким образом, Лермонтов и Ахундов одновременно находились в Тифлисе. В этом городе Лермонтов встречался с Александром Чавчавадзе, двери дома которого "всегда были открыты для бесконечного множества родных, друзей, знакомых". Здесь "веселились, пировали, плясали досыта". Частыми гостями Чавчавадзе бывали юный поэт Николоз Бараташвили, Бакиханов, Ахундов.

Здесь, у Чавчавадзе, Ахундов мог встретиться с ссыльным поэтом.

Да и трудно было Ахундову не встретиться с Лермонтовым в Тифлисе, где многие знали друг друга в лицо [\[40\]](#).

Элегия Ахундова на смерть А. С. Пушкина ходила по рукам, и можно с уверенностью сказать, что она была хорошо известна всему литературному Тифлису. Сам Лермонтов был выслан на Кавказ в связи со стихотворением "Смерть поэта". Совершенно естественно, что одно это обстоятельство могло толкнуть двух поэтов друг к другу. Они не могли не

искать встречи: их объединяла общая любовь к памяти Пушкина.

Молодой Ахундов уже тогда был известен в Тифлисе своим блестящим знанием восточных языков. Именно к нему, как прекрасно знающему Восток, мог обратиться Лермонтов, выразивший желание изучить азербайджанский язык. "Начал учиться по-татарски, — пишет Лермонтов из Тифлиса С.А. Раевскому, — язык, который здесь, и вообще в Азии, необходим, как французский в Европе". Лермонтов много ездил по Кавказу. "С тех пор как я выехал из России, — сообщает он в том же письме к Раевскому, — поверишь ли, я находился до сих пор в непрерывном странствовании, то на перекладной, то верхом; изъездил Линию всю вдоль, от Кизляра до Тамани, переехал горы, был в Шуше, в Кубе, в Шемахе, в Кахетии, одетый по-черкесски, с ружьем за плечами; ночевал в чистом поле, засыпал под крик шакалов, ел чурек, пил кахетинское даже..."

В черной бурке, накинутой на куртку с красным воротничком, на гнедом кавказском коне, по неустроенным, крутым проселочным дорогам путешествовал русский поэт. Через плечо была перекинута черкесская шашка на кабардинском ремне с серебряным Набором. За спиной, в чехле, висело походное ружье. Он ехал и ночью и днем, не страшась случайных встреч, отстреливаясь от отрядов лезгин, нападавших на азербайджанские земли. Он "ел чурек", испеченный в азербайджанских тендирах [\[41\]](#). Это было в холодные и дождливые осенние дни 1837 года.

Русского поэта увлекли и очаровали красота и богатство азербайджанского языка. Он обратился к живой народной речи, к устному народному творчеству. Поэт записал чудесную сказку "Ашуг-Гариб", широко популярную в Азербайджане, которую назвал "Ашик-

Кериб". Она привлекла его не только богатством лирических красок, но и своим содержанием: Михаил Юрьевич был таким же странником, гарибом, каким был герой этой азербайджанской сказки.

И русский гариб проникся глубоким уважением к народам Закавказья, чья жизнь, природа, поэзия так пленили его сердце. Услышанные в Азербайджане и Грузии народные слова он использовал во многих своих замечательных творениях. Новые темы, новые мотивы еще более обогатили творчество русского поэта.

По долгу службы Ахундов выполнял самые разнообразные поручения колониальных властей. Он участвовал в разборе крестьянских дел, занимался размежеванием земель, бывал в Карабахе, в Гурии, на турецкой и иранской границах, вел переписку с горцами, переводил прошения, жалобы, справки, беспрерывно поступающие в департамент, командировался в отдаленные районы Закавказья, принимал участие в самых разнообразных делах. Находясь в командировках, он "отлично исполнял все возложенные поручения" — так записано в служебном формуляре М.Ф. Ахундова.

Служебная карьера его складывалась более или менее удачно. В 1840 году, после долгих представлений, Ахундов, наконец, был утвержден штатным письменным переводчиком. Служебная деятельность невольно знакомила его с жизнью крестьян и беков, с положением народных масс. Природная любознательность, серьезное стремление к образованию и культуре "мешали Ахундову сделаться просто чиновником. Попадая в незнакомую обстановку, он быстро начинал ориентироваться в ней, выкраивал для себя свободное время, в которое усовершенствовал знания русского языка, обогащал свой ум чтением многих книг самого разнообразного содержания, изучал русских и западноевропейских классиков, историю и географию европейских стран и России.

В 1841 году произошли большие изменения в колониальной политике царизма. Обеспокоенное крестьянскими волнениями царское правительство пошло на соглашение с азербайджанскими беками, которые постепенно превратились в опору царизма, в

активных проводников его политики, Азербайджанские беки шли на службу в конномусульманские полки, их много было в Варшаве, Петербурге, они тесно соприкасались с русским бытом, бредили петербургским английским клубом. Но и бекское сословие не было единым в своих идейных устремлениях. Наряду с покорными слугами царизма постепенно зарождалась и оппозиционная дворянская группа, которая входила в тесное соприкосновение с прогрессивными кругами России. Общественное движение в Азербайджане принимало все более сложный и противоречивый характер.

Классовая ограниченность азербайджанских дворянских писателей, их умеренные задачи и примиренческое отношение к царизму, конечно, не могли удовлетворить Ахундова. Он искал самостоятельного пути борьбы за свободу и передовую культуру.

Ахундов проявлял большой интерес к научной и культурной жизни Тифлиса. Его очень часто можно было видеть на заседаниях Географического общества. Много времени у него отнимала и преподавательская деятельность. Вместе с Абовяном он немало сил отдавал Тифлисскому уездному училищу.

Скорбная, страдальческая жизнь Абовяна хорошо была известна Ахундову. Великий армянский просветитель-демократ Хачатур Абовян родился в 1805 году в селении Канакер, в семи километрах от Эривани, в когда-то знатной семье, связанной родственными узами с католиком Армении Ефремом. Жизнь Абовяна во многом напоминала жизнь Ахундова. Десятилетним мальчиком он был отдан на воспитание в Эчмиадзинский монастырь. Любознательный и свободолюбивый мальчик задышался в мрачных и тяжелых монастырских условиях. Он не раз делал попытки бросить учебу и бежать подальше от этих

тюремных палат, от этого душного монастырского воздуха. Пять лет он мучился здесь, пока не закончил курс своего духовного образования. Еще с юных лет, проявляя незаурядные способности, Абовян хорошо изучил древнеармянский язык, близко познакомился с церковными сочинениями, с древними рукописями Эчмиадзина. В 1824 году в Тифлисе открылась первая армянская школа, и Абовян стал одним из ее воспитанников. Здесь он начал приобщаться к культуре русского народа. Вернувшись в Эчмиадзин, Абовян совершил вместе с профессором Дерптского университета Фридрихом Парротом смелое восхождение на Арарат. Вскоре, несмотря на противодействие армянского духовенства, Абовян оставил монастырь и отправился в Дерпт на учебу. "Жить и умереть для отечества — вот задача, избранная мною с самых юных лет", — писал он в своем дневнике. Здесь, в Дерпте, он еще больше полюбил русскую литературу, много общался с русскими студентами, неустанно изучал передовую науку.

Возвращение из Дерпта в 1836 году принесло ему новые огорчения. Он хотел служить родному народу, просвещать его, воспитывать армянских детей. Но все его попытки заняться на родине педагогической деятельностью получили самый решительный отпор со стороны духовенства. В Тифлисе Абовян встретился с католикосом Карпецци, который, узнав, что он едет с рекомендательным письмом министра по делам нерусских исповеданий, гневно обрушился на него: "С приказом едешь ко мне ты, отступник веры своей? Ты можешь только запутать сознание невинных людей, воспитывать их дело не твое!" Жестокий фанатизм закрыл Абовяну все пути к народу. Он не имел ни крова, ни средств, ни поддержки. С большими трудностями ему удается устроиться в 1837 году в качестве исполняющего обязанности смотрителя Тифлисского

уездного училища. Здесь, в училище, он и познакомился с Ахундовым, а затем с Мирзой Шафи.

Иногда величавыми лунными ночами он бродил по улицам вместе с Ахундовым. Они говорили об обуревавших их сомнениях, мечтали о будущем своих народов, слушали песни народных музыкантов. Вот на кровле небольшого дома, окруженный толпой любителей народной музыки, сидит ашуг Саттар. Это о нем писал русский поэт Я.П. Полонский:

*Саттар! Саттар! Твой плач гортанный,
Рыдающий, глухой, молящий, дикий крик,
Под звуки чианур и трели барабанной
Мне сердце растерзал и в душу мне проник.
Не знаю, что поешь, я слов не понимаю.
Я с детства к музыке привык совсем иной;
Но ты поешь всю ночь на кровле земляной,
И весь Тифлис молчит, и я тебе внимаю, —
Как будто издали, с востока, брат больной
Через тебя мне шлет упрек иль ропот свой.*

Саттар пел. И чем выше поднимался его голос, тем оживленнее становилась улица. На крышах домов со скорбной думой о жизни сидели бедные люди и внимали песне любимого ашуга. А рядом стояла мрачная и страшная тюрьма. К железной решетке тянулись закованные в цепи человеческие руки. В глазах стариков и юношей стояли безмолвные слезы: они плакали вместе с Саят-Новой, великим "охотником мелодий", песню которого пел Саттар. Даже солдаты, забыв о своих узниках, прислушивались к этой песне. А Саттар все пел. Голос его, могучий и страстный, звучал как набат, как суровый клич, как крик измученной человеческой души.

Смешавшись с толпой, задумчивые и печальные, слушали песню Саттара автор "Ран Армении" и создатель "Элегической касыдэ". Перед глазами

Ахундова вставал весь объятый мраком фанатичный феодальный мир, где царствовали шахи и ханы, беки и моллы в чалмах, которым верил и подчинялся невежественный и безграмотный народ. Нет никаких законов, никакой управы над деспотичными правителями восточного мира. Всюду рабство, голод и нищета. Нет школ, нет промышленности, нет дорог, нет больниц, нет свободы. Он искал виновных, но не видел их. Ни Абовян, ни Ахундов не могли ответить на беспощадно стоящий перед ними вопрос: что делать?

Ахундов составлял для соотечественников учебные пособия, вел преподавательскую деятельность, но все это его не удовлетворяло. Он чувствовал, что перед горем народным его усилия — капля в море.

В начале 1840 года в Тифлис приехал преследуемый в Гяндже духовенством старый учитель Ахундова поэт Мирза Шафи. Трудно ему было найти работу в городе, и Ахундов, поговорив с Абовяном, решил оставить службу в училище и устроить на свое место безработного Мирзу Шафи.

Только в конце октября, после многих волнений и тревог, Мирза Шафи был определен на казенную службу.

Начался тифлисский период жизни этого замечательного поэта. В Тифлисе Мирза Шафи еще более сблизился со своим любимым учеником. В его доме, в "диване мудрости", очень часто собирались Ахундов, Абовян, Бакиханов и другие тифлисские поэты. Члены литературного кружка читали свои стихи, обсуждали их, беседовали о классиках, разбирали стихи Физули, Хайяма ^[42], Саади. Мирза Шафи всей душой отдался поэтической работе. Измученный тяжелой жизнью в родном городе, наученный горьким опытом, поэт пытался ничем не вызывать недовольства тифлисских духовных лиц, гянджинские собратья

которых причинили ему немало зла в прошлом. Он писал о любви, о красоте, о радостях человеческой жизни. Лишь порою поэт обращал, как и раньше, свои острые стрелы против молл и невежественных визирей, но все эти стихи никому, кроме самых близких друзей, не читал. В 1841 году Бакиханов уехал в свое Кубинское поместье. А в 1843 году Тифлис оставил Абовян, назначенный смотрителем Эриванского уездного училища. Литературный кружок Мирзы Шафи распался.

Однажды из Нухи приехал почтенный старик, привезший печальные вести. В углу лежал большой хурджун ^[43], на столе были разложены привезенные им подарки.

Опустив голову, слушал Ахундов рассказ старика.

— Да, так умер твой приемный отец, Гаджи Алескер. Мир праху его. Да откроются перед ним врата цветущего рая. Умирая, он говорил о тебе. Да благословит аллах его светлую память.

Старик кивал своей седой головой, рассказывал и внимательно следил за Ахундовым.

— Теперь дочь осталась у него, круглая сирота. Некому за ней посмотреть. Да и средств мало. Жаль! Хорошая, добрая девушка!

Ахундов помнил Тубу. Он провел вместе с ней в одном доме все свои юношеские годы. Она была для него почти родной сестрой.

Нерешительно, искоса поглядывая на Фатали, старик продолжал:

— Она осталась одна, и ты живешь холостяком. — Старик оглядел скромную полупустую комнату. — Пора и тебе жениться. Семейой обзавестись. Дети будут, вырастут, катать на спине станем.

Задумчиво слушал бормотание старика Ахундов.

— Она была мне почти сестрой, — сказал он.

— Сирота твоего приемного отца. Надо беречь честь семьи, честь дома покойного Гаджи. Зачем мы будем выдавать ее замуж за другого? Не пойдет она в чужой дом.

Что он мог сказать ему в ответ? Любит ли? Он не знал. Да пока и не думал о женитьбе.

Стояла чудесная солнечная погода. Во дворе, под высокими деревьями весело играли дети соседей. Он грустно оглядел свою скромную комнату холостяка. Старик напряженно следил за каждым его взглядом.

— Я подумаю! — проговорил Ахундов после минутного молчания.

— Зачем тебе думать надо? — обрадованно сказал старик. — Я уже подумал за тебя. Я привез ее с собой. Сейчас она у соседей, стесняется тебя. Дай согласие, и мы устроим веселую свадьбу. Радоваться будем. Да благословит аллах твое счастье.

Старик вышел, и через несколько минут в комнату вошла Тубу.

Вскоре Ахундов женился.

Свадьба, семейные дела, переезд на новую квартиру несколько отвлекли его от литературных занятий.

В 1846 году Ахундов назначается письменным переводчиком в канцелярию нового главноуправляющего (теперь он называется наместником) Кавказа князя М.С. Воронцова. В том же году "за отлично усердную службу" ему был присвоен чин подпоручика.

С 4 ноября 1848 года по 7 марта 1849 года он находился в командировке в Иране, сопровождал генерал-лейтенанта Шилинга, отправленного с кабинетным письмом от Николая Первого к повелителю Ирана Насреддин-шаху по случаю его вступления на престол. Воспользовавшись поездкой в Иран, Ахундов

побывал в Хамие, где когда-то провел свои детские годы.

Он стоял недалеко от дома, в котором прошло его детство, и молча смотрел на унылые, серые крестьянские дома. Он чувствовал себя виноватым в многострадальной жизни своего покойного отца, могилу которого ему еле-еле удалось найти на старом, беспорядочном кладбище Хамне. Никогда ему не было так грустно, никогда он не чувствовал себя столь несчастным.

Очень трогательно была встреча с сестрой, так много сделавшей для него. Он всегда вспоминал ее с глубокой благодарностью.

Но эта поездка принесла Ахундову и много горьких минут. Всюду его преследовали страшные картины феодальной жизни. Он хотел видеть народ свободным и счастливым, хотел найти путь для его освобождения от нищеты и вымирания. Страдания жгли его душу.

Господствующие классы не думали о бедствиях народа, им было выгодно, чтобы он оставался неграмотным, чтобы никогда не понял причину своих несчастий, уповал бы все время на милость аллаха, жил бы только надеждой на радости в потустороннем мире. Земля принадлежала богатеям, а народу были отданы небеса. А что толку от небес, если никто там не слышит жалоб сотен тысяч обездоленных, бесправных, нищенствующих людей!

Сердце Ахундова билось тревожно. Он стал образованным человеком. Но сможет ли он один повести народ по пути цивилизации? Что может сделать переводчик восточных языков? Отказаться от службы, пойти в народ? А что он скажет ему? Куда позовет? И пойдет ли народ за ним?

Нет! Прежде чем поднимать народ на борьбу, надо видеть цель, надо иметь силы, надо собрать вокруг себя единомышленников. Кто же из образованных

азербайджанцев сможет помочь ему в этом великом деле? Бакиханов? Но он переживал сейчас идейный кризис, собирался уехать в Мекку... Бесполезно обращаться к нему. Может быть, обратиться к Куткашинскому? Тот долго жил в Варшаве, прекрасно говорил по-русски и по-французски, в 1835 году опубликовал восточную новеллу на французском языке... Офицер, дворянин, член Географического общества, интересуется общественными делами... Что же, можно попробовать. Не плохо бы поговорить и с Хасай-ханом Уцмиевым... Высококультурный человек, тоже офицер, пользуется почетом у русских... Больше никому он не может доверить свои тайные мысли.

Ахундов решил организовать масонскую ложу. Он станет встречаться со своими друзьями, обсуждать с ними важные вопросы, решать народные дела. Они будут собирать вокруг себя лучших людей страны, откроют школу, начнут издавать газету, по примеру русских создадут театр, будут учить народ. Мечта воспламеняла воображение Ахундова. Ему уже казалось, что сотни людей, побывавших в Петербурге, Москве, служивших в армии, в канцеляриях, подобно ему стремящихся помочь народу, борются вместе с ним, осуществляют свои прекрасные мечты: народ идет не в мечеть, а в театр, грамотность распространяется по стране, бесправная восточная женщина завоевывает свое право на жизнь, исчезают варварские обычаи, народ с отвращением отворачивается от молл, дервишей, от пройдох, одетых в абу [\[44\]](#). Ему казалось, что над странами Востока поднимается великое солнце — солнце просвещения...

Это было в сорок шестом году. Уцмиев находился в Тифлисе. Ахундов решил встретиться с ним, рассказать о своем проекте. Уцмиев молча слушал страстную речь своего друга. Ахундов казался ему безумцем —

просвещать народ? Все это очень хорошо, но Ахундов — царский чиновник, а он сам — царский офицер... Надо подумать, нельзя сразу решить такой серьезный вопрос...

В сердце Ахундова вкрались сомнения. Он стал читать исторические труды, познакомился с опытом других народов. И всюду видел подтверждение своих взглядов, убеждался, что образованные люди России поступали подобно тому, как собирается поступить он.

Улетучивались сомнения, волнение душило Ахундова. Ему захотелось высказаться. Он взял каламдан [45], вынул гусиное перо и на обложке новеллы Куткашинского записал: "Душа моя из тех пламенных душ, которые никогда не в состоянии скрыть ни радости, ни печали, а потому я не могу не сообщить вам сегодняшнюю мою радость: уничтожилось для меня всякое сомнение в несбыточности начатого нами предприятия, и желание наше близко к исполнению, о чем с сего же числа даю вам верное обещание. Объяснение оставляю до другого удобного случая.

18 марта 1846. Мирза Фатали".

Это был черновик письма к Уцмиеву. Но вручить письмо ему не удалось Уцмиев уехал.

Ахундов вновь почувствовал себя одиноким. Как глупо было верить, что эти высокопоставленные дворяне смогут понять его мечты, смогут решиться на смелое, благородное дело, пожертвовать собой ради народа.

Он один. В бурю, в ненастье, без чужой помощи должен он ринуться в жизнь.

Судьба ежечасно наносила ему удары. Исчезали старые друзья, появились новые, а круг врагов становился все шире и шире.

Бакиханов духовно уже больше не существовал для Ахундова. Он уехал в Стамбул, чтобы повергнуть к стопам турецкого султана свои научные труды, а затем отправился в Мекку на поклонение праху Мухаммеда. Мирза Шафи жил в Гяндже. Абовян уже давно уехал из Тифлиса и находился в Эривани. Ему жилось нелегко в родном городе. Тайные доносы, нападки царских чиновников и эчмиадзинского духовенства делали его жизнь все более невыносимой. По клеветническому доносу уездного начальника Блаватского Абовян был обвинен в оскорблении армянского католикоса Нерсеса, а вслед за тем подвергнут аресту.

Пришла весть о смерти Бакиханова в Аравийской пустыне от холеры. Остро ощутил Ахундов его гибель. Хотя Бакиханов своей поездкой в Мекку и вызвал досаду и недовольство, Ахундов знал, что это был выдающийся человек и, несмотря на все свои глубокие противоречия, горячо любил родину и хотел только блага своему народу.

Вскоре из Эривани пришла новая печальная весть: при таинственных обстоятельствах исчез Абовян. Никто не знал, что с ним случилось. Арестован? Сослан? Убит? Утонул? Покончил жизнь самоубийством? И вновь в памяти Ахундова возникли строки, написанные давным-давно, в год смерти великого русского поэта: "Безумна птица, которая, однажды увидев сеть своими глазами, для зерна вновь летит на опасность".

Ахундов опять обратился к книгам. В Тифлисе распространялись почти все столичные русские журналы и газеты. В 1846 году в городе начала выходить газета "Кавказ". Редакция этой газеты была контрагентом ряда издательств. Она продавала литературу, поступающую из Петербурга и Москвы. О значительном количестве получаемых книг можно судить по регулярно печатаемым объявлениям; в

некоторых из них перечислялось 40-50 названий книг разнообразного содержания.

Шли дни, месяцы. Ахундов не мог решить мучающих его вопросов.

8 октября 1846 года он был на представлении "Горе от ума" Грибоедова. Потом смотрел пьесы Мольера, Шекспира. Постепенно в его сознании выковалось решение: он будет драматургом, создаст пьесы на азербайджанском языке, через театр просветит свой народ, театр поможет ему общаться с миллионами...

Огонь вырвался наружу.

Кончилось мрачное оцепенение, начиналась жизнь, сотканная из мечтаний и надежд.

В 1845 году был поставлен вопрос об организации казенного театра в Тифлисе. Для этой цели было переоборудовано помещение тифлисского манежа, где вскоре открылся временный театр.

На тифлисской сцене, пользовавшейся большим успехом, обычно ставились водевили и мелодрамы. Так, например, в первый театральный сезон было поставлено 106 водевилей. Но наряду с этим в репертуар театра включили и классические произведения. Весною 1851 года строительство нового помещения было закончено, а 12 апреля театр был открыт в торжественной обстановке. Директором его был назначен граф В.А. Соллогуб.

Театр значительно оживил художественную и культурную жизнь Тифлиса. Он имел огромное общественное и культурное значение. Успех театр завоевал не сразу. Но постепенно он стал привлекать местную публику, и театральная жизнь вступила в пору расцвета. Тифлисцы целую зиму наслаждались небывалым явлением — оперою. Они почувствовали обаяние музыки европейских народов, их слух и сердце пленили "Эрнани", "Севильский цирюльник", "Риголетто". Главную часть посетителей составляли

грузины, армяне, азербайджанцы, очарованные нахлынувшей на них волной европейской музыкальной культуры, звучанием чудных мелодий гениальных композиторов, ритмом и прелестью танцев и балетных сцен, совершенно неожиданных, незнакомых для них. Пусть все это исполнялось не всегда на высоком уровне мастерства, но это было неким чудом, манящим и увлекающим воображение. Успех некоторых опер был ошеломляющим. Так, например, оперу Мейербера "Роберт-дьявол" приходилось давать несколько дней подряд.

Пестрая шумная публика заполняла театр. Любо было смотреть на темную массу партера, на блестящие ряды лож. Всюду сверкали живописные наряды. Дешевые места на верхней галерее были набиты мальчишками, которые, широко раскрыв рот, жадно смотрели на сцену, внимательно слушали музыку и пение, "дивились диву невиданному, даже иногда подхватывали аплодисменты партера".

Но опера не была единственным предметом увлечения. На сцене театра с неменьшим успехом шли произведения Грибоедова, Гоголя, Островского, Мольера, Шекспира, Скриба. Был составлен проект организации грузинской и азербайджанской трупп.

Ахундов страстно увлекся театром. Он с особым рвением стал изучать мировую драматургию, читал античных писателей, интересовался русскими водевилями. Он перелистывал сотни страниц, часто посещал театр, вникал в игру актеров, любовался меткостью диалога, неустанно изучал технику драматического искусства, пытаясь раскрыть тайны мастерства великих драматургов. А жизнь он знал прекрасно, и в его голове постоянно носились образы, сюжеты, идеи. Ахундов готовился стать первым на Ближнем Востоке драматургом.

Работая в канцелярии наместника Кавказа, Ахундову, больше чем кому-либо другому, приходилось сталкиваться с социальной несправедливостью.

Его сильно задевали и грозный тон чиновника, кричащего на бедного крестьянина, пришедшего в Тифлис жаловаться на помещика, и бесправное положение своих земляков, обивавших пороги судебных учреждений, царских канцелярий, безуспешно добивавшихся восстановления своих прав, возврата незаконно отнятых земель и имущества.

Ахундов часто звал земляков к себе, да они и без приглашения приходили к нему: он писал для них прошения, давал советы, если нужно, сам ходил с ними по различным учреждениям, спорил с чиновниками, просил, объяснял, а они, не понимавшие русского языка, безъязычные, смотрели на него умоляющими глазами, надеясь, что он поможет спасти их семьи от разорения. Как больно сжималось сердце Ахундова, когда он видел эти просящие взгляды! Но что может сделать он, переводчик Ахундов? Ничего. А что может сделать Ахундов — писатель, драматург, трибун, публицист? Он может сделать то, чего не сделает целая армия. Решение Ахундова быть драматургом закалялось, превращалось в сталь: она могла согнуться, но сломаться — едва ли.

"Природе человека присущи две главные особенности, — писал Ахундов, — одна из них — печаль, другая — радость; признак печали — плач, признак радости — смех. Печальное происшествие или радостное событие, устное или письменное сообщение об этом пробуждает в природе человека эти два явления. Если это передается в устной или письменной

форме, основным поводом печали и радости, плача и смеха является повествование. В большинстве случаев событие, сообщенное в недоступной форме, не оставляет какого-либо впечатления. Но если то же самое событие будет передано иным, особым способом, то оно может оставить глубокое впечатление. Мы неоднократно наблюдали это в обществе бездарных или даровитых проповедников... Польза передачи человеческих страданий и красоты заключается в том, что она отражает нравственность и характер людей. Слушатели воспримут доброе с удовлетворением и будут подражать ему, а злое доставит им неприятность. Слушание подобных повествований доставит им удовольствие, и они не будут стремиться к недоброму и грешному". Уже из этих слов можно заключить, что Ахундов ставил перед собой воспитательную задачу: исправлять нравы людей, улучшать их жизнь. Он придавал чрезвычайно большое значение миссии писателя, который должен стремиться пробуждать в массах благородные идеи, ненависть к невежеству, любовь к культуре.

Созданием своих комедийных произведений Мирза Фатали Ахундов надеялся приблизить время, когда в Азербайджане, во всех странах Востока, будет создана возможность открытия театров — храма культуры, мощного орудия перевоспитания народных масс, орудия изменения действительности. "Цель драматического искусства, — писал Ахундов, — улучшать человеческие нравы, быть образцом для читателей и зрителей".

Ставя перед собой просветительные задачи, Ахундов прокладывал новые пути для развития художественной литературы мусульманских народов.

"Времена "Гюлистана" и "Зинат-уль-меджалиса" канули в вечность", — писал он. Сегодня такие произведения не могут уже принести народу пользу.

Ныне полезными, отвечающими вкусу читателя и интересам нации произведениями являются драма и роман. Нельзя, конечно, согласиться с Ахундовым в оценке "Гюлистана" Саади, являющегося одним из самых выдающихся произведений классической поэзии. Тем более, что о другом произведении Саади "Бустан", написанном в том же духе и стиле, что и "Гюлистан", Ахундов отзывается с похвалой. В данном случае М.Ф. Ахундова следует понимать в том смысле, что современная поэзия должна развиваться по новому пути, по пути реализма, правдивого изображения действительности.

Быть певцом своей эпохи, выразить передовые идеи своего времени, стать учителем своего народа — как пламенно мечтал об этом Ахундов! И мечта уже начинала осуществляться. Обращение к жизни, освоение культуры русского народа дали ему исполинские силы: он стал первым драматургом азербайджанского народа.

Борьба за национальный театр — один из признаков становления азербайджанского народа как нации. "Национальный театр есть признак совершенствования нации, так же как академии, университеты, музеи, — пишет А.Н. Островский. — Иметь свой родной театр и гордиться им желает всякий народ, всякое племя, всякий язык". Все стремления Ахундова в этот период были направлены на то, чтобы создать театр на родном языке, через театр пронести в народ идеи ; национального возрождения, освобождения от гнета, неволи и отсталости. Это было высшим идеалом М.Ф. Ахундова в сороковые годы.

Но о чем писать? Бесконечно воспевать любовь, утеху, вино, разлуку, румяные щеки, похожие на спелые персики, оленьи глаза, брови, покрытые сурьмой, лик, схожий с луной, раскрывать тайны гаремной жизни... Нет, довольно! Писать об этом он, Ахундов, не будет.

Пусть пишут другие. Не будет он и рыться, подобно авторам французских бульварных романов (он читал их!), в психологии падших женщин... Прочь все это! Не станет он также наводить лоск на жизнь, он покажет ее такой, какая она есть на самом деле. Он будет разоблачать людские пороки. О, как посмеется он над обманщиками дервишами, над тупоумными ханами, скупыми поставщиками, над беками, грабящими народ, над невежественными людьми, не видящими прока в просвещении. Язвительным смехом он будет смеяться над старым миром, и от раскатов его смеха пробудится весь Восток.

Теперь он писал. Тубу часто подходила к нему, но Ахундов не поднимал головы. Он был весь поглощен работой. Перебирая книги на полке, с удивлением рассматривая их, Тубу хотелось о чем-то спросить, но она молчала.

Однажды Тубу не выдержала. Она стояла у открытого окна и любовалась ранним и свежим тифлисским утром. Но мысли ее были рядом с любимым человеком.

— Вот мы уже давно снова вместе, Мирза! — сказала она робко и прислушалась.

Тишина.

— Ты добрый, веселый, умный. Я счастлива с тобой.

Она замолчала в ожидании. Но никто ей не ответил.

— Знаешь, Мирза, я одного не понимаю. Почему ты так много работаешь? Разве тебе мало того, что проводишь долгие часы в канцелярии? О чем ты пишешь? Когда ты сидишь за работой, ты ничего не слышишь. Мирза.

На дворе цвела яблоня. Легкий ветерок игриво задевал шелестящие листья, на ветвях чирикали серенькие воробьи. Был слышен мерный шум Куры.

— Ты опять задумался, Мирза?

Тубу осторожно подошла к нему и стала рядом.

Ахундов поднял голову, обнял ее нежно и спросил:

— Тебе скучно, Тубу?

— Нет, нет, мне не скучно. Но ты все эти дни много работаешь. Ты и по утрам стал дома работать. Я неграмотная женщина. Но я хочу знать, о чем ты пишешь?

Ахундов привлек ее к себе.

— О чем я пишу, Тубу?

— Да, Мирза, о чем ты пишешь?

— О тебе, мой друг, о таких, как ты... О забытых, закрепощенных сестрах и братьях твоих. Я мечтаю о том дне, когда не будет насилия над волей человека и на родине нашей расцветет невиданная, неслыханная жизнь, как в раю.

Удивленно слушала Тубу непонятные ей речи.

— О каком ты рае говоришь, Мирза? — спросила она. — Разве рай не там, на небе?

— Я говорю о земном рае, о простом человеческом счастье, Тубу...

Тубу ничего не понимала, но в душе она благословляла своего мужа.

Мирза Фатали Ахундов работал над своим первым драматическим произведением.

Одно из главных и существенных качеств Ахундова-драматурга — оригинальность и самобытность. Создавая свои замечательные драматические творения, Ахундов показывал страдания, радости, надежды и стремления своего народа.

"Автор их принадлежит к числу самобытных писателей, — отмечала газета "Кавказ", — он никому не подражает, ни у кого не заимствует, он наблюдает и записывает свои наблюдения, придавая им, так сказать, форму, вид комедии. Если эти *si dissani* комедии не вполне соответствуют условиям сцены, если принять во внимание теорию какого-нибудь Батте или новейшего

блюстителем форм, то, разумеется, можно очень ученым образом доказать, что г. Ахундов не совсем верно назвал свои произведения комедиями, что их скорее можно сравнить с известными Proverbes Альфреда де Мюссе, и что едва ли они могут с успехом исполняться на сцене даже при большом старании актеров.

...Он писал их с другой целью, с целью изобразить сколь возможно верно нравы своих единоверцев и соотечественников мусульман и, чтобы живее их изобразить, заставил их разговаривать и действовать. И он достигает своей цели, он представил верную картину, в коей употреблены самые соответственные ей краски. С этой точки зрения должна критика смотреть на произведения г. Ахундова".

"Алхимик Молла-Ибрагим-Халил" — первый ошутительный удар, который Ахундов нанес по феодально-патриархальным устоям азербайджанской действительности XIX века. Комедиография Ахундова — зеркало азербайджанской жизни, но это не холодное, отшлифованное, безразличное отражение, а яркая, типическая картина, нарисованная живыми, выразительными красками, которые передавали глубокую мысль художника, биение сердца писателя-патриота, его страстное, бескорыстное служение истине, его мечту о грядущем.

Смех Ахундова был едким и убийственным. Но то, что он описывал, было далеко не смешным. Фанатизм, суеверие, отсталость могли вызвать только слезы у человека, беззаветно преданного своему народу, мечтающего о его светлых и счастливых днях. Но Ахундов не только мечтал, он действовал, боролся, любил и ненавидел. В его ненависти к окружающей жизни была безграничная любовь к родному народу, желание уничтожить все то, что мешало его прогрессу и освобождению. А смех был могучим оружием борьбы. Ахундов показывает зло, идиотизм окружающей жизни.

Он снимал покровы с "темного царства", помогал осознать невозможность дальнейшего существования страшных уродств и контрастов, порожденных феодальной действительностью.

Ахундов ввел в поле зрения читателя почти все социальные сословия своего времени. Гаджи Керим — золотых дел мастер, Ага-Заман — знахарь, Молл а-Салман — духовный служитель, Мешади Джаббар — купец, Сафар-бек — помещик. Все они легкомысленно поверили лживым словам пройдохи Ибрагим-Халила, якобы нашедшего философский камень, "один золотник которого, примешанный к пуду расплавленной меди, обращает его в чистое золото". К шарлатану, именующему себя моллой, потянулись все жаждущие без труда приобрести большое богатство.

Золотых дел мастер мог бы жить своим трудом, но потерял доверие народа: никто не делал ему заказов, так как он более половины золота и серебра, которые ему приносили, крал, пополняя их вес медью и бронзой. Если бы он работал честно, то никогда бы не ощущал бедности. А теперь он готов отдать под залог свой сад, лишь бы разбогатеть при помощи философского камня.

Знахарь взялся не за свое дело. Он ничего не смыслит в медицине. Его покойный отец был цирюльником, составил благодаря бритве и рожку для кровопускания порядочное состояние. Сына он научил своему ремеслу. Но тог растратил состояние и не довольствуясь ремеслом цирюльника, вздумал прославиться в области медицины. По милости новоявленного медика целое кладбище наполнилось покойниками. И народ отказался от его услуг. Если бы он поучился у русского врача, то перестал бы по крайней мере лечить лихорадку арбузным соком. А теперь он отдает под залог сад своей жены, чтобы раздобыть тысячу рублей для алхимика, надеясь, что тот поможет ему вновь стать богатым человеком.

Из Молла-Салмана мог бы выйти славный дровосек, но ему вздумалось быть моллою, и это лишь потому, что моллой был его отец. Покойный трудился, учился наукам и заслужил звание моллы. А этот даже своего имени не в состоянии подписать правильно: по какому же праву он хочет быть моллою? Ученость не отцовская шуба, чтобы переходить по наследству. Но если бы он, обладая широкими плечами, имея силу, взялся за работу дровосека, то в год заработал бы более пятнадцати туманов.

А помещик вместо того, чтобы жить в деревне, заниматься сельским хозяйством, получать от своего имения доходы, пустился в свет, начал беспрестанно ссориться то с одним, то с другим, стал злословить, не давал начальству покоя своими жалобами на виновных и невинных, наконец, прослыл человеком беспокойного характера, попал под суд, три года судился, "три года был в ссылке, утратил золотое время жизни. И теперь по милости мнимого химика Молла-Ибрагим-Халила хочет сразу разбогатеть.

Надежда на легкую наживу овладела их умами. Ни поэзия, ни знания, ни умные речи — ничто их не интересует. "Разве не полезно знать о минувших событиях?" — говорит им поэт Гаджи Нури, единственный разумный человек, не поверивший Молла-Ибрагим-Халилу. С грустью он замечает, что его дорогие соотечественники не могут ценить прекрасную поэзию, так как лишены чувства и ума. Он призывает их не верить пройдохе, жить своим трудом, ибо "для всякого человека эликсиром или философским камнем является его ремесло — источник его благосостояния. Так зачем же гоняться за алхимиками? Я не видел Молла-Ибрагим-Халила, но, здраво рассуждая, полагаю, что он, должно быть, ловкий плут. Как рассказывают, он был недавно в Тифлисе. Но кто дал ему разрешение изготовлять эликсир? Кто видел этот самый эликсир?"

Эликсира, или иначе философского камня, в природе не существует".

Гаджи Нури остается одиноким: никто не понял его мудрых советов, никто не отвернулся от шарлатана. И он ушел, ибо речи его были бесполезны.

Несомненно, правда была на стороне бедного поэта Гаджи Нури. Он на голову выше своих соотечественников, он трезво смотрит на жизнь и не доверяет моллам. И не послушавшие умного совета Гаджи Нури нухинцы были одурачены моллой и потеряли последние деньги.

В небольших и ярких картинах Ахундов разоблачает тунеядцев, любителей легкой наживы, лицемеров и святош.

Не так легко Ибрагим-Халилу скрыть свои мошеннические дела. Но у него есть духовный сан, усомниться в святости которого никто из правоверных не посмеет. Прикрываясь религиозностью, ему удастся обмануть нухинцев... Он выдает себя за отшельника, проводящего дни в уединенных молитвах, он отказывается говорить с людьми о делах света, обманывает их своей мнимой ученостью, молится в парадном костюме, с чалмою на голове, с длинными четками в руках. Как можно не верить словам такого богобоязненного святого человека? "Я же просто человек, преданный религии и ведущий нравственный образ жизни... — говорит Ибрагим-Халил. — Милостью аллаха, а также благодаря своим обширным познаниям в науке алхимии и долговременным опытам по части физики я постиг тайны законов природы и открыл способ составления эликсира". В чем же заключается новооткрытый святошей философский камень? "Растение, входящее главной составной частью в эликсир, — объясняет нухинцам Молла-Гамид, ученик шарлатана, — растет только на склонах этих гор, и никто, кроме высокостепенного Молла-Ибрагим-Халила,

его не может познать. По исследованию греческих ученых это растение вырастает только при ночном пении петуха". Конечно, невежественные нухинцы благоговейно преклоняются перед человеком, ссылающимся на греческую науку, говорящим непонятные таинственные слова о физике и химии, о том, что дервишу Аббасу вменено в обязанность каждый день к вечеру с соблюдением старого обряда привязывать петуха на новом месте, целую ночь не спать и караулить его от шакалов и лисиц. Ухаживать за петухом, кроме дервишей, никому не разрешается. Так предписывает книга "Диво-дивностей". И нухинцы, слепо верящие каждому слову шарлатанов, с изумлением восклицают: "Великий, премудрый аллах!"

Рассказывая о паразитизме молл, о лицемерных проповедях шейхов, о жадности купцов, их стремлении к обогащению нечестным путем, о сутяжничестве бездельников-дворян, Ахундов вскрывает язвы феодальной жизни. Суеверие и фанатизм нашли в его лице своего непримиримого врага. Именно благодаря суеверию и были позорно обмануты алхимиком нухинцы, поверившие в то, что он нашел философский камень. С помощью мошенничества, ссылаясь на всемогущество и премудрость аллаха, обирают легковверных нухинцев проходимцы. Оказывается, приготовить эликсир можно только в том случае, если нухинцы не будут вспоминать обезьяну. Но как ни старались несчастные нухинцы забыть обезьяну, она лезла в голову, путала их мысли, доводила до бешенства. Виновниками того, что опыт с эликсиром оказался неудачным, они оказались сами, так как не смогли забыть обезьяну. Через месяц они вынуждены были прийти к шарлатанам еще раз, но их приход ни к чему не привел: к этому времени, взяв с собою чужие деньги, алхимик вместе со своими помощниками успел скрыться за Араксом.

Зло и беспощадно высмеивал Ахундов в своей маленькой комедии феодальное общество, растлевающее и развращающее человека, унижающее его достоинство. Он ратовал за труд, за честную жизнь, в чем видел единственный эликсир жизни, единственное спасение от нищеты и голода.

Когда он кончил писать комедию "Алхимик Молла-Ибрагим-Халил", его сердце охватила лихорадочная радость — это было первое крупное литературное произведение нового жанра на Ближнем Востоке. Учителем Ахундова был Гоголь, "о писал он по-своему. Язык, стиль, сюжет, манера излагать мысли — все было неповторимо, своеобразно. Да и форма самой комедии была сугубо национальной.

Ему не сиделось на месте. Он встал, быстро оделся. Тубу удивленными, непонимающими глазами смотрела на него. "Куда, Мирза?" — спросила она. Ахундов ничего не сказал, только крепко обнял ее и убежал на улицу.

Ахундов был высокого роста, ходил ровной походкой, внешне всегда был спокоен и казался совершенно невозмутимым. Но сегодня узнать его было невозможно. Радостно взволнованный, быстрыми шагами шел он по улицам города. Было еще светло, и газовые фонари блестели своими тусклыми стеклами.

Ахундов поднялся вверх по Эриванской площади к горе Давида. Здесь, высоко над городом, куда не доходил шум базаров и людных караван-сараев, он сел на камень и пытливо посмотрел на лежащий перед ним великий оазис на рубеже азиатского мира. Он вспомнил свой первый приезд в Тифлис. Вспомнил, как восхищенными глазами смотрел на город, который ему надо было покорить. Но тогда он был юным, неопытным, не знал тот мир, в который вступал. Ему казалось, что победа будет легкой, что он быстро овладеет русской культурой, затем вернется домой и станет просвещать свой родной народ. Теперь он понял, что жизнь дается

только тем, кто борется за каждую пядь земли, за каждый час, за каждую долю счастья. Чтобы стать действительно полезным народу, он должен горы сдвинуть с места, окунуться в самую гущу жизни, разрешить мучительные вопросы современности. Его первая комедия — только первая глава его жизни. Только первая... А сколько еще не написанных страниц впереди, сколько еще ожидает его испытаний, унижений, тревог и неудач!

"Как еще мало сделано!" — думал Ахундов. А ведь ему уже почти сорок лет. Успеет ли он исполнить свою торжественную клятву: добиться свободы и счастья для народа? Он сумеет это сделать только в том случае, если всей душой отдастся литературной работе. Снова забыть о сне, забыть об усталости... Но разве все эти годы он мало работал? Нет, не мало, но надо больше, больше...

Он смотрел на город. Но уже не восхищался. Это был мудрый, спокойный, уверенный взгляд. Ахундов знал теперь и теневые стороны жизни. Сердце все еще билось, возбужденное радостью творческой победы, но к радости примешивалась печаль, уйти полностью от которой ему никогда не удавалось.

Когда он стал спускаться с горы Давида, на бульваре Головинского проспекта уже горели огни газовых фонарей.

Всю силу своего таланта он решил посвятить раскрытию поступков, характера, психологии и настроений человека.

К работе над новой комедией "Мусье Жордан, ученый ботаник, и дервиш Мастали-шах, знаменитый колдун" Ахундов приступал с некоторым творческим опытом.

Ахундов решительно отверг принцип "искусства для искусства" и этим противопоставил себя другим азербайджанским поэтам, которые все еще жили в атмосфере "чистого служения искусству", продолжали воспевать во взволнованных газелях красоту женщины, радости вина и дружеской трапезы. Но без реалистического показа жизни, без разоблачения отрицательных сторон действительности нечего было думать о подлинной народности. Только опираясь на народ, писатели могли создавать подлинно реалистическую литературу. И Ахундов обобщал в живом образе существенные черты жизни, "факт действительности такой, какой он есть".

Жизнь многому научила его, но нет никакого сомнения, что решительная защита реализма и народности, обращение к новому жанру: драматургии и прозе — результат влияния на него русской литературы, бессмертных статей Белинского, считавшего, что "время рифмованных побрякушек прошло безвозвратно", что "роман и повесть стали теперь во главе всех родов искусства". Русская литература помогла Ахундову глубже понять задачи азербайджанской литературы, которая со времен Вагифа и Видади стремилась тесно сблизиться с

действительностью, реалистически воспроизводить картины жизни и человеческие характеры.

"Мусье Жордан, ученый ботаник, и дервиш Масталишах, знаменитый колдун" — подлинно народная, национальная, реалистическая комедия.

Действие происходит в Карабахе в 1848 году. Любопытно, что Ахундов точно датирует описываемое им событие в комедии. Это объясняется не только тем, что точным определением даты он желает подчеркнуть подлинность изображаемого. Ахундов, несомненно, следил за революционными событиями в России и на Западе. Он живо интересовался развитием французской революции и дал на нее своеобразный отклик.

И вторая комедия, как и первая, в целом была направлена против средневековой феодальной идеологии, против суеверий.

Молодой Шахбаз собирается ехать в Париж, но этого не хочет его невеста Шарафниса. Чтобы помешать поездке, прибегают к помощи известного дервиша Мастали, приехавшего из Ирана. Сила колдовства дервиша неистощима. Он мог бы приказать одному из чертей овладеть душой Шахбаза и выкинуть из его головы мысль о предполагаемой поездке, но Шахбаз молод, он может заболеть от испуга и остаться на всю жизнь калекой. Есть единственный выход — разрушить Париж, перевернуть его вверх дном или приказать звезде Меррих ^[46] отрубить голову мусье Жордану, французскому ученому, который своими рассказами о Франции увлек Шахбаза и теперь вместе с ним собирается отправиться в далекую страну. Все во власти великого дервиша.

Ахундов не прибегает к гротеску, он пишет о самых обычных вещах: суеверные женщины Азербайджана верят этим басням, верят в то, что если Мастали

захочет, он может разрушить не только гору Мирав, но и Париж!

Как же смогут черти разрушить Париж или отрубить голову Жордану? Стоит только Мастали нарисовать изображение Парижа, как черти немедленно по его сигналу разрушат настоящий Париж. Если же он поставит перед собой петуха и назовет его Жорданом, а затем отрубит голову, то звезда Меррих по его приказу отрубит подобным же образом голову Жордану.

Что это? Глупейшая фантазия или страшное безумие? Ни то, ни другое. Это кошмары средневековья, призраки прошлого, в которые дервиши, наводнившие патриархальный Азербайджан, заставляли верить десятки тысяч людей. Сердце Ахундова обливалось кровью, когда он видел, как его невежественный и суеверный народ обманывают плуты, шарлатаны, уверяя, что на свете существуют джинны, бесы, страшные, злые, таинственные силы, которые способны остановить Араке или разрушить высокую вершину Арарата. Ничего удивительного не было и в том, что девушка Шарафниса, не хотевшая отпустить своего жениха во Францию, и ее мать Шарбану, желающая счастья своей дочери, фанатически верили в сверхъестественную силу дервиша...

Как наивны они, когда умоляют дервиша не отрубать голову мусье Жордану: он ничего плохого им не сделал. Вот остальные жители Парижа — совсем другое дело! "Пусть лучше Париж разорится: нам какое дело? Если бы там девицы и невесты не были мятежницами, не ходили бы с открытыми лицами, то никогда Шахбаз туда не поехал бы.

Пусть Париж разрушится, и парижанки погибнут".

В Париже много порочных людей. Судьба сама прислала к ним дервиша, чтобы наказать этот развращенный город. Пусть он прикажет своим чертям и дьяволам, чтобы они перевернули его вверх дном!

Но, оказывается, черти тоже любят деньги. Они ведь не сарбазы, чтобы служить даром... За сто червонцев, которые Мастали дали наивные и суеверные женщины, он начинает разрушать столицу Франции. Мастали произносит страшные заклинания, вызывает чертей и дьяволов и дает им приказание одним ударом разрушить Париж, подобно тому, как он разрушит его изображение. Дервиш грозно устремляется к разложенным на полу дощечкам, изображающим грешный город, и одним сильным ударом разбивает их вдребезги. "Ханум, — кричит он, обращаясь к женщинам, — поздравляю, Париж разрушен! Довольны ли вы теперь мною?"

Единственная трудность в том, что некому доставить из Парижа известие о гибели города. Но и это затруднение дервиш разрешает легко: он обещает, что сообщение придет очень скоро.

Конечно, дервиш сам не верил своим словам. И каково было его изумление, когда вдруг раздался сильный стук в дверь и вошедший мусье Жордан в волнении сообщил о том, что Париж разрушен и что он немедленно должен ехать во Францию.

Женщины испугались быстрого исполнения магических действий Мастали. Даже сам дервиш в страхе от содеянного: он прячется за занавесью, чтобы его никто не обнаружил. Страшнее всего то, что на вопрос прибежавшего Хатам-хана: "Кто же разорил Париж?", Жордан отвечает с негодованием: "Черти!.. Сатана!.. Дьяволы!.. Злодеи!.." Тут уж не остается никаких сомнений, что Париж разрушил всемогущий дервиш Мастали. Одна из женщин опасается даже, как бы не полетели в воздух и другие города.

Совершенно ясно, что дервиш Мастали не мог разрушить Париж. В Париже произошла революция-Король бежал. Напуганный этим, член Королевской академии Жордан уже не может больше заниматься

своими научными изысканиями и должен немедленно покинуть Карабах. Он уезжает, и Шахбаз, к радости своей невесты, остается. Женщины торжествуют.

Невозможно переоценить значение новой пьесы Ахундова. Реалистические картины азербайджанской жизни были написаны яркими, сочными красками и сохранены для будущих поколений. Образы женщин, умных и находчивых, умеющих бороться за свое счастье, несомненно, по-новому трактовались в азербайджанской литературе. Вопреки шариату, вопреки феодальным законам женщина поднимала голову, вступала в конфликт с обществом, добивалась своих целей, училась побеждать в борьбе за эмансипацию. Пусть она, беззащитная и бесправная, прибегает к помощи шарлатанов-дервишей, проявляет чрезмерную доверчивость, побеждает только благодаря счастливому стечению обстоятельств. Хорошо уже то, что она не желает покорно нести свое тяжелое бремя, ищет пути к своему освобождению, противодействует желаниям окружающих.

Ахундов осуждал доверчивость своих героинь, их суеверие, преклонение перед авторитетом дервиша, но одновременно утверждал новые принципы жизни, право женщины на любовь, на счастье, на борьбу за решение своей судьбы. В этом огромное значение комедии Ахундова. Она отражала новые веяния, новые идейные настроения, развивающиеся в Азербайджане под влиянием русского освободительного движения.

Много сарказма вложил Ахундов в свою пьесу, зло высмеивая самодурство и глупое самохвальство иранских визирей и военачальников. Визирь кормит своих солдат баснями, ничего им не платят, а только бранят. Солдаты запуганы, невежественны, покорно сносят лишения и трудности. Невозможно защищать страну от посягательств чужеземцев, имея солдат, которые не знают, кому они служат, зачем служат.

Голодные и нищие, они не могут быть опорой страны, не могут обеспечить оборону государства. Дервиш Мастали-шах рассказывает любопытный случай с Гаджи-Мирзой-Агаси: "Однажды я видел своими глазами в Тегеране, как он осматривал на Арсенальной площади пушку, называемую "Жемчужина". Вдруг семьсот сарбазов, окружив его, стали требовать жалованье. Гаджи-Мирза-Агаси нагнулся, снял с ноги туфлю и, осыпая сарбазов бранью и руганью, коршуном кинулся на них; они разлетелись, как стая перепелок. Гаджи-Мирза-Агаси не смог поймать никого из них. Он возвратился к пушке и, обращаясь к стоявшим тут же ханам, сказал: "Господа, вы видели? Я не знаю, как я возьму Герат с таким трусливым войском. Хорошо еще, что я кинулся на них не с саблей, а то, право, неизвестно, где бы остановилось их бегство? Впрочем, нельзя приписать это только трусости: сарбазы испугались моей решительности; отвага военачальника заключает в себе огромную силу!"

Ахундов еще не осознал глубоко, что основная причина обнищания народных масс в варварских порядках феодальной системы. Но в комедиях он уже начал свою умную критику феодальной действительности, стремясь разрешить самые животрепещущие проблемы современности. Он с сожалением говорит о том, что богатства Азербайджана остаются зарытыми в земле, экономические ресурсы не используются для общего блага. Невежество помещиков, их полное незнание жизни и опыта других народов, полное неведение в вопросах науки приводят к тому, что они мешают молодому поколению идти новым путем, получить образование, занять определенное место в общественной жизни. Но остановить рост и развитие новых идейных устремлений становится почти невозможным. Даже отсталый помещик Хатам-хан сознает, что человеку

нужен ум, что необходимо знать не только языки, но и иметь представление о самых разнообразных вещах, уметь вести свои дела.

Ахундов имел свои положительные идеалы. Отчасти эти идеалы он выразил в образе молодого дворянина Шахбаза, жаждущего получить образование, стать на уровне своей эпохи. Он намерен ехать в Париж, а затем, вернувшись на родину, служить в Тифлисе, приобрести известность, стать полезным обществу.

Ахундов критически относится к стремлению своего положительного героя изучить французский язык. Он хорошо понимает, что дело не только в том, чтобы знать язык. В Париже можно приобрести некоторые знания, "увидеть хорошее и дурное", но самое главное — приобщиться к новому миру, изучить опыт других стран. Не мало отрицательных сторон и в жизни того города, куда так страстно стремится поехать Шахбаз. Хотя и в наивной форме, но, по существу, правильно критикует западные нравы Хатам-хан. По его мнению, "в Париже все наоборот". В этом городе процветает и взяточничество и разврат, такие же грубые нравы, как и в Карабахе, разница только в том, что там все проявляется в противоположной форме. "Мы красим руки хной, а французы нет; мы бреем головы, а они отпускают волосы; мы сидим дома в шапках, а они — с непокрытой головой; мы носим башмаки, а они — ботинки; мы едим рукой, они — ложкой; мы принимаем подношения открыто, они принимают их тайком. Мы верим всему, а они ничему не верят; наши женщины носят короткие платья, а их женщины — длинные; у нас в обычае иметь много жен, а в Париже — много мужей".

Логика Хатам-хана настолько убедительна, что даже просвещенному французу ничего не остается, как согласиться с ним. "Я не могу что-нибудь возразить против ваших суждений..." — говорит Жордан.

При всей своей высокой оценке европейской цивилизации Ахундов относился к ней критически, умел видеть отрицательные стороны европейской жизни. При всей своей ненависти к порядкам феодального общества умел видеть и язвы буржуазного мира, не отказался от лучших традиций культуры своего народа. Идеиное направление его драматических произведений определялось национальными условиями Азербайджана, интересами и запросами трудовых слоев азербайджанского общества. И комедии его, новаторские по своей сущности, не отрицали, а утверждали национальное, без которого Ахундов и не мог бы стать подлинно народным драматургом.

1850 год — "Болдинская осень" Мирзы Фатали Ахундова. Он писал одну комедию за другой. Иногда он спрашивал себя: зачем он пишет? Ведь нет ни театра, ни артистов, которые могли бы ставить его комедии. Может, напрасно трудится... Эти мысли невольно приходили в голову писателя, однако он не терял веру в общественную полезность своего начинания и вновь садился за стол. Тубу молча приносила каламдан, и он с новой энергией начинал писать, забывая все свои служебные неприятности.

Когда он работал, в комнате обычно царил тишина. Он не терпел резких звуков, и Тубу об этом знала.

Иногда, в свободные часы, он занимался с женой, учил ее русскому языку. Язык давался Тубу с большим трудом, но, зная характер своего мужа, она ни на что не жаловалась и продолжала усердно заниматься. Особенно большие огорчения приносили русские ударения. Забавно было слушать, как она причудливо изменяла простые русские слова, превращавшиеся в ее произношении в совершенно непонятное звуко сочетание. В такие минуты Ахундов громко смеялся. Сам он говорил по-русски грамматически совершенно правильно, но с очень заметным акцентом. Тубу, подражая его произношению, еще больше искажала слова, и это его забавляло. "Мы с тобой, — жаловался он жене, — наверно, никогда не научимся русскому языку. Уже семнадцатый год я учусь ему и все же произношу отдельные слова почти так же, как ты. Смешно и грустно!"

Свою третью комедию Ахундов назвал "Визирь Ленкоранского ханства". В ней он показал самодурство, насилия и жестокости феодалов, правосудие,

защищающее интересы привилегированного класса. Критикуя небольшое деспотическое государство, Ахундов выявлял антинародный характер феодальной власти, языком художественных образов доказывал невозможность дальнейшего существования подобного ханства, необходимость устранения несправедливых и деспотических правителей и создания государства во главе с гуманным и умным правителем.

Ахундов изображал представителей феодальной власти комичными, ставил их в глупые положения, высмеивал варварские нравы и обычаи, вызывая ненависть к порядкам старого мира. Смех порождает критическое отношение к действительности, будил сознание, рождал желание уничтожить носителей несправедливости и деспотизма. Вот визирь Ленкоранского хана. Не довольствуясь одной женой, он женился на второй, более молодой и красивой. Но как трудно быть мужем двух жен! Захотелось старому визирю подарить молодой жене на праздник дорогое платье редкой работы. Однако, чтобы сделать это, он должен такое же платье подарить и старшей жене. Этого визирь не хочет. Сделать лишний расход — не в интересах скряги. К тому же старая жена, по его мнению, недостойна носить красивое платье. Но не заказать его ей невозможно, иначе будут большие неприятности. Так что же делать? Визирь пускается на хитрость, но, разоблаченный старшей женой, оказывается в глупом положении. Найдя у себя дома постороннего мужчину, он в полном замешательстве, так как не может решить вопрос, которая из жен его обманывает.

Он давно мечтает иметь ребенка от молодой жены Шоле-ханум. Помочь этому делу взялась Пери — мать Шоле. "Ходила я к гадальщику Курбану и просила его написать молитву, чтобы аллах даровал тебе наследника от моей дочери Шоле-ханум. Гадальщик

написал молитву и велел раздать бедным сэмэни [\[47\]](#) из пшеницы, чтобы ее вес трижды превышал вес твоей головы. Теперь мне надо определить вес твоей головы, а то время варки сэмэни на исходе". Визирь, конечно, твердо верит в то, "что молитвы помогут ему в этом исключительном деле. Но его волнует только одно: как определить вес головы? Женщины водят его за нос, он ни о чем не догадывается. "Это очень легко сделать, — отвечает на его недоуменный вопрос Пери, — гадальщик научил меня. Мы наденем тебе на голову глубокую посуду, и если твоя голова целиком в ней поместится, то пшеница, наполнившая эту посуду, и будет равна весу твоей головы".

Визирь верит проказницам. Ему на голову надевают котел, но он оказывается маленьким. Тогда приносят большой. Котел закрывает всю голову визиря и лицо до самой груди. Он наивно верит женщинам, которые придумали эту уловку, чтобы дать возможность молодому Тимур-аге, пришедшему на свидание со своей возлюбленной Ниса, сестрой Шоле-ханум, незаметно выйти из-за занавеса и скрыться. Находчивые и догадливые женщины одурачивают визиря, окружают тонкой паутиной обмана, издеваются над его глупостью и смешной подозрительностью.

Старый визирь, которому доверена народная судьба, не только глуп, он к тому же жесток, придирчив, деспотичен. Он готов бить розгами слугу, случайно забывшего в комнате решето. Визирь вызывает фаррашей [\[48\]](#), чтобы избить до смерти ни в чем не повинного правителя дома за то, что решето оказалось не на месте.

Ахундов учился у народа, нередко обращался к народным зрелищам, использовал формы народных сатир.

Он смеялся над узаконенной шариатом ханской властью, перед которой трепетало беззащитное, бесправное крестьянство.

Зло изобличает писатель правосудие феодального общества. Картина ханского суда показана очень правдиво и ярко. По силе разоблачения ее, несомненно, следует отнести к шедеврам комедийного творчества великого писателя.

Нелепые судебные решения хана, фантастические причуды, свойственные сильным мира сего, не могли не вызывать взрывов веселого смеха, смеха, который разрушал авторитет ханской власти, воспитывал критическое отношение к окружающему миру.

Писатель безжалостно издевался над отсталыми взглядами народа, над его суевериями, предрассудками и фанатизмом. В этом была большая сила ахундовского реализма.

Просвещенный ум Ахундова не допускал того, чтобы личные качества человека расходовались бесславно, ради пустого тщеславия, ради удовлетворения женских прихотей, а подобные явления были широко распространены в патриархально-феодальном Азербайджане середины XIX века. Безумное удальство, храбрость, личная отвага считались основными качествами молодого человека.

Свою новую комедию "Медведь, победитель разбойника" Ахундов направил против этих устаревших, мешающих развитию народа, диких нравов. Это также было особой формой борьбы с пережитками феодального мира.

Отважный и умный Байрам любит девушку Парзад, но ее хотят выдать насильно замуж за нелюбимого человека — глупого и трусливого Тариверди. Что делать? Парзад готова утопиться, лишь бы не быть женой недостойного человека. Она любит искренне и глубоко Байрама и не мыслит свою жизнь без любимого. Но бежать вместе с ним она также не может, ибо если уедет в чужие края, то мать не переживет этого. Да и дядя ее богатый и сильный человек: он отомстит Байраму и погубит их обоих.

Видя безвыходность положения, Байрам решает впутать своего глупого соперника в какую-нибудь историю. Он уговаривает старую и мудрую Залху вместе со своим мужем Намазом посоветовать трусливому Тариверди совершить какой-нибудь "подвиг": "Пригласите к себе Тариверди и уверьте его, что Парзад сходит по нему с ума, но боится насмешек своих подруг, потому что они о нем говорят как о трусе, его имя не прославилось ни в воровстве, ни в разбое, а такого

человека ни одна девушка не полюбит. Пусть он совершит какой-нибудь подвиг: ограбит кого-нибудь и привезет с собой деньги или товары или украдет лошадь или быка, чтобы и о нем сказали: вот-де молодец. Тариверди — дурак, он всему поверит, наделает каких-нибудь глупостей и попадет в беду. Парзад не будет его женой".

Сам Байрам искренне верит в то, что именно в этом и заключается настоящая хитрость. Зная трусость Тариверди, он надеется, что "подвиг" его вызовет только смех, Тариверди будет слегка наказан за свою неожиданную храбрость, а тем временем он женится на любимой девушке.

Возбужденный разговорами Залхы и Намаза, несмотря на свои колебания, Тариверди вооружается с головы до ног. Весь в страхе и трепете он вместе с товарищами выходит на проезжую дорогу.

По дороге проезжает бродячий зверинец. Тариверди сталкивается с Францем Фоком, хозяином зверинца, которому вздумалось собирать цветы для своей возлюбленной. Франц боится разбойников, но еще пуще их боится Тариверди. Но как только Тариверди узнает, что это не разбойник, он, набравшись храбрости, бросается на Франца. Тот бежит. "Ах, как я его напугал, — говорит трус, — какой я страшный злодей. Если бы Парзад могла меня теперь видеть, я думаю, она бы испугалась".

Тариверди остается с большими ящиками. Открывает один из них. Оттуда выскакивает обезьяна. Удивленный своей находкой, Тариверди хочет поймать обезьяну, но она ускользает от него. Тогда он открывает другой ящик, в котором сидит медведь. Медведь начинает душить Тариверди. На крик его прибегает Байрам, охотившийся недалеко от этого места. Выстрелом он убивает медведя, Тариверди бежит, а сам Байрам попадает в руки казаков и

участкового заседателя, которые принимают его за настоящего разбойника.

По жалобе содержателя зверинца Франца Фока начинается следствие. Байрам не признает себя виновным. Мешади Курбан, дядя Тариверди, желая спасти своего племянника, утверждает, что не верит этим басням, сочиненным иностранцем. Он убежден, что никаких разбойников не было, просто молодые люди попали в общество чертей. Слыхано ли, чтобы медведи, обезьяны, волки и шакалы ездили по миру в коляске? Заседатель теряется от подобного истолкования событий.

Поскольку разбойники не обнаружены, виновником этих событий оказывается Байрам. Он и должен нести наказание за преступление. Честный и благородный Байрам не хочет выдавать Тариверди и его товарищей. Он уже раскаивается в том, что хотел погубить ради своего счастья другого человека. Он готов принять на себя наказание. "Нет, я не виноват, — говорит он Парзад. — Я другому готовил беду, и эта беда направилась на меня. Хочешь ли ты, чтобы я заслужил презрение товарищей своих и назвал бы Тариверди?" К счастью, владелец зверинца признает в Тариверди того самого страшного злодея, который напал на него. Байрама освобождают. Заседатель обещает ходатайствовать перед властями и простить Тариверди за нечаянное преступление под предлогом... глупости. Тариверди согласен. Любовь Парзад и Байрама торжествует.

Таково краткое содержание четвертой комедии М.Ф. Ахундова. Она была переделана для сцены В.А. Соллогубом, и Ахундов учел в своем окончательном варианте его поправки. Все это сильно мешает выяснению настоящих идейных позиций Ахунлова, ибо Соллогуб внес в комедию, в особенности в ее концовку, неуклюжую проповедь верноподданнических чувств.

Пьеса кончается обращением заседателя к собравшимся: "А для вас это будет хороший урок. Пора вам уже понять, что вы не дикий народ, что вам буйствовать и грешно и стыдно. Помните, что для вас делает русское правительство. Помните, кто над вами начальник!"

Разве в этом была идейная и политическая задача Ахундова? Нет, он думал совершенно о другом. Не подлежит никакому сомнению, что писатель ставил перед собой гораздо более важные цели. Дело, конечно, было далеко не в том, чтобы убедить свой народ повиноваться колониальным властям. Речь шла о новых путях Азербайджана, о приобщении к новым формам жизни.

Ахундов ненавидит глупость, невежество. С тончайшим юмором он рисует трусость Тариверди, но не менее беспощадно смеется и над трусостью "честного немца" Франца Фока, владельца обезьяны и медведя, едущих в коляске по миру. Ахундов осуждает бесполезное и глупое бахвальство мелкими разбоями, осуждает эти "дикие нравы" — тяжелое наследие прошлого. Он смеется над ограниченностью и невежеством людей, незнанием жизни других народов, над растерянностью заседателя, незнакомого с местными языками, вынужденного прибегать к помощи неграмотных переводчиков, от "перевода" которых многое становится еще более непонятным и смешным. Можно ли управлять страной, не зная нравов, языка, интересов народа, не имея с ним органической связи? Ведь наступили другие времена, другие условия жизни.

Вот что мы читаем между строк этого жизнерадостного реалистического произведения. Сущность его — не в забавном случае с бродячим зверинцем, а в сознании того, что дальше так жить невозможно, что жизнь должна измениться, что должны восторжествовать новые отношения людей, их

новые взгляды. А призраки средневекового мира с его варварскими обычаями должны исчезнуть бесследно.

Газета "Кавказ" отмечала "искренний комизм и резкую наблюдательность" автора. "Медведь, победитель разбойника" пользовался заслуженным успехом. Тщетно мечтал Ахундов видеть и слышать свои комедии на азербайджанском языке. Но он не отчаивался, не падал духом. Сколько энергии было в этом человеке из Нухи! Он творил, даже не зная, будут ли читать его произведения родной народ. Он творил, не надеясь видеть опубликованными свои произведения на родном языке. Но не писать он не мог. Ахундов был глашатаем новых идей, провозвестником нового мира.

Внимательно прислушивался Ахундов к пульсу жизни, стремясь распознать тайны социальных отношений, понять причины разорения старых бекских сословий, все нарастающего ропота крестьянских масс, бурных выступлений трудящейся бедноты города.

Если бы ему удалось освободиться от старых иллюзий, если бы он сумел видеть жизнь глубже, он бы понял трагедию народа, находящегося под двойным жестоким гнетом: царизма и местных помещиков. В 1852 году он еще слабо чувствовал приближающуюся грозу народных волнений, еще верил в возможность освобождения народных масс в условиях царизма, верил в возможность облегчения помещичьего гнета путем распространения грамотности и образованности, путем проведения тех или иных реформ. Но чем больше он знакомился с окружающим миром, чем больше задумывался над революционными процессами, происходящими в России, тем яснее становилась дорога его жизни, тем лучше он начинал понимать великие цели, стоящие перед ним.

По приказу главного управления канцелярии наместника Кавказа Ахундов по долгу своей службы должен был выехать в Карабах.

Мимо полуразрушенных деревень, огромных кладбищ, величественных чинар и плакучих ив медленно катилась по почтовой дороге карета штатного переводчика канцелярии наместника Кавказа Мирзы Фа-тали Ахундова. Ахундос ехал в Шушу. Путь был долгим и длинным.

В Шуше Ахундов познакомился со старым поэтом Касум-беком Закиром. Его простые, искренние стихи, написанные народным языком, понравились ему

больше, чем пышные, трескучие касыдэ и эпигонствующие газели других многочисленных карабахских поэтов. Стихи Закира выражали трезвое отношение поэта к окружающему миру, будили мысль. Ахундов сразу полюбил их и, возвращаясь в Тифлис, захватил с собой некоторые из них, надеясь опубликовать в специальном сборнике азербайджанских поэтов XVIII и XIX веков.

Закир рассказал ему презабавную историю об агджабединском купце Гаджи-Каре, который с целью обогащения принял участие в одном контрабандном деле и попал в очень неприятное положение.

Вернувшись в Тифлис, Ахундов решил использовать этот забавный случай с неудачным купцом-контрабандистом для своей новой комедии, задуманной еще весной.

В течение очень короткого времени он написал новую пьесу "Гаджи-Кара", или "Приключения скряги", — шедевр азербайджанской драматургии.

Писатель строит сюжет комедии просто, как бы рисуя с натуры. Это глубоко реалистическая пьеса, раскрывающая типические картины азербайджанской действительности середины XIX века.

Действие происходит в Карабахе. Гейдар-бек, обедневший азербайджанский дворянин, хочет жениться на любимой девушке Соне. Но у него нет средств для свадьбы. Работать он не привык, да и не хочет. Поэтому стал заниматься разбоем. Вскоре на него донесли начальнику. Тот предложил ему бросить воровство и разбой. Но чем жить, на что устроить свадьбу? Гейдар-бек решает вместе со своими приятелями Сафар-беком и Аскер-беком похитить свою невесту, увезти ее тайком. Но это обстоятельство смущает его. "Для меня будет хуже смерти, если начнут говорить, что у сына Курбан-бека не оказалось денег на свадьбу и он был вынужден похитить свою невесту". В

решающую минуту один из друзей Гейдар-бека предлагает поехать в Тавриз и привезти контрабандным путем франкский товар и на заработанные деньги устроить свадьбу. Приняв это заманчивое предложение, беки обращаются за денежной помощью к агджабединскому купцу Гаджи-Кару.

Гаджи-Кара только что потерпел убыток от купленных в Шуше товаров и мечтает о ходком франкском ситце, который покупатели берут нарасхват. Но как достать его? Узнав о намерении беков, он вместе с ними идет за контрабандой. Накупив товаров, беки и Гаджи-Кара направляются обратно. Они благополучно переходят Араке, отгоняют вооруженных есаулов и, полагая, что больше особых опасностей не предвидится, отделяются от Гаджи-Кары. Тот, по природе весьма трусливый и жадный человек, желая показать свою храбрость, нападает на встретившихся ему по дороге бедных армянских жнецов. Заседатель с отрядом своих людей отводит его к уездному начальнику. Гейдар-бек об этом ничего не знает. Устроив на полученные от продажи контрабандных товаров деньги свадьбу, он беспечно наслаждается жизнью. Но счастье Гейдар-бека омрачается вызовом к начальнику. Гейдар-бек обвиняется в ограблении акилисских ^[49] армян-купцов, и его ждет суровая кара. Он отрицает свою вину. Приводят арестованного Гаджи-Кару. Гейдар-бек признается, что вместе со своими друзьями и Гаджи-Карой был в Тавризе, привез контрабандой товар, и просит у уездного начальника прощения, обещая, что впредь такими вещами заниматься не будет. Выясняется непричастность Гейдар-бека к грабежу, и начальник, уступая мольбам и слезам Соны, отпускает его на волю.

Случай с неудачной контрабандной торговлей — обычное явление в Закавказье середины XIX века. Но Ахундова интересует не этот частный случай, а сама жизнь и характеры людей.

Чувство нового — великая сила, противоядие против рутины. Весь удар комедий Ахундова, в том числе и "Гаджи-Кара", был направлен против косности и застоя азербайджанской жизни.

В образной форме Ахундов показал в своей новой комедии весьма важные исторические процессы. "Гаджи-Кара" дает глубокий анализ основных явлений, происходящих в экономической и общественной жизни феодальной страны. Писатель рассказывает о разложении дворянских гнезд и начинающемся зарождении буржуазных отношений в Азербайджане. В этом его заслуга не только как художника, но и как ученого и мыслителя.

Перед нами представитель идущего к своей неизбежной гибели дворянского общества — Гейдар-бек. Потомственный бек, живущий мечтами о прошлых временах, когда он мог не заботиться о куске хлеба, Гейдар-бек видит, как вокруг него все изменяется, но не находит в себе силы и умения приспособиться к новым условиям. Раньше его основным источником доходов была военная добыча, а жизнь полна была приключений, подвигов и славы.

Гейдар-бек смел, умен, щедр, жаждет личного счастья, но как жить, не знает. Развращенный дворянскими предрассудками, он презирает труд земледельца, торговца, но в случае необходимости не побрезгует обратиться к богатому купцу за деньгами, принять участие в контрабандной торговле. Не привыкший к труду, он занимается воровством и разбоем и не видит в этом ничего предосудительного. Ахундов осуждает отрицательные качества Гейдар-бека, он хотел, чтобы тот был общественно полезным

человеком. Да и сам Гейдар-бек недоволен своим опасным ремеслом, но не знает, как иначе решить свою судьбу.

Гейдар-бек на грани разорения. Он погибнет, если не найдет путь к труду, к деятельности. Он уже вынужден был обратиться к купцу Гаджи-Каре за материальной помощью, вынужден заниматься торговыми делами. Постепенно растущее зависимое положение определенных слоев дворянства от ростовщического капитала было характерным явлением той эпохи.

Гаджи-Кара — богатый купец. "Если проживешь еще сто лет, и то не сможешь истратить твои деньги", — говорит ему жена Тукез. Он в любую минуту может ссудить обратившихся к нему беков не одной сотней рублей. Гаджи-Кара — ростовщик, он даже самому близкому человеку не отдаст ссуду, не обеспечив себя выгодными процентами. "Я никогда не даю денег без процентов", — говорит он, обращаясь к бекам. Деньги — его стихия, его вера, закон жизни. "В наше время, любезный друг, — замечает Гаджи-Кара, — лучше иметь карман, полный денег, чем сердце, полное отваги". Это стяжатель, нарождающийся в условиях феодализма, буржуа, обладающий уже определенным весом. Имея деньги, он ставит в зависимость от себя потомственных беков. В то время как беки все больше и больше теряют почву под ногами, не знают даже, чем содержать свою семью, Гаджи-Кара еще больше обогащается, расширяет свои торговые операции. Этот провинциальный купец очень ограниченный человек, но он жизнеспособен, он знает силу денег, он далеко пойдет. У него свои расчеты, своя философия, свое понимание мира. Едва ли его можно назвать рядовым купцом. Он независим, не пресмыкается перед феодалами, а диктует им свою волю, свои законы.

Осуждая паразитическое существование беков, Ахундов без симпатии смотрел и на нарождающихся новых хозяев жизни, показывая их хищническую натуру, скупость, бессердечное отношение к окружающим. Гаджи-Кара морит голодом свою семью, вечно копит деньги, служит и молится золотому тельцу. Он сокрушается из-за потери ста рублей, умоляет вернуть ему отнятый есаулами двугривенный. Он смешон, но он сила, которая будет расти, к ней все чаще и чаще будут обращаться те, кто так презирает ростовщиков, но без их помощи жить не может.

Реалистический образ Гаджи-Кары — большая удача Ахундова. В нем он воплотил преклонение перед могуществом золота, рабское подчинение человека вещам. Изображая хищничество, бессмысленное накопительство, авантюризм, скопидомство нарождающихся азербайджанских буржуа, Ахундов невольно заглядывает в душу будущей буржуазии, которая в начале XX века станет орудием реакции, оплотом фанатизма, носителем развращенных и растленных идей пантюркизма, панисламизма.

Но едва ли всем этим ограничивается мир идей и образов замечательной комедии Ахундова. В ней, как почти и во всех своих комедиях, он уделяет много внимания сильным, волевым женщинам, борющимся за право жить, быть счастливыми. В этом отношении очень интересна Сона, возлюбленная Гейдар-бека. Умная, любящая, решительная девушка, она человек большого обаяния. В Соне еще много детского, наивного, но в ней уже чувствуется моральное превосходство над Гейдар-беком. Веришь, что благодаря этой еще неопытной, но умной девушке Гейдар-бек найдет дорогу к честному труду, найдет свое место в жизни. Также тепло обрисованы автором образы трудовых людей, простых армянских жнецов. В комедии дана критика и царского судопроизводства, показаны нечестность, жадность и

несправедливость царских чиновников и есаулов. Вызывает некоторое недоумение образ доброго, всепрощающего уездного начальника, но это отчасти было уступкой времени, уступкой, без которой Ахундов едва ли мог надеяться на печатание своего замечательного творения.

Последняя комедия "Адвокаты" была написана значительно позднее — в 1855 году. В ней Ахундов затронул острую, актуальную тему своего времени — бесправное положение азербайджанки, образ которой всегда увлекал его — борца за раскрепощение женщины Востока.

Драматургия Ахундова дает богатейший материал для правильного понимания жизни Азербайджана первой половины XIX века, всесторонне показывает распад старого феодального уклада, основные противоречия и тенденции эпохи, быт и настроения различных сословий Азербайджана. Ахундов — основоположник азербайджанского критического реализма, проникнутого неукротимым духом исследования и анализа окружающей действительности. Простым народным языком, сильно отличавшимся от языка его публицистических произведений, он писал пьесы, стремясь разрешить в них коренные наболевшие вопросы современной ему жизни. Его драматургия обладала огромной обличительной силой.

С именем Ахундова связано начало истории нового азербайджанского театрального искусства. К 1850 году им были созданы основные драматические произведения, был создан репертуар будущего азербайджанского театра. Вскоре появилась возможность постановки его комедий на русском языке. На азербайджанском языке их покажут только в 1873 году. Постановка произведений Ахундова на русской сцене не только выдвинула его сразу в первые ряды

писателей, но и укрепила в Азербайджане новый театральный жанр.

В 1851 году в Петербурге на любительской сцене впервые была поставлена комедия Ахундова "Мусье Жордан, ученый ботаник, и дервиш Мастали-шах, знаменитый колдун", а в феврале 1852 года на сцене тифлисского театра русские актеры представили другую комедию Ахундова "Медведь, победитель разбойника". Оба спектакля были встречены с большим интересом и вызвали горячие отклики в печати. Постановка этих пьес на русском языке — один из многочисленных примеров той важной исторической роли, которую играла русская культура в развитии азербайджанского национального искусства.

Что бы ни делал Ахундов, мысль о просвещении масс никогда не покидала его. Написанные им комедии могли служить прекрасным учебным пособием в школах Азербайджана, и писатель лелеял мечту опубликовать их на родном языке. Не так легко было ему добиться издания своих произведений. В докладной записке на имя попечителя Кавказского учебного округа барона Александра Павловича Николаи, говоря об азербайджанской литературе, он указывал на отсутствие книг на азербайджанском языке в учебных заведениях Закавказья. Сообщая Николаи о своих произведениях, Ахундов просит разрешить напечатать их и изучать в школах. "Содержание их, — писал Ахундов, — известно по переводам на русский язык, только я прибавляю, что для учеников, желающих знать азербайджанский язык, эти пьесы, как единственные оригинальные произведения на азербайджанском языке, весьма полезные способы, по ним только можно судить о духе и свойстве азербайджанского языка, о расположении фраз и выражений и различных переменных слов и спряжений глаголов и проч. Относительно же правописания, за неимением положительных для сего правил, придерживался знаков и ударений, производимых народом при произношении каждого слова в разговорах, отступая от того правописания, которое доселе наблюдается многими единоплеменниками моими в письмах, по примеру персиян и турок и которые совершенно противоречат произношению азербайджанцев".

Несмотря на все старания, Ахундову долгое время не удавалось добиться разрешения издать свои комедии на родном языке. Только в 1859 году он смог,

наконец, напечатать их на азербайджанском языке по подписному листу.

Издание комедий Ахундова на русском языке (1853) сразу принесло ему большую славу. Статьи о нем появлялись в тифлисской и столичной печати, в зарубежных журналах. Большую статью о комедиях Ахундова напечатал Соллогуб. Похвально отозвался о его произведениях "Русский Инвалид".

"Искусства повсюду служат лучшим средством для умягчения нравов, — писал рецензент "Русского Инвалида" (1853, № 8), — мы видели недавно пример этому в рассказе очевидца о китайских балах и страсти китайцев к европейским удовольствиям; посмотрим теперь, что говорит иностранец о благодетельном перевороте, который совершается ныне в нравах и обычаях закавказских племен — заимствуем эту статью из "Magazin fur die liiteratur des Auslandes", где она имеет название "Татарский комический писатель". Автор близко знаком с предметом и отличается особой оригинальностью выражений.

Кавказский Наместник князь Воронцов — большой любитель искусства драматического. При его просвещенном покровительстве в последнее время в Тифлисе появились уже два театра — русский и грузинский; представления их привлекают не одно европейское население, но и туземцев. Директором русского театра является известный писатель граф Соллогуб (автор "Тарантаса"), а у грузинцев драматургом князь Эристов, произведения которого считаются в Грузии образцовыми. Недавно в Тифлисе окончено новое великолепное здание театра, и фельетонист "Кавказа" известил об этом в довольно подробном и красноречивом описании; словом, театр сделался любимым увеселением в стране Багратидов, а посещение его много способствует уничтожению резкого различия, отделяющего азиатцев от

европейцев. Можно было думать, что мусульманские поколения Закавказья по духу исламизма надолго останутся чуждыми подобных нововведений, но вот и между ними явился драматический гений, татарский Мольер, имя которого заслуживает того, чтобы сделаться известным его скромной родине. Этот татарский Мольер — Мирза Фет Али Ахундов по рождению и воспитанию татарин, впрочем отчасти знакомый с образованием Запада..."

Автор статьи подробно излагал содержание пьесы "Мусье Жордан", давал оценку отдельным произведениям Ахундова. Так, например, он писал об "Алхимике":

"Вторая пьеса Мирзы Ахундова называется "Молла-Ибрагим, обладатель философского камня", хотя она не столь занимательна для европейца, как первая, но также имела благодетельное влияние на соотечественников автора, потому что и здесь татарский комик орудием насмешки старается победить легковерие своих соотечественников, в чем они нисколько не отличаются от других восточных народов".

Ахундов посылал свои комедии русским писателям, интересовался их мнением.

Полонский, находившийся в дружеских связях с Ахундовым, после отъезда из Тифлиса прислал своему азербайджанскому другу пьесу "Дареджана" и обратился к нему с просьбой прислать свою автобиографию. В ответ на это в октябре 1853 года Ахундов отослал в Петербург сборник своих комедий, напечатанных на русском языке. В письме Полонскому Ахундов писал: "Иван Федорович Золотарев доставил Вашу драму "Дареджана", и я, с большим удовольствием приняв этот лестный для меня подарок, не раз прочел прекрасные Ваши стихи. Теперь, желая также отблагодарить Вас подарком, я посылаю к Вам в

знак памяти один из экземпляров моих комедий и остаюсь с чувством неизменной к Вам дружбы, которая не передается в изъявлении каких-либо доказательств. Касательно же содержания Вашего письма к Александру Ивановичу Рагозину имею честь сообщить Вам, что разбор моих комедий и моя биография уже написаны г. Вердеревским и скоро будут напечатаны — в газете "Кавказ" или в журнале "Отечественные записки". Литератор этот, который известен в редакции Петербургских журналов, недавно приехал в Тифлис и ныне служит вместе с нами в Канцелярии Его Сиятельства Князя Наместника. Он первый спросил меня о моей биографии, а потому мне невозможно было повторить ее в письме к Вам, прошу в этом Вашего дружеского извинения.

С истинным почтением и совершенною преданностью имею честь быть покорнейшим Вашим слугою Мирза Фет Али Ахундов".

Книгу Ахундов послал Полонскому с надписью: "Якову Петровичу Полонскому в знак памяти и дружбы от автора Мирзы Фет Али Ахундова 26 октября 1853 года из Тифлиса".

Как возмужал и вырос Ахундов за эти годы! Вся общественно-политическая и идейная обстановка России конца сороковых и начала пятидесятых годов оказывала сильное воздействие на его политические и эстетические взгляды. По всей стране распространялось "крамольное" письмо В.Г. Белинского к Гоголю. "Много я ездил по России: имя Белинского известно каждому сколько-нибудь мыслящему юноше, всякому, жаждущему свежего воздуха среди вонючего болота провинциальной жизни. Нет ни одного учителя гимназии в губернских городах, которые бы не знали наизусть письмо Белинского к Гоголю", — рассказывает И.С. Аксаков.

Напутанный революционными событиями, царь всеми силами стремился укрепить свою неограниченную власть, сохранить в стране крепостническую систему. Кружок Петрашевского был разгромлен царской охранкой. 22 декабря 1849 года Петрашевский был отправлен в кандалах в далекую ссылку. Цензура свирепствовала. В университетах и институтах был установлен жесточайший контроль и шпионаж. Но палач русского народа был бессилён задуть революционную мысль. Борьба революционно-демократического лагеря против царского самодержавия продолжалась. Не прекращались в России волнения крестьян, выступавших против гнета крепостников-помещиков.

Дикий произвол, бесстыдная эксплуатация господствовали и на родине Ахундова. Безотрадная и беспросветная жизнь азербайджанского народа была полна горя, слез и страданий. Забитость, фанатизм, невежество железными цепями сковывали народные массы. Об Азербайджане можно было бы сказать словами великого русского революционера-демократа Добролюбова: "Это мир затаенной, тихо вздыхающей скорби, мир тупой, ноющей боли, мир тюремного, гробового безмолвия, лишь изредка оживляемый глухим, бессильным ропотом, робко замирающим при самом зарождении. Нет ни света, ни тепла, ни простора; гнилью и сыростью веет темная и тесная тюрьма". Это об Азербайджане сказал писатель-демократ начала XX века Джалил Мамедкули-заде: "Когда я впервые в жизни открыл глаза, я увидел мир во мраке". Да, Азербайджан был одним из самых страшных уголков царства мрака.

Ахундов поставил перед собой великую историческую задачу: пробудить свой народ, вырвать его из состояния рабства и варварства. Это была мечта. И эту мечту он мог осуществить, только опираясь на

передовых людей России, учась у великих русских демократов, вдохновляясь русским освободительным движением, внимательно прислушиваясь к голосу трудовых масс Азербайджана.

В то время как в типографии наместника Кавказа М.С. Воронцова печатались комедии Ахундова в русском переводе, началась Крымская война. Рука об руку с русскими воинами против турок сражались азербайджанские, грузинские и армянские отряды. К берегам Дуная были отправлены отважные карабахцы, которые не раз отнимали у турецкой армии знамена, беспощадно преследовали врага на берегах Прута и Дуная.

В марте 1854 года адмирал Нахимов одержал блестящую победу над турецким флотом в Синопской бухте. Англия и Франция объявили войну России. Вражеская эскадра военного флота вошла в Черное море. Началась героическая эпопея обороны Севастополя, вновь выявившая мужество и патриотизм русского народа.

В течение всей Крымской войны Ахундов внимательно следил за борьбой русской армии против объединенных сил Турции, Англии и Франции. Все его симпатии были на стороне России.

Желая собственными глазами видеть героизм и мужество своих сородичей, он принял решение немедленно отправиться на войну.

Об этом важном факте биографии Ахундова ничего не было известно. Не было обращено никакого внимания на то серьезное обстоятельство, что Ахундов в течение многих лет проявлял особый интерес к турецкой истории и войне России с Турцией. Относясь сугубо критически и даже с некоторой неприязнью к правителям современной Турции, он видел в феодальной деспотической Турции не только противника России, которой он служил, но и злейшего врага своего народа. Героические страницы истории родной страны привлекали пристальное внимание Ахундова. Ему было известно, как часто турецкие султаны с разбойничьими целями вторгались в Азербайджан, разоряли села и города, разрушали и уничтожали культурные памятники азербайджанского народа. Чем глубже изучал он историю, чем ближе знакомился с взаимоотношениями азербайджанцев и

турок на протяжении веков, тем больше проникался ненавистью к турецким пашам и султанам.

Крымская война не изменила его взглядов. Он знакомился с рукописными материалами на фарсидском и турецком языках, читал много книг о Турции, перелистывал страницы русских газет и журналов. В результате этих упорных изысканий и терпеливого изучения исторических документов Ахундов написал статью "Положение турецкой армии под Багдадом в 1618 году", которая была опубликована в 1853 году на русском языке в № 53 и 54 тифлисской газеты "Кавказ". В этой очень любопытной статье рассказывается о турецком вторжении на территорию Азербайджана в начале XVII века и последовавшем за этим изгнании и позорном бегстве турок.

Это было в годы царствования Мамед-шаха. "Казалось, недалек был час его политического падения, безначалие и внутренние раздоры подтачивали его. Царствующий шах по слабости характера не в силах был обуздать своеволие полководцев. Каждый из них всевозможными путями добивался первенства и власти и, добившись, теснил других и грабил подчиненные себе провинции. Ханы, которые были посильнее, завладели целыми провинциями, не признавали власть шаха". Так начинает Ахундов свою статью, рассказывая о событиях, предшествовавших нашествию турецких янычаров на Азербайджан.

Внутренними раздорами и смутами в Иране воспользовались турки. "Быстро перешли турки персидские границы, — говорит Ахундов, — и без большого труда завладели всем Азербайджаном и другими пограничными провинциями". Но успехи янычаров были очень непродолжительны. На престол вступил сын Мамед-шаха Шах-Аббас, который вскоре дал сокрушительный отпор турецким захватчикам. "Бедные турки", с иронией отмечает Ахундов, были

изгнаны из Азербайджана и бежали. Тем не менее они не оставили своего агрессивного намерения поживиться богатствами чужих стран. В 1618 году турецкие войска во главе с Гафизом Ахмед-пашой осадили Багдад. Но все их козни, враждебные намерения вновь были опрокинуты Шах-Аббасом. Атакованная им турецкая армия была смята и разгромлена. Многие из пеших турок были раздавлены конницей. Другие бежали и пропали без вести. Остальная же часть войска "успела достигнуть лагеря, но была как мотылек с обожженными крыльями и сокрушенным сердцем". Устами "простодушного и правдолюбивого турка", одного из начальников разгромленных турецких частей, Ахундов говорит: "Спина исламской армии согнулась от этих уронов и неудач". Турки уже не мечтали о Багдаде, а думали о собственном спасении, ибо "дела приняли дурной оборот": они настолько были напуганы воинами Шах-Аббаса, что, заметив самого слабого из них, считали его героем Фирдоуси — богатырем Рустамом.

"Эти мнимые храбрецы, которые мечтали нажить себе состояние, отняв при помощи аллаха все имущество персиян, — теперь сами покидают собственные палатки и пожитки и радуются только спасению своей жизни: те богачи, которые на лошадях, покрытых серебряными сбруями, отправлялись в баню в сопровождении целого отряда прислуги, теперь искренне завидуют владельцам ослов с вьючными седлами". Шумный турецкий поход кончился страшным позором и разгромом. "Едва ли наше бедствие не превосходит бедствие страшного суда", — пишет Цитируемый Ахундовым турецкий военачальник.

Статья, написанная с едкой иронией, полная презрения к глупой чванливости и самовлюбленности турецких военачальников, разоблачает миф об их мнимой храбрости.

Желание видеть победу России зародило, видимо, в сознании Ахундова мысль о поездке на фронт. Ярким подтверждением этого может быть стихотворение писателя, посвященное воспеванию русского оружия и переправе русских войск через Дунай. Это замечательное произведение говорит о кровных связях Ахундова с Россией, о глубоком убеждении, что его родная страна может добиться своей свободы и культурного возрождения только в тесной и братской дружбе с русским народом. В этом стихотворении Ахундов совершенно ясно указывает, что писал его не в Тифлисе, а в действующей армии, на Балканах. Стихотворение полно конкретных сведений о ходе военных действий, создано под непосредственным впечатлением каких-то важных событий.

Ахундов восхищен богатырской мощью русских солдат, он гордится тем, что и его соотечественники принимают участие в этих грандиозных сражениях. Он призывает карабахцев смело ринуться в бой, опрокинуть вражеские турецкие войска, отнять их знамена и пушки. В 1854 году в письме к своему другу Касум-беку Закиру он пишет: "На превосходном карабахском коне, с мечом на бедре они должны броситься на поле сражения с оружием в руках и, появляясь то на правом фланге, то на левом фланге неприятеля, должны исторгнуть из рядов его восклицание о пощаде". Ахундов радостно отмечает храбрость кавказских воинов. Азербайджанцам, по-видимому, не раз приходилось везти отнятые у неприятеля знамена в русскую столицу. Ахундов уверен, что кто-нибудь из них и в этом году отвезет неприятельское знамя в Петербург.

Все это не оставляет никакого сомнения, что Ахундов принимал непосредственное участие в Крымской войне, а не был только сгоронним наблюдателем. Подтверждает это и неопубликованное

письмо сына Ахундова, написанное им в 1877 году из Брюсселя: "Кстати, — пишет Рашид отцу, — может быть, Вам придется снова отправиться на место битв, как во время Крымской войны. Мне интересно узнать, какие меры приняты на этот счет правительством. Отправляют Вас или нет?"

Ахундов принял активное участие и в военных действиях 1855 года на Кавказе.

Он считал своим патриотическим долгом воодушевлять соотечественников в борьбе против турок, находиться вместе с ними. Он оказывал большие услуги действующей армии как переводчик, принимал участие в боевых операциях как офицер, за что был награжден в 1855 году орденом св. Станислава третьей степени. Он появлялся везде, где сражались против ненавистных турецких пашей его соотечественники. А их было немало в русских войсках, приступивших к штурму крепости Каре. Азербайджанцы вели партизанскую войну, нападали на турецких патрулей, обозы, разрушали коммуникации, непрерывно рыскали вокруг Карса, беспокоили и обессиливали врага. Вскоре национальные отряды, действовавшие вразброд, были объединены в большое партизанское соединение, которое стало наносить ощутительные удары турецким войскам. "Подвиги русских войск, а также грузинской милиции и пламенный патриотизм, привязанность к родной земле грузинского, армянского, азербайджанского населения помогли отстоять Закавказье, которое, связав большую турецкую армию и разгромив ее, сыграло тем самым очень крупную роль в общем трудном деле отстаивания русской государственной территории от врагов" [\[50\]](#). Ничего не могла сделать и английская разведка, которая "даже и не пыталась работать на Кавказе среди грузин, армян,

азербайджанцев, так как преданность этих народов России казалась (и была) несокрушимой" [\[51\]](#).

Наступил 1855 год. Объединенные армии Турции, Франции и Англии осаждали героический Севастополь. Силы были неравные. Черноморская крепость выдерживала длительную осаду только благодаря героизму, мужеству, и выносливости русских солдат.

Знойный август принес печальные вести. После 349 дней героической защиты пал Севастополь. Война близилась к концу.

Когда Ахундов вернулся в Тифлис, он окунулся в литературную жизнь. Е.А. Вердеревский готовил издание закавказского литературного альманаха "Зурна" и предложил ему дать что-нибудь яркое, интересное, народное. Ахундов в это время особенно увлекался стихами Вагифа. В грациозно-легких и чарующих стихах этого поэта было много от песен народных ашугов. Они были простыми по форме и ясными по языку. Ахундов перевел на русский язык одно из стихотворений Вагифа и передал его Вердеревскому. Это было послание Вагифа своему другу поэту Видади, служившему у грузинского царя. Издание альманаха было шумным событием на тифлисском парнасе. Но Вердеревский все напутал. Перевод Ахундова был опубликован под странным заголовком:

Идеал красавицы по восточным понятиям (буквальный перевод письма в стихах Моллы Папахы, визиря Карабахского владетеля, к Вагифу, приближенному Имеретинского царя).

Вышла весьма досадная ошибка. Вагиф оказался одновременно карабахским визирем Моллой Панахом и

приближенным грузинского царя. А имени Видади Вердеревский почему-то вообще не упомянул.

В Тифлисе, в кругу литераторов, много говорили о досадной ошибке, некоторые злонамеренные люди даже посмеивались. Ахундов был очень огорчен этим. Но какова была его радость, когда, раскрыв "Современник", он заметил в журнале статью об альманахе "Зурна" и прочел похвальный отзыв. "Мы радуемся ее появлению, — писал о "Зурне" журнал, основанный Пушкиным, — потому что она свидетельствует об усилении литературной деятельности за Кавказом, служит проявлением факта, во всяком случае отрадного".

Статья доставила Ахундову моральное удовлетворение. "Современник" высоко отзывался о поэтическом Востоке и среди ряда имен упомянул имя Ахундова.

Автор статьи говорил о "животворном влиянии восточной поэтической природы", о том, "как живительно действует Восток на воображение". Все это было близко и понятно Ахундову, много правды он чувствовал в этих словах русского критика. Именно под живительным воздействием Востока Ахундов написал свои первые драматические произведения. Их диктовала ему жизнь, полная еще не разгаданных загадок, жизнь, во всей своей правде, убедительности, яркости и колоритности. Замечательный русский журнал поощрял его литературную деятельность. "... К г.г. П.Ф. Бобылеву, мирзе Фет-Али-Ахундову, гг. Гранкину, Шишкову, Кержаку-Уральскому. М. Ш-ну, Г. Г. Г., Дункель Веллингу, Цискарову, Берзенову, князю Эристову, графу Стенбоку мы не должны быть строги. Всё, что они напишут, заслуживает полного участия и одобрения, как зародыш и залог более удовлетворительного развития тифлисской литературы в будущем. Мы должны даже сказать, что их

произведения и придают "Зурне" право на сочувствие критики. Стихотворения тифлисских литераторов написаны вообще гладкими и легкими стихами; прозаические произведения вообще языком чистым и правильным. Чего же более желать, чего требовать от первых опытов? Мы радуемся, что между коренными тифлисскими жителями являются люди, имеющие склонность к литературным занятиям; пройдет еще несколько лет — и между ними некоторые будут писать гораздо лучше, иные, быть может, и в самом деле прекрасно".

Автор статьи не читал его комедий, он писал о скромном переводе Ахундова. О, если бы русский критик знал, что он был первым и, кажется, единственным поэтом Востока, который откликнулся на смерть А.С. Пушкина!

"Некоторые будут писать гораздо лучше, иные, быть может, и в самом деле прекрасно". Ему казалось, что комедии его написаны "гораздо лучше", но он хотел писать "в самом деле прекрасно". Трудно? Да, очень, очень трудно. Вот он уже создал пять комедий, они даже ставились на русской сцене, но на родном языке они не были напечатаны, народ их не читал и, может быть, даже не знал о их существовании. Однако писать он все-таки будет наперекор всему, на страх моллам и вельможам, глаголом правды разжигать сердца людей, открывать им глаза на окружающую действительность и добиваться опубликования произведений на азербайджанском языке.

Из России дошли слухи, что скоро наступит конец крепостному праву. Вся страна находилась в затаенном ожидании каких-то перемен, брожение охватило народные массы. В деревне все глубже пускали корни голод и нищета, росло недовольство политикой царизма, точно от летаргического сна просыпался

забитый и бесправный народ, с каждым днем ширились крестьянские восстания.

Крымская война оказалась роковой для царизма. Она выявила экономическую и политическую отсталость николаевской России, гнилость крепостного строя. Последствия поражения царизма в Крымской войне оказались весьма значительными не только для внешнеполитического, но и для внутреннего политического положения России.

Нищета беспредельно господствовала и в азербайджанской деревне. Тирании помещиков не было предела. В царских судах процветали стяжательство, взяточничество, несправедливость. У беззащитных сирот отбирали имущество, пускали их по миру, и не было ни суда, ни управы над угнетателями и преступниками. Все это собственными глазами в Тифлисе, Гяндже, Шуше видел Ахундов. Об этом из Карабаха не раз писал ему поэт Закир.

Тифлис был наводнен изворотливыми, готовыми на любую подлость, бессовестными и безжалостными адвокатами. Это они нанимали ложных свидетелей, сочиняли фальшивые документы, и горе было легковерному человеку, попавшему в их коварные сети. Как зверь, набрасывался подобный адвокат на свою жертву, и спастись от двуногих пауков было почти невозможно. К их услугам были царский закон и царские чиновники, готовые за небольшую мзду помочь домогательствам самых грязных людей.

Многочисленные наблюдения над тифлисской жизнью пробудили в Ахундове желание написать новую обличительную комедию об адвокатах. И не только о них. О тяжелой судьбе женщины, о доверчивых, простых людях, о жертвах произвола и деспотизма.

Он назвал свою комедию "Тифлисские адвокаты". Написал и задумался. А почему "тифлисские"? Ведь то, что он намерен изобразить в своей новой комедии,

характерно для всего Азербайджана, в особенности для Тавриза. Надо бичевать самое подлое, самое страшное в жизни. И он перенес место действия комедии из Тифлиса в Тавриз и назвал ее "Адвокаты".

В этой комедии Ахундов описывал невероятное, фантастическое происшествие, которое в самых различных формах и вариациях неоднократно повторялось в стране, в которой он жил и которую так горячо и беззаветно любил.

Молодой девушке по имени Секина осталось от умершего брата Гаджи-Гафура богатое наследство. Этим наследством задумала завладеть Зейнаб, состоявшая с Гаджи Гафуром во временном браке — "мутэ", имевшем широкое распространение на Востоке. Зейнаб подала в суд заявление о том, что все наследство Гаджи-Гафура принадлежит ей.

Секина одинока, у нее нет сильных защитников, ее легко обидеть в этом полном несправедливости мире. Положение девушки становится еще более трагическим, когда она узнает, что тетя Зубейда задумала выдать ее замуж за богатого и всесильного тавризского купца старика Ага-Гасана. Но Секина не может выйти за него замуж, она давно любит молодого Азиз-бека. Она смело заявляет об этом самому Ага-Гасану. Обозленный Ага-Гасан становится одним из злейших ее врагов.

Азиз — еще очень молодой, неопытный, легковверный, но честный человек. Он любит Секину горячо, не думая о ее богатствах, но он бессилен перед коварными людьми. Единственная надежда на принца, управителя Азербайджана, у которого когда-то служил его отец. Но пока принц узнает правду, суд может вынести несправедливый приговор и Секина лишится всех прав на наследство.

Враги затеяли неправо дело. Нет конца их козням. Самые ловкие адвокаты, поддерживаемые и

подстрекаемые отвергнутым Ага-Гасаном, взялись защищать незаконное дело Зейнаб. Они подкупами подготовили лживых свидетелей, которые все, как один, должны свидетельствовать перед судом, что у Зейнаб от Гаджи-Гафура остался малолетний сын, к которому и должно перейти все наследство. Даже сама Зейнаб в ужасе от злых козней своего адвоката Ага-Мардана, по совету которого должна признать чужого ребенка своим, отдать ему половину наследства. Ага-Мардан надеется на еще большее: он намерен жениться на Зейнаб, отнять у нее незаконно приобретенное наследство.

Ага-Мардан устраивает своего приятеля Ага-Салмана адвокатом самой Секины. Доверчивые Секина и Азиз-бек ничего не знали обо всех этих хитросплетениях. Они доверили судьбу приятелю своего врага и неизбежно должны проиграть на суде. Ага-Мардан действует обманом, лестью, лжесвидетельством. Для него не существует никаких законов, никаких прав, кроме закона и права сильного, богатого и хитрого, для него не существует никаких моральных принципов. Он подкупает заседателей, лестью вызывает симпатию председателя суда к своему иску. Он уверен в своей победе над беззащитной доверчивой Секиной, в торжестве "всесильной" неправды над "бессильной" правдой. Но все преступные происки Ага-Мардана разоблачаются, когда о них узнает принц. Свидетели отказываются подтвердить обман, сарбазы, хоронившие Гаджи-Гафура, в последнюю минуту свидетельствуют, что наследницей покойного является только его сестра и что у его временной жены не было никакого сына. Все рушится. Правда торжествует.

Вот вкратце сюжет последнего драматического произведения азербайджанского писателя. Здесь нет ярких комедийных сцен, нет ни дервишей, ни бесов, ни

шайтанов, нет тупоумных визирей, нет скряг, над которыми можно было бы посмеяться. Здесь во всей страшной уродливости предстает перед нами сила денег, диктующая свою волю людям, порождающая ненависть, вражду, гибель беззащитных людей. Ахундов выступает беспощадным судьей нарождающегося буржуазного мира, своими убийственными характеристиками он разоблачает ненавистный ему тип нового буржуа, хищника, эксплуататора.

Новое время — новые песни.

Секина — простая, умная женщина, борющаяся за свое счастье, за человеческие и гражданские права. Она никому не позволит распоряжаться собой. "Пусть хоть весь мир разрушится после моего отказа Ага-Гасану, — говорит Секина, — и то я буду стоять на своем". Она не хочет быть несчастной на всю жизнь. "Скажите, ради бога, когда я давала вам право распоряжаться моею свободой? На каком основании вы хотите выдать меня замуж за Ага-Гасана? Я теперь ни от кого не завишу и никому не позволю распоряжаться моей судьбой". Выходить замуж по чужой указке — не в ее натуре. Она не может быть женой человека, к которому не лежит сердце. Не о наследстве, не о богатстве думает прекрасная Секина. "Пусть пропадает наследство. Эта потеря для меня легче потери счастья не быть женой Ага-Гасана — замечает она.

Это были новые мысли, новые чувства, которые подслушал, о которых узнал чуткий, наблюдательный писатель. Он всем сердцем встал на защиту простых людей и, изображая их, звал народные массы к гражданским свободам, к сознательной гражданской жизни.

В борьбе Секины за счастье ей противостоят изворотливые тавризские адвокаты и купцы. Это Ага-Гасан, который угрожает ей "сыграть такую штуку, о

которой в сказках будут рассказывать". Тщательно подготавливает свое гнусное дело Ага-Мардан. Он искусно плетет паутину, в которую неизбежно должна попасть его очередная жертва.

С большим мастерством рисует Ахундов хищнический облик подлого, безжалостного адвоката, готового ради денег на любое преступление. Его наглость имеет свою опору — он верит, что слуги вельмож "испытанный народ", за деньги они могут подтвердить любую ложь, могут поддержать любые козни. Хищники находят поддержку в законах господствующего класса. Ахундов далек еще от разоблачения и беспощадной критики деспотического феодального строя Ирана и других восточных стран, с которой выступит в шестидесятые годы в своих философско-публицистических письмах. Его герой Азизбек уверен, что благородный принц защитит правое дело.

Сам Ахундов не освободился еще от иллюзий и не прочь верить тому, что, если у власти будет стоять благородный и милосердный принц, неправда не восторжествует над правдой, закон не отступит перед беззаконием. Этим отчасти и объясняется неправдоподобный счастливый финал этой замечательной пьесы. Таких счастливых случаев в Иране могло быть один из десятков тысяч. Здесь Ахундов явно грешит против исторической правды, верит в возможность завоевания гражданских прав и в условиях феодально-деспотического государства.

Наступит день, и Ахундов поймет, что без революционного переустройства мира человек не может добиться своего счастья, без народной власти народ не улучшит своего благосостояния. Но в пьесе "Адвокаты" все еще звучит эта примиренческая тема, хотя она выражена здесь значительно слабее, чем в первых комедийных произведениях писателя. Жизнь,

революционные события в России, демократическая русская литература, передовые революционные идеи русских просветителей помогали ему освободиться от тяжелого груза прошлого, новое побеждало в его сознании старое, способствовало созреванию демократического мировоззрения. Сила ахундовской комедии в нарастающем протесте против произвола и деспотизма, в защите гражданских свобод.

Смело срывает Ахундов гнусную маску с Ага-Мардана, показывает целую галерею шулеров, авантюристов, морально разложившихся людей. Начальник ночной стражи Раджабали привел к Ага-Мардану свидетелей, которые должны подтвердить, что они собственными ушами слышали от Гаджи-Гафура, что у него недавно от Зейнаб родился сын. Ага-Мардан просит Раджабали представить ему своих товарищей.

"Гаджи Раджабали. Вот это — знаменитейший картежник Гапо, приехавший вчера из Ардебиля; второй — казвинец Шейда; он днем — степенный меняла на базаре, а ночью развлекается всякими штучками; третий — Курбанали гамаданский, днем он — чулочник, а ночью — ловец счастья и повеса; четвертый — марагинец Ганифе, днем — разносчик, а ночью — мой неразлучный адъютант.

Ага-Мардан. Значит, все они почтенные люди; только ремесло Гапо несколько двусмысленное. Ты знаешь, Гаджи, что в Иране духовенство и народ очень недолюбливают картежников, считая их людьми развратными и бесчестными; боюсь, как бы Гапо не возбудил некоторого недоверия у председателя суда.

Гаджи Раджабали. Не беспокойся: Гапо такой плут, какого ни одна мать еще не производила на свет; он может превратиться во что и в кого угодно. Хочешь, через два часа он явится солидным купцом, и, бьюсь об заклад, тебе в голову не придет, что это тот же человек. Да знаешь ли, чья кровь течет в его жилах? Он

сын однорукого Гейдар-Кули, прославившегося беспримерными подвигами в искусстве воровства. Однажды его отца видели днем в городе Огаре, в двух сутках пути от Тавриза, и в ту же ночь пропала в Тавризе, из спальни губернатора шкатулка с драгоценными камнями. А утром Гейдар-Кули уже спал в одном из притонов караван-сарая Огара уже как обладатель шкатулки губернатора. Этот необыкновенный подвиг изумил весь Иран и спас Гейдар-Кули от грозившей ему смертной казни: ему отрубили только руку. Впрочем, Гапо как картежника еще не знают в Тавризе.

Ага-Мардан. Я очень рад, что имею удовольствие познакомиться с сыном такого прославленного человека. Кто не слышал про Гейдар-Кули и не удивлялся его искусству?! Да будет мир его праху! Теперь позволь спросить, знают ли они священные обряды и правила нашей веры? Ты знаешь, как это важно на суде! Если они на этот счет хромают, председатель может опорочить их показания.

Гаджи Раджабали. Будь покоен, все они люди грамотные и не только твердо знают ислам, но каждый из них годится в учителя самому дьяволу; кроме того, они каждый день бывают в мечети".

Для Ага-Мардана картежник, плут, вор, повеса, меняла, развлекающийся ночью "всякими штучками", — "почтенные люди". Для него совершить воровство — подвиг.

Все эти гнусные люди должны прикрывать свое лицо маской благочестия. Они ежедневно бывают в мечети, молятся аллаху, искусно совершают все обряды, чтобы казаться правоверными мусульманами. Но иногда они, несмотря на свой паразитический образ жизни, могут быть правдивыми. В решающую минуту даже непревзойденный плут и мошенник Гапо оказывается куда честнее Ага-Мардана. Когда

председатель суда предлагает Гапо дать свои показания уже успевший образумиться картежник говорит:

"Ага вчера Ага-Мардан позвал меня с товарищами к себе и выдал каждому по пятнадцати тумане с тем, чтобы мы сегодня показали, будто во время холеры мы видели на руках Гаджи-Гафура одномесячного ребенка. Деньги мы взяли и ушли. Я, как записной картежник, проиграл их в ту же ночь, так как нарвался на игрока, который не уступил бы в ловкости рук знаменитому шулеру Лейлачу. Что же касается Гаджи-Гафура, то я не только не видел его во время холеры, но и в лицо его не знаю".

Услышав эти слова, Ага-Мардан застыл в изумлении. Ему казалось, о нет, он был уверен, что деньгами можно купить все: совесть, честь, правду. Но все рухнуло в один миг.

Весьма любопытно отношение Ахундова к сарбазам. Они подневольные слуги деспота, но они люди, простые, честные люди. Даже Ага-Мардан вынужден признать, что солдаты, которым не платят жалованья, "в сущности, те же благородные нищие". Но и их он пытался подкупить. Однако и сарбазы на суде подтвердили правду.

Комедия "Адвокаты" выражала уверенность автора в том, что "темное царство" ага-марданов неизбежно рухнет.

Шли пятидесятые годы. Национальный театр еще не был создан, но национальная драматургия: уже стала неоспоримым фактом. Начиналась новая эпоха в развитии художественной литературы азербайджанского народа.

Ахундов был, несомненно, великим новатором. Рождение драматического жанра на Ближнем Востоке связано с его именем. Но довольствоваться этим писатель не мог и не хотел. Слишком грандиозна была та миссия, которую он взял на себя. Создав все необходимые предпосылки для открытия театра, заложив основы азербайджанской драматургии, он обращается к новому жанру — художественной прозе.

Написанная Ахундовым в середине пятидесятых годов повесть "Обманутые звезды" способствовала дальнейшему усилению реалистического направления в азербайджанской литературе. Введенный им новый жанр сыграл огромную прогрессивную роль в истории развития литературы. И в этом новом произведении Ахундов подходит к изображению феодальной действительности с позиций критического реализма. Он призывает народ к борьбе против деспотизма, зовет к культуре и науке. Несмотря на сказочный сюжет и историзм, "Обманутые звезды" смогли ответить на волнующие вопросы современности.

Ахундов хорошо был знаком с историей Азербайджана, Ирана, Турции. Он всегда проявлял к ней интерес, но она не имела для него самодовлеющего значения, и исторические факты привлекались им для разрешения интересующих его проблем современной жизни. Сюжет "Обманутых звезд" почерпнут из исторической хроники "Тарихи-алем-арайи-Аббаси",

описывающей времена правления Шах-Аббаса. В этой довольно популярной на Востоке исторической хронике рассказывается о том, как однажды астролог Мовлан Джелаледдин Мухаммед Бэди сообщил шаху, что в ближайшее время произойдет приближение звезд и это принесет большое несчастье ему и Ирану. Астролог посоветовал шаху на три дня оставить престол, временно посадить на трон какого-нибудь преступника, на голову которого и падет кара небесных светил.

Бросили жребий, и шахом Ирана был избран некий Юсиф Саррадж — простой седельник. Провозглашенный шахом, одетый в самые пышные одежды, Юсиф был посажен на верблюда и в сопровождении эмиров и войска торжественно направился во дворец, где принял бразды правления в свои руки. А шах вместе со своими приближенными удалился в укромное место.

Прошло три дня после этого события. По истечении срока, предсказанного звездочетом, шах вновь вернулся в свой дворец. У Юсифа было обнаружено вино, и его, как еретика, обезглавили по приказу шаха.

Историческая хроника больше ничего не сообщает нам об этом странном событии. Необходимо заметить, что в феодальные времена на Востоке цари нередко обращались за советом к астрологам. Это пагубно влияло на государственную жизнь страны, ибо важнейшие решения зависели от прихоти того или иного придворного звездочета.

Ахундов, несомненно, читал эту историческую хронику, знал случай с Юсифом Сарраджем и решил использовать его в художественном произведении.

"Обманутые звезды" были написаны в 1857 году. Идея повести зрела в годы, предшествовавшие крестьянской реформе в России. Крестьянское движение принимало угрожающий характер, с каждым годом возрастало число восстаний. Эхо революционных событий докатилось и до Азербайджана: стонущее под

феодалным гнетом азербайджанское крестьянство пробуждалось для борьбы против поработителей.

Повесть вскрывает подлинную сущность деспотического восточного государства. Во главе страны стоит невежественный и жестокий шах, который доверил правление самодурам, взяточникам, насильникам и расхитителям народного имущества. Государство живет за счет непосильных и хищнических поборов. Сам шах — первый взяточник среди своры бесчисленных и бессовестных любителей богатого пешкеша. Судьба народа, его благополучие, развитие торговли и ремесел, укрепление оборонной мощи страны не интересует ни шаха, ни его визирей. Террором и неслыханными злодеяниями подчинил Шах-Аббас многострадальный народ своей деспотической воле. Чтобы избавиться от соперников, он безжалостно истребил всех своих родственников, убил одного своего сына, двоих велел ослепить, остался без наследника.

С беспощадной правдивостью показывает Ахундов феодальное государство, превратившееся в игрушку в руках хитрых и льстивых звездочетов. В стране нет ни закона, ни порядка, ни праведного суда: стихия деспотического произвола кровавым бичом нависла над Ираном. Шах и его ставленники разрушают деревни, казнь безвинных людей они превратили в повседневную забаву. Отрезание ушей, языка, рук и ног стало обычным явлением в стране. Насильно гонят в шахский гарем девушек, навсегда разлучая их с родителями, с любимым человеком. Государство с каждым днем все больше идет к упадку, приближается к гибели.

Особенно смело высмеивает автор визирей, приглашенных Шах-Аббасом на совет, чтобы предупредить несчастье, которое неизбежно должно пасть на его голову в результате столкновения звезд.

Шах передал им роковую весть, только что сообщенную ему главным звездочетом, и заключил свой

рассказ вопросом, каково мнение сановников по этому поводу и какие должно принять меры, чтобы предупредить несчастье, угрожающее его жизни. Неожиданное известие крайне удивило и привело всех в смущение. После минутного молчания заговорил визирь Мирза Мохсун.

В чем видит свои заслуги один из главнейших сановников Шах-Аббаса, государственный муж Ирана? Чтобы заполнить пустующую казну шаха, он установил куплю и продажу должностей в Иране, узаконил взяточничество во всем государстве. Каждый чиновник, назначенный на работу, должен внести в казну плату за назначение, соразмерную своему служебному положению. Совершенно ясно, что, получив на откуп какую-нибудь отрасль хозяйства или провинцию, он взимал плату в десятикратном размере с народа, безнаказанно, бесконтрольно мог грабить его, творить над ним суд и расправу. А уделом народа была нищета и в конечном итоге — духовная и физическая гибель. Выражаясь словами самого Ахундова, "всякий скотина, злодей и тиран" мог поступить с народом, как ему заблагорассудится.

Такова незавидная судьба страны, где все построено на взятке, казнокрадстве, преступлениях. Взяточник сидит на взяточнике, и самый главный из них — падишах, волей аллаха посаженный на трон Ирана. За каждую свою милость падишах получает драгоценные ткани и ковры, богатые подношения и золото.

Еще более омерзительны "заслуги" другого вельможи, иранского военачальника Заман-хана.

Заман-хан как будто говорит о своих неоспоримых заслугах, а на самом деле он разоблачает себя, показывает свою бездарность, свою трусость и тупоумие. Сколько умной иронии вложил Ахундов в саморазоблачительную речь этого иранского

военачальника! По численности иранские войска нисколько не уступали турецким, но он, Заман-хан, радеющий за родину, опасаясь, как бы их "благороднейшие воины не были побиты и уничтожены нечестивым и злодейским племенем турок", безо всякого сопротивления уступил иранскую территорию врагам, оставил границы своего отечества незащищенными... Заман-хан предал свою родину, отдал ее на поругание врагам, спасая свою шкуру. В чем же его достоинства, в чем же его заслуги перед государством? Оказывается, храбрый военачальник распорядился уничтожить посева огромной страны, разрушить дороги и мосты, превратить весь Иран в мертвую землю. Вот почему изнуренные и голодные турки, осмеянные и поруганные, на третий же день после взятия Тавриза забили в барабан и бежали. Так спас Заман-хан государство от врага. Решение военачальника показалось правительству настолько мудрым и полезным, что даже после ухода Бекир-паши страну решили оставить опустошенной и разрушенной, дабы впредь ни один турок не дерзнул перейти иранскую границу. Так победили иранцы, не пролив ни единой капли крови...

Послушаем теперь речь государственного казначея Мирзы Яхья-хана, который хотя и бессилен перед звездами, но также имеет великие заслуги перед страной.

Действительно, Мирза Яхья-хан обладал дьявольской изворотливостью и проницательностью. Чтобы пополнить казну государства, он подписывал одной рукой указы на выдачу жалованья войску и чиновникам, а другой — посылал каждому правителю округа тайное приказание никому не выдавать денег. Таким образом, казна переполнялась деньгами, ибо ни войско, ни чиновники не получали жалованья месяцами, а порой и годами. Ясно, что в стране, управляемой с

помощью насилия и обмана, чиновники и войско находили другой путь для своего существования — они грабили народ. И все это "славный" государственный казначей называл миром и спокойствием...

Но все же, оказывается, Иран не без "умных" людей. Нашлись все же государственные люди, которые посоветовали шаху, как спастись от предстоящей гибели. "Шах был очень молод; ему только минуло двадцать два года. Жизнь мила и сладка в эти годы каждому смертному, но особенно дорога она тому, кто стоит на высшей ступени земного благополучия и владеет шахским престолом". Этим умным человеком был глава духовенства, главный молла-ахунд Самед. Заслуги его перед отечеством несомненны, и он достоин своего высокого сана. Это он, ахунд Самед, заставил суннитов [\[52\]](#) "с благодарностью" отказаться от веры своих предков и принять истинное учение шиитов. Он даже армян и евреев собирался обратить в шиитскую веру. Патриотическое рвение его было настолько сильным, что он разрешил великое недоразумение, созданное толкованием религиозных преданий, согласно которым представители царского рода не причисляются к рангу мусульманских святых: он просто объявил народу, что это предание не относится к царствующей в Иране династии Сефивидов. Так же близко к сердцу он принял и весть о столкновении звезд. Если главный звездочет сумел предсказать приближающееся несчастье, он должен знать и средство, которое поможет предотвратить гибель падишаха. Главный молла давно враждовал с главным звездочетом и давно уже искал повода свести с ним счеты. Теперь этот повод нашелся. Пусть палач обрушит свой удар на этого подлого изменника, открывшего злое намерение звезд.

Сказку о зловещем предсказании звезд Ахундов использовал для разоблачения невежественных, бездарных и трусливых визирей Ирана, докучливых мусульманских церковников. Теперь он уже ясно понимал, что во главе государства должен стоять человек из народа, умный и заботливый правитель, думающий не о своих удовольствиях, а о благе народа, о подъеме экономической, социальной и культурной жизни страны. Таким человеком и оказался седельник Юсиф.

Юсиф — враг религии и деспотизма, обличитель тиранов, передовой человек своего времени. Вот как характеризует его главный молла, решивший во что бы то ни стало погубить этого борца за правду и свободу:

"В городе Казвине с недавних пор появился какой-то бездельник и великий грешник, подобного которому не сыскать не только в Иране, но и во всей вселенной. Имя его Юсиф, по ремеслу он — седельник; где жил он раньше и чем занимался, неизвестно никому. Находясь в последнее время в Казвине, он приобрел популярность среди черни и собрал вокруг себя таких же негодяев и бездельников, как и сам. Грешный рот его всегда открыт для хулы и порицания высокопочитаемых ученых и бескорыстных служителей священного ислама. Проклятый нечестивец неустанно и открыто проповедует своим последователям, будто высокоуважаемые ученые-богословы обманывают простой народ и всеми средствами способствуют тому, чтобы он вечно оставался в невежестве. По его словам, например, священная война не обязательна, а выдача части дохода в пользу потомков пророка и духовенства противоречит указаниям религии; современные богословы будто умышленно не признают указов предшествующих ученых, чтобы не умалить своего значения и успешнее морочить простой народ. Кроме того, он имеет наглость относиться с неодобрением и к

существующему образу правления. Он утверждает, что все должностные лица, начиная с сельского старшины и кончая самым венценосцем, — разбойники и тираны. По его мнению, народу нет никакой пользы от правителей, что ради удовлетворения своих животных потребностей они облагают бедный народ всякими податями и неправильными поборами; в своих делах и поступках они не руководствуются велениями закона и на каждом шагу нарушают требования справедливости и чести. Так, говорит он, поступают лишь злодеи, грабители и разбойники. Утверждают также, что этот нечестивей по своим религиозным убеждениям принадлежит к поганой секте, исповедующей переселение душ. Преданный раб победоносной и могущественной державы нашей осмеливается думать, что лучше всего предоставить временное правление этому проклятому мятежнику, чтобы он погиб от разрушительного действия звезд и нашел себе возмездие в глубинах ада!"

Придя к власти, Юсиф показал себя умным государственным деятелем, любящим народ, заботящимся о благе своего государства. Он не испугался предсказания звезд и смело взялся за грандиозные преобразования. Немедленно по всей стране были запрещены неправильные налоги, отменены все казни и пытки, назначены надежные чиновники-надзиратели, установлено справедливое судопроизводство, ликвидирован гарем, сокращены колоссальные расходы двора. Юсиф приказывает по всем дорогам построить караван-сарай, постоянные дворы, ночлежные дома, благоустроить улицы городов, улучшить дороги, провести водопроводы, открыть школы, больницы, обложить податями имущее население, облегчить положение трудящегося народа. Беднякам была роздана пшеница из государственных зернохранилищ. С иностранными государствами

заключены торговые договоры. С воцарением Юсифа в стране началась новая эра. Умный и способный государь направил развитие страны по новому пути, по пути прогресса и процветания. Фанатизм, суеверия, религиозные предрассудки стали искореняться.

Ахундов уже понимал, что нельзя освободить народ от гнета и произвола, не освободив его от нищеты и голода. Он пришел также к твердому убеждению, что духовенство вместе с феодальной властью — основная помеха на пути прогресса.

В "Обманутых звездах" писатель выказал критическое отношение к Западу, к колонизаторской политике агрессивных держав. В конце произведения он иронически отзывается о происках англичан, затеявших войну с иранцами.

В повести Ахундов не ограничился суровой критикой феодального общества. Он нарисовал смелую картину нового мира, создал целую программу социальных преобразований. Не вина Ахундова, что в условиях патриархального мира осуществить его передовые идеи было невозможно. Тем не менее "Обманутые звезды" сыграли большую воспитательную роль для нового, демократического поколения, для младших современников писателя.

Большим тормозом в развитии культуры среди широких народных масс был арабский алфавит. Он превращал образованность в привилегию избранных людей. Чрезвычайная трудность освоения арабского алфавита содействовала общему застою Азербайджана и других стран Ближнего Востока. Все это Ахундов воспринимал как народную трагедию. Он писал:

"Какая польза утирать слезы на моем лице; придумай средство против болезни моего сердца, чтобы из него кровь не вытекала" (стих из одной фарсидской поэмы). Придумай средство, чтобы иранский народ мог сделаться грамотным; найди возможность, чтобы согласные буквы в составлении слогов всегда писались в связи с гласными буквами, а не без них; чтобы все буквы различались между собою особенными и исключительными для каждой буквы изображениями без помощи точек; чтобы силлабические буквы в составлении слов заменились алфа-бетическими, чтобы, наконец, буквы писались от левой руки к правой, по системе европейцев, заимствованной ими у финикийцев.

Только тогда грамотность будет доступна каждому состоятельному и несостоятельному человеку в самый краткий срок при малом даже рдении, а иначе, хотя пройдет и тысяча лет, грамотность все-таки останется замкнутой для большинства.

Ирану невозможно вернуть древнее свое значение и величие иначе, как образованностью: образованность же немыслима при безграмотности, грамотность же не будет доступна большинству без изменения настоящего алфавита".

Ему казалось, что реформа алфавита создаст условия для распространения грамотности среди народа, что без этой реформы немыслимо какое-либо изменение в его положении, невозможен прогресс, невозможна борьба за свободу.

Особенно волновала Ахундова неграмотность женщин. Ему казалось, что реформа алфавита несколько раскрепостит восточную женщину, поможет ей стать равноправным членом общества.

Таким образом, с реформой алфавита Ахундов связал вопросы огромного социального значения. Он не понимал тогда еще, что в условиях феодального гнета и социального неравенства едва ли эта реформа может принести облегчение народным массам.

С необыкновенным энтузиазмом взялся Ахундов за осуществление своей мечты. Предложить сразу коренную реформу арабского алфавита он не решился.

На арабском языке был написан коран, священная книга мусульман, являвшаяся сильным идейным оружием порабощения масс привилегированными слоями общества, проводником религиозного дурмана. Ополчаясь против арабского алфавита, Ахундов неизменно должен был столкнуться с феодальными кругами и духовенством. Ярость и ненависть реакционных кругов неизбежно должны были обрушиться на голову писателя, решившего порвать со старыми формами жизни, осмелившегося выступить против религии. Преодолеть организованное и Упорное сопротивление армии реакционеров было не под силу одному человеку.

Первые годы он все еще лелеял мысль, что изменением рисунков некоторых букв и упрощением, алфавитной, системы можно облегчить доступ к грамотности, широким народным массам. Такая половинчатая реформа, по его мнению, не могла вызвать особого протеста со стороны господствующих

кругов общества и духовенства. Но он глубоко ошибался: фанатики и реакционеры ревниво оберегали все старое от смелого посягательства передовых людей, и сама идея реформы алфавита могла быть воспринята ими как кощунство над религией, как желание уничтожить не только священное писание, но и сложившиеся формы социальных отношений феодального общества, авторитет ислама и мусульманского духовенства. Ахундов это понял очень скоро, но тем не менее не отказался от реформы. Наоборот, неудовлетворенный ее первым проектом, он составлял один проект за другим, знакомил с ними близких друзей, интересовался их соображениями, вносил изменения и поправки. Временные поражения и разочарования его не смущали.

И он добился своего. Взяв за основу алфавита русские буквы, дополнив их некоторыми латинскими, Ахундов пришел к окончательному варианту. Теперь перед ним стояла более трудная задача — осуществить свою мечту, провести ее в жизнь.

Но без помощи государства это было невыполнимо. Он решил попытаться убедить иранское правительство в целесообразности реформы, наивно полагая, что оно поймет значение нового алфавита для прогресса Ирана и всего мусульманского мира. В 1857 году он впервые обращается к царскому правительству с просьбой разрешить отправить свой алфавит в Иран.

Надежды писателя не оправдались. Иран остался глухим к его призыву.

Однако Ахундов не упал духом. Он решил обратиться к Турции, которая, как ему, казалось, "ныне предприимчивее к переменам". 12 ноября 1857 года он отправил подробное письмо управляющему Российской миссией в Стамбуле А.П. Бутеневу с просьбой представить его проект турецкому дивану.

Ахундов был, уверен, что его алфавит сделает Небывалый переворот в культурной жизни мусульманских народов, находящихся под колониальным гнетом западноевропейских держав. Он хотел, чтобы по пути прогресса пошел не только родной народ, но и народ Турции, Ирана, всех азиатских и африканских стран. Он направил проект алфавита в столицы крупнейших государств: Петербург, Париж, Лондон, Берлин, Вену, обратился к российским послам с личной просьбой оказать содействие его рассмотрению, послал проект на ознакомление немецким, австрийским и французским ученым. Но все было тщетно. Некоторые передовые ученые только ободрили Ахундова, но ни один из них не указал путь к осуществлению реформы.

Ахундов не переставал надеяться, что найдет поддержку и сочувствие турецких прогрессивных кругов.

Наученный горьким опытом, он решил отправиться в Турцию, чтобы во время обсуждения проекта в Академии наук оказать определенное влияние на улемов [53]. Он понимал, что царское правительство не заинтересовано в просвещении многомиллионных масс мусульманского населения. Ни кавказский наместник М.С. Воронцов, ни царские чиновники, с которыми приходилось сталкиваться ежечасно, не проявляли никакого интереса к его "безумным проектам". Они видели в них ребяческие забавы чудака чиновника. И Ахундов отверг мысль о возможности проведения реформы в пределах Российской империи. Но он верил в могучую силу русской науки, в гуманизм русских, ученых и от них ожидал одобрения, совета и помощи.

Ему не раз приходилось читать труды известного петербургского ориенталиста академика Б.А. Дорна, проявлявшего большой интерес в своих исследовательских работах к истории и археологии

Кавказа, в особенности Азербайджана. Два русских академика, Дорн и Броссе, дали положительный, отзыв о знаменитой книге А. Бакиханова "Гюлистан-Ирем". К Дорну и обратился Ахундов с письмом, в котором изложил основные положения своего проекта. Он запросил мнение русского востоковеда.

Дорн отнесся весьма благосклонно к проекту Ахундова, откликнулся теплым письмом, в котором выразил свои соображения по поводу проведения реформы мусульманского алфавита, но предупредил, что осуществление такой грандиозной задачи сопряжено с большими трудностями. Потребуется, быть может, очень много времени, чтобы в восточных странах поняли прогрессивное значение этой реформы.

В середине 1863 года Ахундов выехал в Стамбул.

Турция в этот период переживала острый политический и экономический кризис. Вступивший в 1861 году на турецкий престол султан Абдул-Азиз, напуганный крестьянскими восстаниями, отказался от многих реформ, проведенных еще в период царствования Абдул-Меджида (1839-1861). Началась жестокая реакция. Экономически и политически обанкротившаяся страна превратилась в полуколонию западноевропейских хищнических держав, которые по каждому незначительному поводу вмешивались в ее внутренние дела, закабалили ее долгами, исчисляемыми миллиардами. Тяжелое экономическое положение страны усугублялось бездарностью правителей, их неслыханным деспотизмом, расточительностью и продажностью. Империя находилась накануне полного банкротства.

Порою приходится удивляться наивности Ахундова, все еще питавшего надежду на одобрение своего алфавита со стороны феодально-клерикальных слоев. Может быть, он надеялся на помощь младотурецких кругов, но едва ли они в то время представляли собой общественную силу, которая могла бы оказать давление на решение турецкого правительства.

Поездка была сопряжена с большими расходами. Закавказские власти, к которым обратился Ахундов, отказались выдать ему "некоторые денежные пособия на предмет путевых издержек". Служебное положение писателя было несколько расшатано. Обострились отношения с начальством, которое уже не видело в Ахундове "незаменимого" переводчика. Семья

требовала забот и денежных средств. Предстоящая поездка ввергла его в новые непредвиденные расходы.

Ахундов деятельно готовился к стамбульскому путешествию. Изучал историю и литературу Турции, знакомился с ее современным положением, вносил новые поправки в проект алфавита. Наконец, простившись с семьей, он покинул Тифлис.

Путь лежал через Мцхет — Гори — Кутаис, вдоль древней Куры. По дороге из Тифлиса на высотах и горах виднелись бесчисленные развалины укреплений и замков — памятники героической истории грузинского народа. Куринская долина, словно живая, свидетельствовала о грозных седых временах воинственных племен, мужественно защищавших отчизну от многочисленных врагов

Мцхет, древняя столица грузинских царей, представлял печальную картину. Вокруг лежали развалины. Ничто не говорило о его былом величии.

Вскоре он прибыл в Гори. К югу от города тянулись Ахалцихские горы. На крутом уединенном холме громоздились развалины горийских замков. У подножия неслась бурная река. Между деревьями и кустами расположились маленькие и красивые деревни. Плодородная грузинская земля с богатой растительностью напоминала Ахундову родной Карабах.

Грузия овеяна прекрасными легендами. Много слышал их Ахундов по пути к Черному морю. Ему рассказали, что много веков тому назад вся равнина была покрыта огромным озером, над которым возвышалась, подобно пустынному острову, высокая гора. Однажды царица Тамара приехала сюда на соколиную охоту. На руке Тамары сидел ее любимый сокол. Она пустила его на голубя, но он не полетел к своей жертве, а опустился на горе, на которой виднелся теперь разрушенный замок. Царица обещала смельчаку,

который вернет ее сокола, полцарства. Храбрый молодой витязь взялся исполнить просьбу царицы и на чудесном коне бросился в озеро, переплыл его, дошел до горы и поймал царского сокола. Но на обратном пути всадник и сокол были поглощены волнами. Тогда царица велела отвести всю воду из озера в Куру, а на горе в память трагического события выстроить замок. В этом замке в печальном уединении прошла ее жизнь...

Уже виднелись Имеретинские горы. Глубокие ущелья, небольшие реки, древние замки лежали на пути Ахундова. Сурамский перевал остался позади. Над Кутаисом стояли черные тучи. Шел проливной дождь.

Живописные картины природы сменяли одна другую. Ахундову вспомнился далекий 1837 год, когда он впервые путешествовал по Грузии. И вот он вновь едет по этому замечательному краю. Здесь как-будто бы ничего не изменилось, все было по-прежнему, но он смотрел вокруг иными глазами, иные мысли роились в голове. Спокойно взирал он тогда на эту величественную природу, наслаждался горным воздухом, душа его пела. А теперь тревожные Мысли неслись в далекий Стамбул. Что принесет ему это путешествие? Сбудутся ли его мечты? Найдет ли он в Турции людей, которые поймут великую пользу начатого им дела? Эти беспокойные вопросы оставались без ответа.

Большой почтовый тракт вел к Поти: Ахундов ехал всю ночь. Он спешил на пароход, который повезет его в Батум. Приехал вовремя. Через несколько часов пароход должен был отплыть. Дул северо-западный ветер. Оформив документы, с небольшим дорожным грузом Ахундов поднялся на палубу.

Через два часа показался Батум. Виднелись живописные холмы, окружавшие маленькую батумскую бухту. Было очень жарко. В Батуме Ахундова ждало разочарование. Иностранный пароход должен был

прибыть только через две недели, Ахундов остановился у гостеприимного и приветливого лазистанского каиммакама [54] Османа Шевги-эфенди. Его дом был расположен у источника. В благодарность за радушный прием гость посвятил каиммакаму небольшое стихотворение. Каиммакам, большой любитель поэзии, немедленно позвал лучшего мастера в городе и предложил ему высечь на камне, рядом с источником, стихотворение своего азербайджанского гостя.

Наконец прибыл иностранный пароход. Простившись с кавказскими берегами, Ахундов начал свое заграничное путешествие.

Путь через Черное море был утомителен и долог. Пароход шел близко к малоазиатскому берегу, заходил в небольшие турецкие порты. День за днем тянулся длинный пояс гор, одетых хвойными лесами, четко выделяющихся на фоне светлого неба. Уже давно остался позади Трапезунд со своей гаванью, Самсун с маленькими белыми домиками, покрытыми красными черепичными крышами.

Синоп, Зонгулдак... Лесистые горы, свинцовое море... Пароход приближался к Босфору, отделяющему северо-западную Анатолию от Фракийского полуострова. И вдруг совсем недалеко перед взорами путешественника открылись округлые скалы, обрамляющие вход в Босфорский пролив. У пролива виднелись маяки — старинные крепости.

Кончились холодные ветры, печальное море. Пароход вошел в смеющийся, блестящий и прекрасный Босфор. Вокруг стояли скалы, на склонах которых росли высокие стройные кипарисы и гигантские платаны; Над узкой частью пролива красовалась крепость Румелихисар. Тянулись убогие, полуразрушенные селения. Дельфины, выскакивая из синих волн и

сверкая мокрыми спинами, весело провожали медленно идущий к Стамбулу пароход.

У мыса Сарай открылся глубокий вырез Золотого Рога. Пароход величаво вошел в шумную, заполненную пароходами и многочисленными каиками стамбульскую гавань.

Стамбул сиял во всем своем роскошном великолепии, утопая в зелени. Над старинными крепостными стенами возвышались башни, тройные огромные зубцы которых поросли изумрудной травой. Вся прибрежная часть города смотрелась в синее море и тонула в лазури чистого и прозрачного неба. У древнего стамбульского дворца кончался Золотой Рог. Если подняться на холм, можно увидеть и зеркальную гладь Мраморного моря, и гору Олимп, и долины на азиатском берегу, и незабываемый Босфор, извивающийся между садами и пышными строениями.

Стоя на палубе, Ахундов любовался Стамбулом, Что ждет его в этом древнем и красивом городе? Сумеет ли он убедить невежественных турецких сановников, надменных и молчаливых турецких улемов в чалмах?

Хмуро оглядываясь вокруг, стараясь отогнать печальные, думы, он ступил на турецкую землю. Где-то недалеко раздался голос муэдзина, призывающего правоверных к полуденной молитве. Ахундов вздрогнул. Этот голос напомнил ему, что здесь живет и правит халиф правоверных, опора реакции, мракобесия, деспотизма.

Один против огромного фанатичного и отсталого мира! Но он чувствовал себя сильнее всех визирей, сановников, эфенди и дервишей, ибо знал, что рано или поздно его идеи восторжествуют.

Ахундов вошел в кровавый и жестокий город, город дворцовых переворотов, коварных интриг, роскоши и страшной нищеты народа.

Перекинутый через Золотой Рог широкий мост соединял две враждебные части турецкой столицы — старый, полунищий, мрачный Стамбул и роскошные Перу и Галату. Высоко к небу устремились стройные минареты, мрачно красовались огромные купола бесчисленных мечетей, громадная Ая-София. Это была цитадель мусульманской религии. Когда ночью Стамбул погружался в дремоту, Галата и Пера сверкали своими великолепными отелями, ярко освещенными зеркальными витринами, шумными ресторанами, полными праздных веселящихся людей, мраморными дворцами пашей. Здесь горе и страдание народных масс заглушались шумом кафешантанов, голодная и нагая Турция прикрывала свое истощенное тело бархатом и шелком английских и французских капиталистов.

Ахундов был ошеломлен. Он никогда не видел столь резких контрастов, столь убогой и жалкой картины человеческой жизни. Это было страшно. Но не возвращаться же назад? Ахундов решил, невзирая ни на что, вызвать этот миллионный город на единоборство. Кто поднял меч против мрака, не может сложить его, пока не рассеет пополам мрачное небо. Он принес в этот город луч света. Его голос должен разбудить спящий в оковах несчастный народ.

Ахундов был принят в Стамбуле с почетом, но под пышными фразами скрывалась ненависть. Правительство Турции было встревожено полемикой, поднятой в турецкой печати вокруг проекта нового алфавита. Приезд Ахундова и его предложение возбудили очень много споров вокруг вопроса о дальнейшем развитии турецкой письменности и культуры. Под влиянием идей Ахундова прогрессивная интеллигенция выступила в печати со статьями, которые категорически требовали проведения соответствующих реформ, очищения турецкого языка от чрезмерного наплыва арабизмов и фарсизмов. Горячо защищал реформу письменности поэт Намык Кемаль. Все это пугало реакционеров, со звериной ненавистью напавших на Ахундова и его турецких последователей. Они не остановились перед тем, чтобы оклеветать Ахундова, объявив его врагом мусульманских народов. Гнусной травле писателя немало способствовал и иранский консул в Стамбуле, не только подстрекавший реакционную печать, но и прибегавший к тайным доносам с целью опорочить и провалить проект нового алфавита.

И вот, наконец, наступил день, когда турецкая академия при личном участии Ахундова должна была решить судьбу проекта. В креслах и на бархатных подушках сидели седобородые улемы в фесках и чалмах. Холодные, бесстрастные, они были похожи на мумии в гробницах египетских фараонов.

— Мой проект, высокоученые мужи, — говорил Ахундов, — значительно облегчит освоение мусульманскими народами не только нашей, но и общечеловеческой культуры. Язва невежества жжет

тело турецкого, персидского, азербайджанского и других мусульманских народов. Досточтимое собрание! Я счастлив, что нахожусь среди великих светочей мусульманского мира. Радость охватывает меня, когда я думаю, что обращаюсь с моим скромным призывом к столь славным и великим. Но мысль о судьбе народной преисполняет меня смелостью. Я прошу вас внимательно отнестись к моей попытке внести свою смиренную лепту на благо наших народов. И когда наши народы примут ее, рай воцарится на веер Востоке. Я передаю судьбу своего проекта в ваши руки, досточтимые мужи. Во мне таится надежда, что ваш могучий голос окажется лучом света, который прорежет ночной мрак...

Напрасно старался он лестью пробудить в них хоть искру симпатии к своему проекту. Они по-прежнему сидели как изваяния.

Ахундов продолжал:

— Для школьника наш алфавит — неразрешимая математическая задача. Что же касается иностранцев, то смело могу уверить вас, что ни один из них доселе не знает в совершенстве мусульманскую грамоту, они изучают ее только поверхностно и отчасти. Всею виной несовершенство и недостатки нашей азбуки. Рано или поздно они приведут ее к полному устранению из мусульманской литературы. Эта грамота не может вечно оставаться в таком положении. Хотя через 500 лет, да произойдет ее изменение; но я решил изменить ее раньше...

Ученый диван пришел в движение. Седобородые улемы переглядывались. Кто-то громко выражал негодование. Но Ахундов ничего не замечал. Ему казалось, что перед ним сидят не улемы, неприязненно смотревшие на него, а люди, жадно прислушивающиеся к каждому его слову. Казалось, завеса времени была снята какой-то могучей рукой, и он, человек XIX века,

видел сияние будущего, слышал топот державных шагов грядущего человечества.

— Да, да, я решил изменить ее раньше, — повторил Ахундов. — я отбросил все точки, ввел в азбуку непишущиеся гласные буквы, придумав для них красивые фигуры, дополнил азбуку недостающими буквами, нашел для каждой буквы особую фигуру без точек, учредил некоторые знаки препинания для ясности письма. Мною составлены правила для правописания и легчайшие методы для преподавания грамоты. Таким., образом, я создал новую азбуку для арабов, персов и тюрков, и она, по характеру своему совершенно не чуждаясь старой, будет вполне соответствовать нашей цели. Я сделал смелый шаг. Мусульманская грамота, требующая многих лет для изучения, может с помощью моей азбуки быть выучена в один месяц. Я не знаю, примут ли мою азбуку в мусульманских государствах для употребления, захотят ли допустить в мусульманской литературе такой переворот...

— Переворот? Мы не хотим никакого переворота!. - крикнул один из улемов. Возбуждение росло. Председательствующий осуждающе качал головой. В задних рядах раздавался угрожающий шум. Регламент истекал. Острым взглядом окинул Ахундов сидящую перед ним враждебную аудиторию и застыл в молчании. Прошла волна возгласов негодования, и зал умолк. Ахундов закончил свою речь, при гробовом молчании.

— Господа высокочтимые улемы! Идея моя о замене старого алфавита новым вполне оправдана и жизненна. Чувствовать боль в организме и не принимать мер к его исцелению — невозможное дело. Свыше трехсот миллионов приверженцев ислама утопают в болоте косности и рутины. Оставлять их в таком состоянии — преступление. Наш священный долг — помочь народу, постараться излечить его болезнь. Я не думаю, чтобы

этому стало помехой духовенство. Если же оно будет тормозить такое благое начинание, оно станет врагом исламской нации...

Снова взрыв негодования. Но Ахундов гордо поднял голову и повелительным жестом остановил бурю.

— Я кончаю, высокочтимые улемы. Я верю, что мой алфавит будет принят. Если не примете его вы, примет будущее поколение, наши дети. Но я хотел, чтобы и вы разделили с нами наши идеи и содействовали введению нового алфавита во имя цивилизации, к которой теперь стремятся все народы земного шара...

Он кончил речь, сошел с трибуны и сел на свое место. Все молча смотрели на председателя. Тот тоже молчал. Но вот он встал и молитвенно воздел свои руки к небу:

— Нет бога, кроме аллаха, и Мухаммед — пророк его!

А затем, обратившись к Ахундову, коротко промолвил:

— Перед лицом аллаха я свидетельствую, господин Ахундов, что мы полны желания просветить наши народы. Вот почему мы преисполнены глубокого уважения к вашим идеям и одобряем их. Но ваши предложения не приемлемы для нас в настоящее время. И мы отвергаем их. Аминь!

Один за другим степенно и важно поднимались со своих мест старейшие члены и в холодном молчании покидали зал. Опустели ложи. Все было кончено.

Последним из академии вышел Ахундов. К нему робко подошел скромно одетый человек.

— Я Мирза Мюлькюм-хан, советник персидского посольства в Стамбуле, — сказал он. — Я читаю ваши сочинения с величайшей радостью. Ваши труды и ваши глубокие знания вызывают удивление. Всякий, кто, подобно вам, предпочитает благо турецкой нации своему собственному благу и с помощью науки наносит

удар невежеству, тот достоин всякого уважения и почтения.

Ахундов улыбнулся и крепко пожал руку Мирзы Мюлькюм-хана. И в Стамбуле он нашел искренних друзей.

Перед отъездом турецкое правительство, опасаясь, что царское правительство будет в претензии за оскорбление чиновника, состоящего на службе у русских, поспешно нацепило на грудь Ахундова орден "Меджидие" — "За крупные заслуги". Любопытно, что Ахундов на официальном документе, подтверждающем получение им турецкого ордена, написал нецензурное ругательство в адрес турецких сановников, что достаточно ясно говорит о его отношении к этому дару.

Ахундова не сломила неудача. Он не изменил своим идеалам. "С глубокой печалью я вернулся из Стамбула, — пишет он в письме одному из своих единомышленников, — однако я не намерен отказываться от своих идей. Иными мы родились, иная у нас природа. Мы полны решимости идти по тому пути, который мы наметили. Природа наша такова, что для нас не существует иных убеждений: у нас одна дорога". В письме к другому своему корреспонденту Рухильгудсу (Мирзе Мюлькюм-хану) писатель со всей страстностью обрушивается на своих идейных врагов: "Я не из тех людей, которые бросают щит перед врагом и сдаются им. До тех пор, пока я жив, я буду вести неустанную борьбу своим пером против стамбульских визирей. Когда я и ты — моя помощь и опора — умрем, наши потомки поймут, какими бессознательными были наши современники, они будут глубоко сожалеть об этом и над нашей могилой поставят памятник". Воинствующая борьба Ахундова против турецких реакционеров была тесно связана с его борьбой за возрождение культуры родного народа, за цивилизацию, за коренную перестройку жизни народов Востока.

Вскоре он решил снова попытать счастья. Проект алфавита опять был отправлен в Тегеран. Но и эта попытка оказалась тщетной. Иранские сановники не удостоили проект внимания. "Следовательно, — писал Ахундов, — относительно осуществления проекта об изменении и упрощении мусульманской азбуки нет более надежды рассчитывать ни на Турцию, ни на Персию".

Полный грустных размышлений о невежестве правителей иранского государства, Ахундов написал стихотворение "О новом алфавите". "Мир не вечен, — замечает поэт, — и жизнь моя в тоске и скорби идет к своему закату. Любовь к отчизне меня к делам благородным толкала. Но все мои старания остались без результата. Мой век я осуждаю: нет никого, кто бы с сердцем был".

Ахундов сожалеет о том, что визири глупы и невежественны, что среди них не нашлось ни одного мудрого человека.

Некоторое время спустя Ахундов все-таки решил обратиться к царскому правительству с предложением провести реформу алфавита среди мусульманских народов, населяющих Российскую империю. В этом обращении он приводил самые различные доводы, старался убедить, что проведение реформы весьма полезно самой России для мирного управления другими народами.

Но все было напрасно. Ни турецкие, ни иранские сановники, ни царские министры не были заинтересованы в распространении грамотности среди отсталых народов. Голос Ахундова в защиту прогресса оставался голосом вопиющего в пустыне.

На некоторое время он весь ушел в работу. Хотел забыться, рассеять свои грустные мысли. Да, Турция оказалась такой же отсталой и невежественной, как и Иран, а ее улемы (как он мог надеяться на них!)

равнодушными к интересам народа, чуждыми всему новому. Они его победили?.. О нет! Не так легко заглушить великие идеи... Ахундов не отказался от мысли провести реформу мусульманского алфавита при своей жизни. В 1870 году он писал редактору иранской газеты "Хакаи": "Не видя исходи, я отчаялся в возможности видеть прогресс всей нации и просвещение всего народа. Теперь я обращаюсь к знати и спрашиваю Вас: неужели знати не нужно просвещение? то есть находите ли Вы необходимым по крайней мере для знати мусульманской нации использование благ европейских наук и техники? Я уверен, что Ваш ответ будет только "да", и ни в коем случае "нет". Но если это так, напрашивается вопрос: почему же Вы предпочитаете, чтобы знать изучала технику и науки европейских народов не на наших языках (арабском, тюркском, фарсидском), а на языках европейских? Если знать мусульманских народов будет изучать европейские науки и технику на европейских языках, то, несомненно, встретятся огромные затруднения, а результаты будут ничтожны. Ибо наша знать не будет иметь возможности объяснить свои цели своим соплеменникам и соотечественникам на европейских языках. Если мусульманские народы пожелают воспользоваться плодами приобретенной знатью науки и техники, они всегда будут зависеть от французов и англичан и будут вынуждены приглашать их к себе на родину, приступать к этому делу только при их содействии. Но это не только неудобно, но и прямой вред, не стоит говорить об этом. Вы журналист, понять это зависит от Вашего воображения и старания. Итак, это мало принесет пользы. Лучше всего, чтобы великие мужи мусульманских народов открыли дарил-эlm, или, как говорят европейцы, академию, и приняли бы в его состав в качестве членов, лучших ученых и просвещенных людей. И поручить им, чтобы они

постепенно перевели на арабский, тюркский и фарсидский языки науки и искусства европейских народов. А потом знать мусульманских народов будет, учиться у избранных преподавателей всем этим наукам и искусствам". Наука и искусство должны создаваться на родном языке каждого народа. Никакой зависимости от иностранцев нельзя допустить. Только руками национальных ученых, просвещенных людей, всей душой связанных с родным народом, должны создаваться культурные ценности каждой нации. Ахундов делал самые отчаянные попытки найти путь к просвещению народа, но все они встречали в аристократических кругах полное непонимание и равнодушие. Проект алфавита, осуществление которого уже в нашу эпоху явилось, по выражению В. И. Ленина, подлинной революцией на Востоке, был отвергнут. Но великий писатель не пал духом. В глубине души он чувствовал, что дело не только в алфавите. Одной реформой его не искоренить все зло, которое тяготеет над народами мусульманского Востока. Нет! Нет! Надо искать и другие пути. Но как?

Постепенно Ахундов понял, что без сокрушения деспотизма он никогда не добьется своей цели.

В этом убеждало его и нарастание революционного движения в России, крестьянские волнения, охватившие почти всю страну. Примеры Белинского, Герцена, Чернышевского, бесстрашно выступавших против крепостнического гнета, неустанно боровшихся за свободу русского народа, вдохновляли и звали Ахундова на открытую борьбу с феодализмом.

Радищев написал замечательное произведение "Путешествие из Петербурга в Москву". Грибоедов заклеил мир Фамусовых и молчалиных в "Горе от ума", Герцен громко бил в свой "Колокол", призывая народ бороться против рабства и гнета. Чернышевский во имя свободы отправился на каторгу.

В новом произведении Ахундов решил рассказать о подлинных врагах народного счастья и свободы. В 1864 году он приступает к созданию философско-политического трактата под названием "Письма индийского принца Кемалуддовле к иранскому принцу Джелалуддовле и ответ последнего". В этом трактате в весьма интересной и новой для азербайджанской литературы форме полемических писем дана беспощадная критика деспотического феодального государства, основ религии ислама и вообще религиозного учения.

В истории развития общественной мысли Азербайджана XIX века "Письма Кемалуддовле" занимают выдающееся место. Это самое вольнолюбивое произведение на Ближнем Востоке того времени, оно выразило передовые идеи и чаяния лучших людей Азербайджана XIX века, это первенец азербайджанской материалистической философии. "Исторические заслуги, — указывает В.И. Ленин, — судятся не по тому, чего *не дали* исторические деятели сравнительно с современными требованиями, а по тому, что они *дали нового* сравнительно с своими предшественниками" [55]. Именно из этого классического положения и должны исходить мы при оценке роли и значения Ахундова в развитии общественной мысли Азербайджана и его философско-политического произведения. Ни один азербайджанский мыслитель XIX века в обосновании антифеодальной и антирелигиозной идеологии не достигал тех идейных высот, которыми отличалось мировоззрение автора "Писем Кемалуддовле". Ни общественно-политические взгляды Бакиханова, ни критика Мирзой Шафи окружающей действительности, ни просветительно-демократическая пропаганда Гасанбека Зардаби не могут быть отождествлены с общественно-политическими и философскими

взглядами Ахундова. Он поднял в "Письмах Кемалуддовле" злободневные, важнейшие вопросы современности и дал наиболее революционное по условиям Азербайджана шестидесятых годов решение этих вопросов.

"...В ту пору, — указывал Ленин, — когда писали просветители XVIII века (которых общепризнанное мнение относит к вожакам буржуазии), когда писали наши просветители от 40-х до 60-х годов, все общественные вопросы сводились к борьбе с крепостным правом и его остатками" [56]. Основная сущность "Писем Кемалуддовле" заключалась именно в этой уничтожающей критике феодально-крепостнического строя и идеологического оружия господствующего класса-религии. Ахундов первым на всем Ближнем Востоке поставил вопрос об уничтожении феодального рабства и его идеологической надстройки. В этом, несомненно, и заключается огромное историческое значение глубоко патриотического и революционного произведения Ахундова.

В трактат входят четыре письма: три из них написаны от имени индийского принца, одно — от имени иранского принца.

Первое письмо в целом посвящено вопросам государственного устройства, критике законов феодального общества. Второе и третье — критике исламизма, мусульманской религиозной идеологии и раскрытию основ материалистического учения. Письмо иранского принца Джелалуддовле хотя и написано в форме возражения, но, по существу, тесно связано с первыми письмами и дополняет их, разрешая ряд новых проблем философского и политического содержания.

Индийский принц Кемалуддовле, пространствував по Англии, Франции, Америке, решил по совету своего друга иранского принца Джелалуддовле посетить Иран.

Страна, с которой ему впервые пришлось познакомиться, произвела на него гнетущее впечатление. Возмущенный до глубины души страшными картинами жизни Ирана, он поднимает свой гневный, голос против зла и насилий.

Беспощадно клеймит Кемалуддовле феодальный мир, деспотизм и религию, выступая с защитой интересов угнетенных народных масс. "Земля твоя в развалинах и народ твой в невежестве, — говорит индийский принц, обращаясь к Ирану, а вместе с ним к Азербайджану и другим восточным странам, — он лишен понятия о мировой цивилизации, лишен свободы, а царь твой — деспот. Жестокость деспота и фанатизм улемов привели народ к упадку и гибели".

Суровую правду о бедствиях и страданиях народа провозглашает Ахундов устами индийского принца. Жесточайший гнет и неопикуемая нищета царя! в Иране. Сотни тысяч людей влачат жалкое существование под игом чужеземцев.

Индийский принц рассказывает о полном отсутствии законоположений, царстве безграничного произвола и насилий.

Вся система государственного аппарата, все стороны жизни феодально-деспотического государства нашли в "Письмах Кемалуддовле" осуждение.

С ужасом рассказывает индийский принц о бесчеловечных наказаниях. Здесь четвертуют, вешают, отсекают руки, выкалывают глаза, обрезают носы и уши. По своей жестокости эти казни не уступают пыткам инквизиции в средние века в Европе.

Особое внимание обращает Кемалуддовле на воспитание детей. В Иране существует единственный метод воспитания: пощечины и палки. Подобным варварским обращением калечат молодое поколение, заглушают в нем добрые чувства, порождают трусость и лживость. Можно ли ожидать от детей после

подобных методов воспитания благородства и умственного развития?

Кемалуддовле не ограничивается критикой и отрицанием существующего порядка. Одновременно он излагает свою программу. Кемалуддовле требует, чтобы народу были предоставлены гражданские свободы, был учрежден парламент, созданы справедливые законы.

Кемалуддовле, несомненно, был сторонником экономически мощного передового государства. Не случайно вспоминает он времена Сасанидского Ирана. Правда, он несколько идеализирует эту древнюю иранскую державу, представлявшую собой типичное восточное деспотическое государство, история которого написана кровью подвластных ему народов, не раз восстававших против жесточайшего гнета и злодеяний шахов. Это понадобилось Ахундову для того, чтобы противопоставить жалкое положение современного Ирана его древнему могуществу и славе. Мысль Ахундова совершенно ясна. Восточные государства могут сохранить свою независимость, оградить себя от захватнических поползновений англичан и им подобных, только укрепляя свою экономическую и военную мощь. Действительность опрокидывает все надежды лучших людей передового Востока: шах Ирана идет на поводу у астрологов, он никогда не сможет уберечь страну от захватчиков, никогда не позаботится о благе народном.

Критикуя деспотический строй и провозглашая новые государственные основы, Кемалуддовле пропагандирует смелые взгляды. В его речах мы слышим грозные предостережения. Выступая от имени голодного и нищего народа, он не только ставит вопрос о необходимости проведения радикальных реформ, но и говорит о возможности насильственного свержения монархической власти.

"Пусть не думают гордые тираны, — пророчествует Кемалуддовле, — что иранский народ останется навсегда во мраке и невежестве, а они будут беспечно царствовать над невежественным народом, как властвуют над баранами. О нет! Пусть они обратят внимание на историю прошлых дней, и они увидят, что ни одна деспотическая династия не царствовала до конца на иранском троне...

Или появится смелый Баб, или разумный проповедник новой религии, завоевав быстро любовь необразованного народа, верящего в джиннов, шайтанов, бесов, чудесам, колдовству и сверхъестественным явлениям, сотрет с лица земли деспота. Откуда известно, что бабисты, стрелявшие в падишаха, не могут повторить этот грех?" Деспотизм всегда находит свою кару. Только образованный и гуманный правитель может пробудить в народе чувство патриотизма и найти в нем опору своему престолу. Ахундов ссылается на примеры других стран и народов и выражает надежду, что царствующие особы учтут богатейший опыт истории и радикально изменят свое отношение к народным массам.

Освободительные идеи, провозглашенные Ахундовым в "Письмах Кемалуддовле" и других произведениях, имели огромное значение для исторического развития Азербайджана и Ирана. Страстные письма Кемалуддовле стали знаменем революционного движения, путеводной звездой для многих общественных деятелей Ирана, боровшихся с деспотизмом шахов и феодалов.

Освобождение народа от насилия тиранов и цепей фанатизма — основная жизненная задача Ахундова.

"Всякое существо человеческое, — говорит он устами Кемалуддовле, — явившееся на свет, должно пользоваться даром свободы, как требует здравый рассудок. Полная свобода двоякая: одна — свобода

духовная, другая — свобода физическая, то есть светская. Первая свобода наша отнята у нас духовенством, и в отношении духовных предметов, то есть религиозных дел, мы никто больше, как позорные рабы духовенства. Оно заставляет нас исполнять всякое глупое свое требование как нечто религиозное, сопряженное, разумеется, с немалым ущербом для нашего кармана и здоровья. Мы не сумеем пикнуть против его воли, опасаясь адской муки, будучи с малолетства напуганы им будущей инквизицией.

Вторая свобода наша отнята у нас деспотом. Мы всю нашу жизнь служим средством к удовлетворению разных его прихотей, исполняя тяжкие его требования нашим телом и имуществом, как рабы, не располагающие ни волею, ни собственностью".

Лучшие строки писем Кемалуддовле посвящены воспеванию человеческой свободы, полны горячего и страстного призыва к освобождению от феодального насилия и религиозного гнета. "О народ Ирана! — пишет индийский принц. — Если бы ты вкусил сладость свободы, если бы ты был сведущ в правах человечества, то никогда не согласился бы на подобное позорное рабство, в котором теперь находишься; ты стремился бы к прогрессу, к наукам, учредил бы у себя масонство, клубы, митинги, сеймы и отыскал бы всевозможные средства, ведущие к единодушию и единомыслию, и, наконец, освободил бы себя от деспотического гнета; ты числом и средствами во сто раз превосходишь деспота, тебе недостает только единодушия и единомыслия. Ты в первую очередь должен совершить революцию и освободить себя от религии. Если бы этот недостаток устранился у тебя, то ты легко подумал бы о себе и освободил бы себя не только от оков деспота, но и от уз нелепых религиозных убеждений".

В единстве трудового народа видел Ахундов путь к спасению. Только с помощью единодушия и

единомыслия можно свергнуть ненавистных тиранов, только общими усилиями можно добиться национального освобождения.

Автор еще не свободен от иллюзорных надежд на возможность убедить правящие круги Ирана в необходимости просвещения и прогресса. "Образованность немыслима при безграмотности, — рассуждает Кемалуддовле, — грамотность же не будет доступна большинству без изменения настоящего алфавита, а изменение алфавита не может состояться иначе, как при помощи мудрых мер, которые, со своей стороны, потребуют мудрых народных правителей; пока же этих правителей не будет, то пройдет тысячелетие, прежде чем Иран пробудится от сна невежества".

Кемалуддовле выступает с решительным требованием поставить во главе государства мудрых и знающих людей, настоящих патриотов, готовых пожертвовать ради родного отечества жизнью и имуществом. "Прежде всего нужно, чтобы правители Ирана были люди образованные, сведущие в науках об администрации и политике, тогда они поняли бы, что смертные казни и изувечение тела для водворения порядка и спокойствия в государстве есть постыднейшая и ненадежная мера". Государь — только поверенный нации, он должен управлять страной с участием самого народа, должен содействовать открытию общественных собраний, основать парламент, во всех своих действиях руководствоваться законами, установленными при участии народа.

Ахундов еще склонен возлагать надежды на возможность появления на иранском троне вместо деспота просвещенного правителя, который в своих намерениях и действиях должен быть совершенно противоположным современному падишаху. Иранский народ подчиняется падишаху не из любви к его персоне, а из страха перед его деспотическим

правлением. "Повиновение же, оказываемое под влиянием страха, не может быть продолжительным. Никто не может превосходить своим деспотизмом Надир-шаха, и нельзя вообразить повиновения больше того, которое ему оказывалось народом, но под конец какой же был результат?"

Уже в "Письмах Кемалуддовле" Ахундов ставит вопрос о материальном равенстве и необходимости коренного изменения социальных отношений. В мире должны произойти глубокие изменения, утверждает Ахундов. Без этих изменений невозможно обеспечить ни духовную, ни физическую свободу, ни материальное равенство людей.

Откуда эти гневные речи Кемалуддовле, откуда эта страшная сила разоблачения старого мира, этот мощный голос обличителя неправды, несправедливости, рабства? Откуда этот пламенный патриотизм? Были ли они плодом интеллигентских размышлений Ахундова, навеянных прочитанными книгами? О нет! Это была настоящая правда жизни, яркое выражение растущего недовольства народных масс Азербайджана гнетом помещиков и молл, колониальным режимом царизма, отражением свободолюбивых стремлений азербайджанского народа.

Широко и политически остро критиковал Ахундов различные стороны общественной жизни Ирана и Азербайджана XIX века. Вдохновенный проповедник новых, передовых идей, он стал одним из выдающихся мыслителей-материалистов.

Правда, материализм Ахундова был ограничен патриархально-феодальными условиями и характером общественных отношений в Азербайджане того времени. Но вместе с тем он явился самым выдающимся к достижением азербайджанской общественной мысли, оказавшим серьезное влияние на политическое развитие азербайджанской интеллигенции.

Ахундов был одним из первых мыслителей народов Ближнего Востока, который сумел понять истинную роль мусульманской религии как опоры феодального деспотизма, как формы духовного закабаления народа. Он глубоко осознал, что путь к свободе лежит не только через разрушение основ феодального общества, но и через уничтожение авторитета религии. Пропаганда атеизма и материализма стала сильнейшим орудием борьбы за дело народных масс, за освобождение их от векового рабства. Историческая борьба Ахундова с феодальным деспотизмом была неразрывно связана с борьбой против фанатизма, против феодальной идеологии, за материалистическое учение.

Страстными, разумными, убедительными речами, неопровержимыми доводами разоблачает Кемалуддовле пророчества и имаматы, объявляет все проповеди о чудесах и колдовстве шарлатанством, с помощью которого обманывают народные массы. С беспощадным сарказмом описывая одну из таких проповедей в тавризской мечети, Ахундов ничего не выдумывал. Он писал о том, что слышал собственными ушами, читал в религиозных книгах. Описаниями кошмарных картин ада держали моллы народ в страхе перед божеством.

Опираясь на человеческий разум, на логику, на противоречия самых религиозных книг, Ахундов объявляет божество, допускающее жестокость над людьми, отвратительным существом, кровопийцей, тираном.

"Если он имел в виду поступить со мной так тиранически, то зачем он меня создал? Когда я просил у него жизни? Если конец мой долженствует быть таким, то черт побери столетнюю жизнь; она в таком случае горше змеиного яда для меня, хотя бы шла в постоянной роскоши и удовольствии. Если ад действительно существует, то бог является каким-то

ненавистным, отвратительным существом и каким-то страшным тираном! Если же уверение о существовании ада есть чистая ложь, то зачем вы, шарлатаны и лицемеры-проповедники, страшаете им бедный народ, зачем лишаете его божьих даров, зачем не пускаете его общаться с другими нациями и заимствовать у них науки и искусства? В здешнем мире всякое познание приобретается заимствованием его от других народов, отличающихся им, а вы, проповедники, посредством ваших вздоров лишаете народ всевозможных земных благ, держите его в постоянном застое, загораживаете ему путь к прогрессу, ко всякому жизненному удовольствию и вечно твердите ему с мечетских кафедр: "Не играй на музыкальных инструментах — грешно; не слушай музыки — грешно; не изучай ее — грешно; не устраивай театра — грешно; не ходи туда — грешно; не танцуй — грешно; не гляди на танцы — грешно; не слушай пения — грешно; не играй в шахматы — грешно; не играй в нарды [\[57\]](#) — грешно; не рисуй портретов — грешно; не держи у себя в доме бюстов — грешно!"

Хотя все эти вещи кажутся пустой забавой, вы не понимаете, что они если не превзойдут границ умеренности, то просветят память и разум, потому что натура человеческая способна к радости и печали и для проявления каждого из этих естественных свойств существуют чувства в человеческом организме. Если эти чувства будут заглушены, то человек отупеет; если превзойдет границы умеренности, то чувства истощатся. Вам нужно узнать европейскую медицину и изучить физиологию человеческого организма, тогда только вы сможете понимать сказанное. Если бы отречение от удовольствий земных могло послужить к каким-нибудь умственным успехам, то отшельнику

следовало бы быть умнее всех людей, но, напротив, он глупее всех людей".

Лживым религиозным проповедям Ахундов противопоставляет земные интересы, человеческие радости, науку и прогресс.

Он разоблачает религиозные легенды о святых имамах, пророках и мудрецах, живших якобы по тысяче лет. Доводами разума он разрушает ореол святости и бессмертия пророков.

Разоблачение религиозных легенд имело существенное значение, ибо народ им верил, жил этими баснями. Чтобы пробудить народ, чтобы вселить в него надежду на возможность уничтожения цепей рабства, необходимо было разрушить его представления о божестве. Кемалуддовле считает, что религия и разум две несовместимые вещи. Показывая вред фанатизма и суеверий, двуличие и паразитизм духовенства, Кемалуддовле последовательно развивает атеистические идеи. "О Джелалуддовле! — пишет индийский принц. — Ты не делай из моих слов заключение, что я другую религию ставлю выше ислама. Если бы дело дошло до выбора, то я между другими религиями все-таки предпочел бы ислам. Но дело в том, что я все религии одинаково считаю нелепыми и ненужными..."

Мусульманская религия принесла народам восточного мира много страданий, узаконила жестокие и беспощадные формы социального насилия. Восточные народы, приняв мусульманство, подпали под власть иноземцев, их культура постепенно пришла в упадок, а теперь фанатизм мусульманских народов стал тормозом на пути прогресса. "Рассмотри хорошенько все факты, — пишет Кемалуддовле, — из их рассмотрения ясно, сколько вреда принесло Ирану появление по милости ислама стольких различных династий, сменявших одна другую в течение 1280 лет,

какую принесла религия пользу его народу и почему этот народ до такой степени пал нравственно и обессилился, что всякая скотина, злодей и тиран, поднимая свою голову из какого-нибудь угла земли, по своей прихоти и произволу подвергает ее стольким бедствиям?" Нет никакого сомнения, что Кемалуддовле, а вслед за ним и его гениальный творец Ахундов, говоря о "скотине", "злодее" и "тиране", делал определенные намеки на западноевропейских агрессоров, протягивающих свои руки к богатствам народов Востока.

Кемалуддовле прекрасно знаком с основами мусульманской религии. Он авторитетно заявляет, что святые проповеди, потусторонний мир, адское судилище, жестокие наказания за грехи, совершенные человеком, выдуманы духовенством. С помощью самого-шариата вскрывает Кемалуддовле несостоятельность религиозных учений.

"О Джелалуддовле! — пишет индийский принц. — Подумай, из кого состоят обитатели ада. Я буду говорить с тобой на языке разума и шариата"

Допустим, что творец дал мне сто лет жизни. Всем известно, как проходят эти сто лет. Каким бы богатым или могущественным человеком я ни был, все же я не свободен от мирских забот и печалей. Допустим, что все эти годы я совершал грех и каждый день отвергал единство божье (монотеизм), признавая ему соперника вроде верования в дуализм или политеизм, и, наконец, умер. По справедливости справедливый бог вправе наказать меня за совершенное мною преступление. Я согласен, пусть справедливый творец сжигает меня взамен ста лет также сто лет, а может быть, и пятьсот и тысячу лет. Имеет ли творец право сжигать меня по справедливости больше этого срока?.. Какие дал мне создатель высокие блага в этой земной жизни, чтобы подвергнуть меня такому печальному концу, чтобы тело

мое сжигалось, гнило, разрушалось в аду и кости мои превращались в порошок, а он не хотел бы отпускать мой ворот и опять подвергал бы мучениям и страданиям до бесконечного времени".

Кемалуддовле возмущен столь несправедливым наказанием аллаха, и голос атеиста поднимается все выше, начинает звучать угрожающе.

"Один день в аду равен тысячелетней жизни на этой земле. Разве сто лет радости и наслаждения мира могут быть сравнимы с одним днем пребывания в аду? А ведь это он, всемилостивейший и всепрощающий бог, раздает благо и радости людям. Подобный владелец ада и подобный мстительный бог хуже самого жестокого властелина, изверга, головореза, палача".

Страстной критикой религии Кемалуддовле штурмует небеса, провозглашает свой атеизм, свое материалистическое учение. Доказывая, что религия в руках духовенства орудие порабощения и обмана народа и служит интересам господствующего класса, Кемалуддовле развивает свои идеи, разрешая основные вопросы философии с точки зрения материализма.

Но Ахундов наносил удары не только по мусульманской религии и богословию, Его критика шла значительно дальше и вскрывала реакционную сущность всех религий, идеалистического восприятия мира. "Ни к одной из них я не питаю надежды на спасение души после смерти. Я отдаю предпочтение только той религии, которая делает человека счастливым и свободным в здешнем мире". Объявив себя решительным противником средневековой теологии, мистики и схоластики, Ахундов ставит выше всего науку. "Теперь нужна одна наука, — читаем мы в "Письмах Кемалуддовле", — которая ведет к цивилизации, а религия, основанная на суеверии, — простой призрак". На основании научных достижений

своего времени и в особенности естественных наук Ахундов и пришел к передовым философским взглядам.

Ахундов был широко образованным человеком. Он был знаком с работами передовых мыслителей России и Западной Европы. Ему были известны произведения Белинского, Герцена, Добролюбова. Чернышевского. В его трудах мы встречаем ссылки на Петрарку, Вольтера, Монтескье, Спинозу, Милля, Бокля, Ньютона, Коперника. Влияние русской общественной мысли сказалось в воинствующем характере его материалистической философии.

В решении основного философского вопроса Ахундов твердо стоял на позициях материализма. Философские рассуждения Ахундова основаны на изучении фактов конкретной действительности и явлений природы. Существует только материальный мир, и человеческое сознание-продукт материи. "Все сверхъестественные явления, как-то: чудеса, откровения, знамения, также чародейство, волшебство, колдовство, отгадывание таинств, предсказание будущности и философский камень для превращения низких металлов в благородные — должны считаться невозможными, а все ангелы, джины, духи, дьяволы, дивы, демоны, пери, нимфы и т. п. существа должны считаться мифическими, воображаемыми существами на нашей планете".

Как материалист Ахундов утверждает, что вселенная "существует, сама по себе, со своими законами, то есть она в своем существовании, не нуждается, в другом, постороннем, отдельном и розном существе". Этим самым Ахундов утверждает материальность мира, материальное происхождение вселенной. "Эта вселенная есть одно существо, могущественное и совершенное, начала ему не предшествовало, конца ему не последует; оно было,

есть и будет, то есть небытие ему не предшествовало и небытие ему не последует".

Отрицание божественного происхождения мира и защита принципа сохранения вещества и энергии в природе, несомненно, явились прямым выступлением против идеализма и мусульманской религии.

С материалистических позиций Ахундов объясняет происхождение и развитие жизни:

"Вся вселенная есть одно существо, могущественное, совершенное, всеобъемлющее, проявляющееся во множестве, в бесчисленном разнообразии, без воли под своими законами, то есть под своими условиями; например: закон его состоит в том, чтобы зародыш человеческий помещался в чреве матери, девять месяцев продержался там, получил сперва растительную жизнь, потом родился и получил животную жизнь, стал дышать воздухом, сосал молоко, подрос, дошел до возраста отроческого, юношеского, возмужалого и старческого, наконец скончался, организм *его* разрушился, разложился и перешел в царство ископаемое.

В животном царстве закон таков, то есть условие такое, а в царстве растительном закон или условие такое, чтобы семечко древесное было посажено в землю, чтобы в свое время дана была ему вода, чтобы солнце и воздух влияли на него, чтобы оно выглянуло из-под земли, подросло, сперва в виде трости, потом стало большим деревом, жило годами, давало плоды, наконец состарилось, подсохло, подгнило, упало и также обратилось бы в ископаемое царство".

Ахундов полагал, что жизнь развивается эволюционным путем от низких форм к более сложным. Отвергая метафизическую точку зрения на абсолютную неизменность природы, он в то же время механически сводил, по существу, высшие формы движения материи

к низшим. В этом сказывалась ограниченность материализма Ахундова.

Очень интересны и его рассуждения о строении материи. "Не забудь, — пишет Кемалуддовле, — что вселенная состоит из атомов, что атомы ни в индивидуальности, ни в совокупности в своем проявлении не имеют воли; только проявляются и существуют под своими естественными законами, и всякая кажущаяся воля некоторых разумных атомов в деяниях также подчиняется естественным законам вселенной; и, наперекор этим законам, воля разумных атомов в деяниях также немислима; в таком случае, какой атом может просить другой совершить какое-нибудь дело, помимо существующего естественного закона вселенной, и какой другой атом может исполнить эту противоестественную просьбу? Для большей ясности поясню это примером: какой атом может просить другой, чтобы последний приставил отрубленную голову одного индивидуума к его туловищу и воскресил его? Может ли этот другой атом исполнить подобную противоестественную просьбу? Какой атом может просить другой, чтобы последний даровал первому тысячелетнюю жизнь? Какой другой атом может исполнить эту противоестественную просьбу?

Солнце и луна ничто больше, как атомы, и имеют свои законы; например, они должны восходить и сиять по определенным своим законам; какой атом может просить другой, чтобы последний уничтожил солнце или рассек луну пополам? Какой другой атом может исполнить эту противоестественную просьбу? На нашей планете — земле существует такой закон, что некоторые животные дышат воздухом, а некоторые водою.

Какое земное животное, дышащее воздухом, как атом, может просить другое, чтобы последний возносил

его до высоты небосклона вне пределов воздуха? Или погрузил его на дно морское без опасности жизни? Какой другой атом может исполнить эту противоестественную просьбу? Какое животное земное, дышащее водою, как атом, может просить другое, чтобы последнее поддержало его жизнь вне воды на воздухе? Какой атом может исполнить эту противоестественную просьбу?"

Но в этих взглядах Ахундова ощущается непоследовательность, ограниченность его мировоззрения. Однако нельзя ни в коем случае забывать те объективные и исторические условия Азербайджана, которые неизбежно сковывали полет мысли великого азербайджанского просветителя. В условиях господства реакционной религиозной идеологии ислама даже эта ограниченная философия Ахундова сыграла необычайно важную прогрессивную роль. Перед Ахундовым стояла историческая задача — разрушить авторитеты мусульманской религии, разрушить основы клерикального мышления, доказать лживость религиозных проповедей, утвердить материалистическое учение о происхождении вселенной и человека. Только таким образом он мог дать путь прогрессу и свободомыслию. С этой важнейшей задачей Ахундов справился блестяще. "Письма Кемалуддовле" нанесли тяжелый удар идеалистическому мировоззрению. Его учение стало источником вдохновения для передовых деятелей Азербайджана и стран Ближнего Востока. Штурм небес, начатый Ахундовым, расчистил почву, на которой стали развиваться демократические идеи Зардаби, Мамедкули-заде, Сабира.

Борьба Ахундова против религиозного мракобесия сыграла необычайно важную роль в развитии общественной мысли XIX века на Ближнем Востоке. Критика религии тесно переплеталась с критикой

существующего феодального строя, разрушала идеологические основы современного ему общества, звала к суровой и непримиримой политической борьбе. В "Критике гегелевской философии права" К. Маркс показал, что критика религии в своем развитии превращается в критику политики, в политическую борьбу против существующего строя. "Критика неба, — писал Маркс, — обращается, таким образом, в критику земли, *критика религии — в критику права, критика теологии — в критику политики*"^[58]. Ахундов был не просто философствующим писателем, попиравшим основы мусульманской религии. Это был крупнейший мыслитель и выдающийся политический деятель.

Великое историческое значение деятельности Ахундова не только в том, что он страстно критиковал феодальный строй, боролся за материализм, но и в том, что одним из первых мыслителей Ближнего Востока понял изнанку западнобуржуазной цивилизации и буржуазной конституции.

"Почему ты не читал эти нравоучения отцу Эврэнгу-Зибу, — пишет Джелалуддовле, — чтобы он выполнил их и не дал бы англичанам возможности прийти, отнять его страну, а тебя с братьями довести до нищеты, а ваш народ до ничтожества и полного упадка?"

Наш падишах хотя и деспот, но по крайней мере, слава богу, из нас самих, слава богу, что мы, подобно вам, не попали под власть чужеземцев. Всему миру известно, как англичане обращаются с населением Индии. Разве англичане, владеющие цивилизацией, обращаются с индийским народом лучше, чем деспоты? Если сравнить деспотов с ними, то они куда лучше англичан".

Писатель не мог не видеть, что семена, посеянные им на азербайджанской почве, уже давали свои всходы. Он с глубоким вниманием следил за ростом общественно-культурных интересов среди широких слоев родного народа.

Начинался большой культурный подъем, подготовленный сорокалетней общественно-литературной и просветительной деятельностью Мирзы Фатали Ахундова.

В десятках рукописных экземпляров он посылал "Письма Кемалуддовле" в Петербург, Париж, Лондон и другие города, везде стремясь найти поддержку своим идеям. Но он не ограничивался этим. Он знал, что,

только напечатав свою книгу значительным тиражом, он сумеет найти доступ к народным массам.

1875 год принес новые радости. В Баку, по инициативе Гасан-бека Зардаби Меликова, стала издаваться азербайджанская газета "Экинчи" ("Пахарь").

Мировоззрение и общественные взгляды Зардаби формировались в накаленной революционной атмосфере России шестидесятых-семидесятых годов. Идеи Чернышевского, активная деятельность нелегальных студенческих кружков — все это оставило глубокий след в сознании молодого Зардаби. В это время он сближается с бывшим активным участником знаменитого кружка петрашевцев — русским поэтом А. Н. Плещеевым, о стихах которого так тепло отзывался Чернышевский.

Зардаби окончил Московский университет в 1865 году. Он вернулся на родину, вдохновленный идеями борьбы за человеческие права крестьян, за освобождение народа.

Следуя примеру великих просветителей, Зардаби приступает к изданию черной азербайджанской вольной газеты, которая сыграла большую роль в развитии общественной мысли в дореволюционном Азербайджане. С огромной верой в силу печатного слова начал свою публицистическую деятельность Зардаби. Не имея достаточных материальных средств, не находя поддержки со стороны имущих слоев, чувствуя вокруг себя постоянное непонимание и недоверие, все время находясь под неусыпной слежкой полиции, Гасан-бек Зардаби неутомимо боролся за сохранение своего печатного органа. "Экинчи" стал трибуной свободной мысли, трибуной борьбы против невежества, пропагандистом знаний и просвещения.

На страницах этой газеты выступал со статьями Мирза Фатали Ахундов, нашедший в лице Зардаби

продолжателя своей великой борьбы за цивилизацию и свободу. Зардаби привлек к сотрудничеству в газете Сеида Азима Ширвани [\[59\]](#) и других. "Экинчи" превратился в орган демократической интеллигенции, борцов за обновление жизни феодального Азербайджана.

Постановка комедий на азербайджанском языке, издание газеты "Экинчи", появление идейных соратников окрыляли и вдохновляли великого Ахундова, и он, несмотря на старость и болезнь, продолжал свою неутомимую деятельность.

В семидесятых годах Ахундов пишет статьи "Джон Стюарт Милль о свободе", "Об обряде Мухар-рама", "О бабизме", "Спор с Молла-Алекпером", "Критика "Ек-кельме", которые завершают его философское и политическое развитие.

Но Ахундов не был кабинетным ученым. Он вел широкую переписку с передовыми людьми Востока, которые обращались к нему за советом, за разрешением вопросов, связанных с социальной жизнью и религией мусульманского государства.

В одном из писем 1875 года М.Ф. Ахундов, обращаясь к своему иранскому корреспонденту Мирзе Юсиф-хану, писал: "Я внимательно прочел Вашу книгу "Ек-кельме", замечательная книга, добрая память и польза, но она написана для мертвых людей. Разве кто-нибудь в Иране послушается совета? Было время, когда в Европе также полагали, что если деспота убедить советами, то он откажется от своих злодеяний, но, наконец, убедились, что добрые советы не могут воздействовать на деспота. Тогда сам народ без всякой помощи религии осознал необходимость прогресса в науках и пользу единения, и, объединенные одной мыслью и целью, они соединились друг с другом, обратились против деспота и сказали ему: "Уйди

подальше от государственных дел..." Конституцию учредил сам народ для пользы общего дела и проведения справедливости".

Не останавливаясь ни перед какими лишениями, Ахундов вел неустанную борьбу за опубликование своих трудов.

Переведя "Письма Кемалуддовле" на русский язык, Ахундов послал их вместе с фарсидским текстом в Петербург, книгопродавцу Гримму. Одновременно, действуя через своего сына, пытался издать / их в Лондоне и Париже.

Рашид находился в Брюсселе. Ежемесячно Ахундов высылал сыну деньги, хотя сам испытывал денежные затруднения.

Материальные лишения, служебные неприятности сопровождали Ахундова в течение всей жизни. Не раз царские власти увольняли его со службы, перемещали с одной работы на другую, отказывались видеть в нем выдающегося представителя своего народа. К концу жизни неприятностей стало еще больше. Они отчасти были вызваны тем, что мусульманское духовенство узнало о существовании "Писем Кемалуддовле", которые стали подпольной революционной книгой. Не случайно она пролежала почти 60 лет в тайниках архивов среди старинных книг и рукописей, прежде чем увидела свет. Только при советской власти ее возможно стало издать.

Последние средства отдавал Ахундов на переписывание этой замечательной книги. Он с самого начала отказался от авторства, объявив себя только издателем. И тем не менее духовенство травило его, прибегало к доносам и провокациям.

Свое авторство Ахундов вынужден был скрывать не только от молл. Даже обращаясь к русским издателям, он отрицал его, указывая на себя только как на переводчика и обладателя рукописи. "Я только

собственник этой книги, а не автор, — пишет Ахундов в письме к петербургскому издателю, — а потому прошу Вас отнюдь не упоминать обо мне ни в оригинале, ни в переводе, потому что я не желаю обратить на себя злобу и вражду моей нации, которая в настоящем своем невежественном состоянии не понимает еще, что я для ее же пользы хлопочу. Автор оригинала называется Кемалуддовле, для переводчика же выдумайте какой-нибудь псевдоним".

Ахундов намеревался издать свою книгу на русском, французском, немецком и английском языках. Но публиковать только переводы без оригинала он считал совершенно недопустимым. "Персидский оригинал необходимо должен быть издан, иначе я не соглашусь на издание одних переводов, без оригинала". И это требование было совершенно естественным: он писал книгу не для ученого мира, а для миллионных масс восточных народов, о свободе и счастье которых мечтал. Он полагал, что его книга найдет широкое распространение среди всех мусульман России, Средней Азии, Индии. На открытую продажу в Турции и Иране он не рассчитывал. В этих отсталых странах его книга могла быть распродана только через доверенных лиц.

Ахундов не ограничился обращением к лондонским, парижским и петербургским издателям: он рассылает экземпляры своей рукописи в самые различные страны, составляет "Письма адепта Кемалуддовле", являющиеся, по существу, сокращенным изложением основных положений его философских писем. Все свои произведения семидесятых годов Ахундов превращал в философско-политические послания и направлял их в самых различных вариантах десяткам своих единомышленников в Иране, Турции, Индии, Египте. Он спланировал вокруг себя передовых людей различных

стран, через них влиял на народы, пробуждал их к действенной борьбе за права человека.

Надо заметить, что влияние Ахундова на Иран было необычайно огромным. Его литературные произведения и философские письма, в десятках рукописных экземпляров распространенные по всему Ирану, содействовали формированию демократических взглядов иранской интеллигенции, сыграли большую роль в подготовке иранской буржуазно-демократической революции. Раньше всех художественные произведения Ахундова были переведены на фарсидский язык. Они помогли многим иранским писателям развить реалистический стиль. Комедии Ахундова заложили в Иране основу критического реализма. Мирза Мюль-кюм-хан был одним из видных идейных последователей Ахундова.

Под влиянием литературных и философско-публицистических произведений Мирзы Фатали Ахундова выросли и выдающиеся азербайджанские писатели Зейналабдин Марагаи и Абдуррагим Талыбов.

В один из воскресных дней Ахундов сидел дома и читал взятые из библиотеки книги о путешествии Колумба. Высоко ценя географическую науку и желая популяризировать ее на Востоке, он решил написать или перевести с русского языка книгу об открытии Америки.

В это время кто-то постучал в ворота. Принесли письмо от путешественника-востоковеда Фишера, с которым Ахундов познакомился недавно в Тифлисе. Они несколько раз встречались, вели довольно оживленные беседы, много спорили. Прекрасно знакомый с классическими языками Востока, Ахундов поражал Фишера своими глубокими знаниями в этой области. Ахундов казался ему живым энциклопедическим словарем, он мог свободно объяснить значение арабских и фарсидских слов, наизусть цитируя отдельные места из толковых словарей, не всегда доступных даже самым выдающимся западноевропейским ученым. Блестящая эрудиция азербайджанца поразила немца, и он решил еще раз встретиться с ним.

На квартиру Фишера Ахундов пришел в назначенный час. Здесь уже находилось несколько знакомых ему образованных тифлисцев.

Началась беседа.

Через некоторое время, улучив удобный момент, Фишер обратился с вопросом к Ахундову:

— Простите, господин Ахундов, что означает на арабском языке слово "хашарат"?

— Хашаратом, — ответил Ахундов, — согласно камусу [\[60\]](#), называются мелкие насекомые и животные. Что же касается восточных книг по юриспруденции, там

это слово толкуется следующим образом: "хашарат — живущие под землей змеи, мыши, полевые крысы, насекомые и тому подобные мелкие животные".

Это объяснение было процитировано на арабском языке.

— Иногда это слово употребляют, — продолжал Ахундов, — когда намекают на глупых, невежественных людей, обладающих диким характером.

Фишер остался доволен этим пространным объяснением.

— Вы прекрасно объяснили, — сказал он. — Теперь я прошу вас ответить еще на один вопрос. Имеется ли в коране какой-либо намек на то, что все, кто отрицает религию мусульман и святость корана, являются насекомыми?

— Нет, тысяча раз нет! — ответил, не задумываясь, Ахундов. — Ни в коране, ни в священных хадисах [\[61\]](#) я никогда не встречал подобных намеков. В коране имеется изречение о достоинствах человеческого рода.

И он вновь процитировал на арабском языке одно из священных мусульманских изречений:

— "Мы всегда относились с уважением к роду человеческому, мы возили людей по земле и морю, мы подарили им лучшие плоды природы и всегда считали род человеческий выше всех творений мира".

Гости с удивлением прислушивались к ученому разговору, все больше и больше удивляясь знаниям Ахундова. Они были глубоко изумлены. Многие из них видели до сих пор в своем сослуживце простого чиновника, переводчика, а он, оказывается, человек образованный, знаток многих языков, прекрасный толкователь таинственных изречений корана. Между тем Ахундов продолжал свои объяснения:

— По моему мнению, это изречение полностью относится к вам. Ибо в настоящее время вы пользуетесь

самыми различными благами природы и по своей учености и могуществу стоите выше многих народов мира. Как можно считать вас насекомыми? Достаточно того, что мы объявляем людей, отвергающих нашу религию гяурами и считаем их достойными вечного наказания в аду.

— Пусть после нашей смерти нас отправят в ад, в самую бездну, — сказал Фишер. — Мы не боимся того, и ваши убеждения нас нисколько не трогают. Мы тоже считаем людей, отвергающих нашу веру, отступниками. Никто не скажет, что принадлежащее ему плохо. Но нам не хотелось бы, чтобы вы называли в этом мире нас, христиан, насекомыми.

Ахундов был удивлен.

— Господин Фишер! — сказал он. — Когда мы называли христиан насекомыми? Ведь мы на каждом шагу нуждаемся в вас, учимся наукам у вас, заимствуем у вас изобретения, пользуемся вашими товарами и материалами. Клянусь, если бы это было в наших силах, мы бы не позволили вам после смерти отправиться в ад. Но что же нам делать? Мы этим делом не распоряжаемся. — Ахундов усмехнулся. Шутка его понравилась всем.

Фишер громко засмеялся.

— Я искренне верю вам, — сказал он, — но что скажете, прочитав этот бейт?

Фишер процитировал фарсидский стих.

Все подданные последователи его ^[62]

Суть люди, а все остальные — насекомые.

— Откуда вы взяли этот странный бейт? — спросил с огорчением Ахундов. — До сих пор я никогда не встречал его в многочисленных поэтических диванах, с которыми мне приходилось знакомиться.

— Я обнаружил в касыдэ, напечатанной в иранской газете.

С этими словами он развернул перед Ахундовым номер газеты "Миллет".

Более дикого выражения человеконенавистничества, более глупой религиозной нетерпимости нельзя было найти в литературе Ирана. Ахундов был смущен. Некоторое время он молчал. Потом взволнованно проговорил:

— Это сумасшедший поэт. Не обращайтесь внимания на его безумные слова. Вся касыдэ говорит о том, что он лишен всякого поэтического дарования.

Фишер возразил:

— Но эта касыдэ подписана громким именем Шамсаш-шуара, что, как вам известно, означает "Солнце поэтов". Выходит, что это глава поэтов, их солнце, великий человек.

— О нет, — поспешил ответить Ахундов, — едва ли это так. У нас есть такой обычай: каждый поэт избирает себе какой-нибудь псевдоним, но редко кто обращает внимание на его смысл.

— Если поэт, как вы утверждаете, действительно сумасшедший, то, по-видимому, он не представляет исключения, — проговорил Фишер. — Мне кажется, редактор этой газеты не менее сумасшедший, ибо он дал место стихотворению на страницах газеты, которая широко распространяется в зарубежных странах.

— Вы правы, — сказал Ахундов. — Редактор газеты не имел права печатать всякую ерунду. Возможно, он понял смысл бейта, но, опасаясь гнева поэта, не осмелился отказать ему напечатать его. Все тегеранские редакторы как огня боятся придворных поэтов. Я надеюсь, что со стороны редактора больше не будет проявлена столь вредная бестактность.

На этом беседа прервалась. Ахундов посидел с гостями еще некоторое время, а затем, попросив извинения, простился с ними и отправился домой.

Он был взбешен. "Несчастный, жалкий, бездарный Шамс-аш-шуара! Он не хочет понять, что все народы мира одинаковы, несмотря на различия веры и разные национальности, что дико в XIX веке считать всех мусульман праведными и благородными, а всех немусульман падалью, ничтожеством..." Ахундов знал захватнические повадки англичан и французов, слышал об их насилиях над народами Индии, Алжира, Марокко, но называть всех англичан, русских, немцев и французов насекомыми было безумием. Своей глупой выходкой спятивший с ума поэт приносил только вред для нации, давал только повод к тому, чтобы европейцы оскорбляли ее, унижали и ненавидели.

Так думал Ахундов, медленно идя по улицам Тифлиса. Надо обрушиться гневными словами на Шамс-аш-шуара, научить редактора газеты "Миллет", как надо издавать газету, рассказать, в чем цель и значение национальной печати. "Я кавказец, — думал Ахундов, — но и единоверцы мои, живущие в Иране, — мои братья. Могут ли я не думать об их несчастной судьбе?"

Вернувшись домой, он решил сейчас же написать послание редактору "Миллет". И он написал одну из лучших своих критико-публицистических статей.

В газете, кроме стихов Шамс-аш-шуара, была напечатана пространная биография этого придворного поэта. Всю силу своей иронии и сарказма обрушил Ахундов на голову бездарного панегириста.

"Дорогой брат! — писал Ахундов редактору газеты "Миллет". — Ты сам же пишешь, что и знать и простонародье должны извлекать пользу из твоей газеты "Миллетт". Просто, по совести спрашиваю тебя, что дает твоему читателю знание родословной и биографии поэта, имевшего псевдоним Сируш да еще прозвище Шамс-аш-шуара?"

Дальше Ахундов говорит, что сама касыдэ Сируша показывает, что он бездарный поэт. Сируш считает себя потомком некоего Наджми-Сани, визиря Шах-Исмаила. Но этот визирь невежествен в полководческом деле, в жизни не прочел ни одной книги о войне, все его мысли были о том, чтобы определить, сколько баранов, кур, гусей надо подавать ежедневно к его столу и сколько нукеров ^[63] должны сопровождать его при каждом выходе. Визирь, замечает Ахундов, ссылаясь на слова своего друга Мирзы Мюлькюм-хана, претендующий на великолепие и величие, должен иметь право сказать о себе: "Я привел в порядок дороги Ирана, я открыл в Иране многочисленные школы, я обеспечил благополучие Ирана, содействовал развитию торговли и земледелия, использованию минеральных богатств страны, сделал артезианские колодцы, оросил безводные пустыри, упорядочил бюджет Ирана. Удовольствие быть визирем заключается не в бесплодных фокусах и глупейшем тщеславии, а в подобных делах".

Беспощадно критикуя "прославленного визиря", показывая его невежество, бездарность и жестокость, Ахундов приводит красочный рассказ о пленении его узбекским султаном Убейдуллою, которым полностью развенчивает "великого" предка Сируша.

Затем он переходит к разбору стихотворения Сируша, доказывает его, невежество, незнание им самых элементарных требований поэтического жанра, его полную безграмотность.

Не ограничиваясь этим, он говорит, как следует работать газете, чтобы быть действительно полезной народу. Она должна знакомить читателя с политической жизнью всех стран, освещать важнейшие события, происходящие в Иране. Но основная ее задача — это неустанная борьба за рост и развитие торговли и

земледелия в Иране, за использование его природных богатств, за орошение безводных пустырей, за поднятие техники, науки, просвещения в стране. Она должна печатать на своих страницах статьи о жизни и деятельности великих полководцев, ученых, мыслителей, поэтов, чтоб на их примерах воспитывалось молодое поколение. Почетное место в газете следует уделять критике. Надо рассказывать о деятельности властей, всех должностных лиц, чтобы они знали, что за их действиями следят, что в случае совершения ими преступления оно не останется без огласки. Газете нужно иметь своих корреспондентов во всех частях страны, чтобы было легче следить за событиями.

Критика газеты "Миллет" и создание развернутой программы деятельности печатного органа — одна из важнейших сторон просветительской деятельности Ахундова. Эта критическая работа не осталась бесплодной. Она будила мысль, содействовала развитию высокоидейного, реалистического искусства, идейной и воинствующей печати. Историческое значение критических статей Ахундова было неоценимым.

Его литературно-критические взгляды складывались в течение длительного периода — с конца сороковых до начала семидесятых годов. Вопросам литературы он посвятил ряд серьезных работ, среди которых выделяются: 1) предисловие к сочинениям, известное под названием — "Фихристи-китаб" (Содержание книги), 2) о поэзии и прозе, 3) критика иранской газеты "Миллет", 4) критика пьес Мирзы Мюлькюм-хана, 5) критика произведения Моллайи Руми ^[64] "Месневи", 6) послание Мирзе Мамеду Джафару, который перевел "Тамсилат" ^[65] на иранский язык, 7) послание Мирзе Юсифу-хану и другие.

Довольно часто на вопросах критики, литературы, языка, искусства останавливался Ахундов в своих философских, публицистических и педагогических сочинениях, в письмах к многочисленным корреспондентам. Его литературно-критические взгляды заложили основание азербайджанской философии искусства. Следуя во многом эстетике великих русских революционных демократов, но преломляя их взгляды в иных общественных условиях, Ахундов внес много своего, нового, выдвинул ряд положений, которые нельзя игнорировать при изучении мировой эстетической науки XIX века.

Литературно-критические труды Ахундова в основном были написаны в годы нарастания революционной бури, в годы наибольшего обострения политического кризиса в России и Азербайджане. Крестьянский вопрос стал центральным вопросом эпохи. Царское правительство, ослабленное военным поражением во время Крымской кампании, напуганное крестьянскими "бунтами" против помещиков, оказалось вынужденным отменить в 1861 году крепостное право. Однако реформа не принесла крестьянам облегчения. В стране росло революционное освободительное движение. Ускорялся процесс роста национального самосознания угнетенных царизмом народов. Народное возбуждение против помещичьего и деспотического гнета усиливалось.

Обострение классовой борьбы между феодально-помещичьим и демократическим лагерем неизбежно находило свое отражение в литературе, философии и искусстве.

Ярким выражением этой борьбы явилась литературная, публицистическая и просветительская деятельность Мирзы Фатали Ахундова.

Поэты Дилсуз, Раджи, Кумри, Дахиль, глубоко религиозные по своему мировоззрению, видели задачу

поэзии в воспевании эротики, шиитских имамов, апостолов религии. Они были основными поставщиками религиозных мистерий, сентиментальных религиозных песен, исполняемых в многочисленных мечетях Азербайджана, Дагестана, Ирана. Мистическая клерикальная поэзия была господствующей в литературе. Мистицизм, суфийские [66] воззрения бросили Набати, одного из крупнейших поэтов того времени, создававшего произведения народного характера, продолжавшего традиции Вагифа, в объятия реакции, к защите феодальных устоев, патриархальных обычаев и нравов. Он воспевал мистические, упадочнические настроения господствующего класса феодалов, свободу воли, эманацию божества — человека, справедливость и незыблемость божественных начал. В глазах поэта все в мире: суета, обман, забава. Настоящее счастье — в самоуглублении, в бескорыстном созерцании божеств. Мир несовершенен, человек во власти страстей, борьба с которыми основное в его жизни. Не избежали тлетворного влияния мистической поэзии даже такие талантливые поэты, как Закир, Аси, Сеид-Азим, хотя направление их творчества в целом было далеко от этого реакционного течения в азербайджанской литературе XIX века.

Ахундов с самого начала творческого пути занял непримиримую позицию по отношению к мистической, клерикальной и феодальной идеологии в литературе. В напряженной борьбе с отсталыми и консервативными течениями, в борьбе против религиозного мракобесия росло его боевое, идейное, реалистическое искусство.

Защищая реалистическое, высокоидейное искусство, Ахундов считал, что подлинно художественное произведение должно удовлетворять двум основным, важнейшим требованиям: красоте

содержания и красоте выражения. "Поэзия должна отражать правду жизни, и все, что не соответствует жизненной правдивости, фальшиво и ложно, должно быть устранено из искусства". "Неправда может нравиться только... глупым людям", — так категорически утверждает Ахундов. В каждом образе, в каждом эпизоде читатель должен чувствовать настоящую правду жизни, верные зарисовки человеческих отношений. Исходя из этих позиций, Ахундов дает суровую критику пьес Мирзы Мюлькюм-хана, осуждает показ случайных, нехарактерных явлений жизни, не имеющих типических черт. "У тебя, — говорит Ахундов, — отец героини неожиданно заявляет, что он сам женится на своей дочери и не выдаст ее замуж за другого. Увы! Разве может быть допустимо, чтобы в европейской сцене отец подобным образом говорил о своей дочери?.. Конечно, ты должен изменить эти слова". Но ценность искусства не только в его правдивости, соответствии жизненной правде. Искусство не может быть выражением пассивного созерцания жизни, не может быть холодным, фотографическим изображением тех или иных явлений действительности, оно должно пробуждать чувства, мысли, заставлять плакать или смеяться человека. Великими мастерами литературы, по мнению Ахундова, были Пушкин, Гомер, Шекспир, Мольер, Фирдоуси, Низами.

Ахундов резко выступает против идеалистического объяснения происхождения искусства, объяснения таланта и вдохновения сверхъестественными и божественными явлениями.

В чем видел Ахундов цель и задачу искусства?

Основная задача произведений искусства, полагал он, "улучшение нравственности людей, воспитание читателя и слушателя".

Подчеркивая огромное воспитательное значение искусства, Ахундов писал, что художественное произведение должно доставлять человеку наслаждение. Поэзия должна волновать, впечатлять, должна вызывать в человеке грусть или радость, возбуждать его чувства... Если стихотворение не вызывает в человеке никаких чувств, это не поэтическое произведение.

Исходя из этих принципов, Ахундов подверг критике творчество некоторых современных ему иранских поэтов придворного круга. С не меньшей резкостью он критиковал и недостатки творчества своего друга Мирзы Мюлькюм-хана.

Ахундов не создал последовательную систему своих литературно-критических взглядов. Но самое существенное в искусстве — реалистический показ мира и необходимость активного вмешательства в жизнь — он осознал глубоко. Он увидел подлинную красоту в самой действительности, в борьбе за лучшую жизнь народа. И в этом ему не мало помогла эстетика Белинского, Добролюбова, Чернышевского и Писарева.

Часы не шли, а летели. Жизнь заканчивала свой круг, наступало время взвесить совершенное, прежде чем тяжело захлопнется во мраке дверь.

Был счастлив Ахундов или несчастен, сказать трудно. Скорбь и радость всегда сопутствовали его жизни. Смех и слезы. Бездействие и ураган. Вера и отчаяние. Все было в нем, в человеке. Мы не можем подслушать биение его сердца. У нас есть единственная возможность познать его в слове, высказанном им, в его творениях, письмах, записках, заметках на клочках бумаги, на обложках книг, случайно попавших ему под руку, когда зарождалась мысль и чувство вырывалось наружу.

"Чтобы не видеть своими глазами вырождения и исчезновения нашего несчастного народа, пока мы доведем до конца наше пребывание в этом тленном мире, мы должны терпеть все невзгоды, все превратности нашей судьбы. Нам надо набраться терпения, чтобы пережить столь невероятные трудности. Другого исхода я не придумаю".

Подумал ли кто-нибудь из нас над этими словами! Какая негибаемая воля владела этим человеком, который так много страдал, так часто терпел удары судьбы. "Невероятные трудности!" Нет, он не играл словами. Это был крик сильной души, выраженный без пафоса, без позы, без слащавого самолюбования!

Грустно, когда дочитываешь страницу большого и интересного романа, но еще грустнее, когда кончается жизнь великого человека.

А жизнь Ахундова была на исходе. В марте 1878 года он лежал на одре смерти. Все было позади. Его мечта увидеть родной народ свободным и счастливым

не сбылась. Но и уходя из жизни, он верил, что наступит конец страданиям азербайджанского народа.

У постели больного писателя собрались самые близкие друзья, родственники. Из Брюсселя возвратился сын Рашид. Тубу, прошедшая почти всю жизнь с ним, стояла рядом. Тут была и Ниса, их дочь. Писатель слабел с каждой минутой.

Это была ужасная ночь. Весна почему-то задержалась. В ветвях седых чинар протяжно завывал северный ветер. Неожиданно над деревьями с глухим шумом пронеслась снежная буря. Порывисто качались и в страхе дрожали мощные ивы. У кого-то в соседнем доме печально ныла кеманча. Тубу с тоскою вглядывалась в лицо любимого человека, на фоне тусклого света сальных свеч казавшееся еще более скорбным. Рашид стоял у окна и безмолвно смотрел в темноту беспокойной и тяжелой ночи.

Ахундов умирал в полном сознании. Когда лечивший его врач Маракозов, прощаясь в последнюю ночь с родственниками, тихо сообщил им о безнадежном положении больного, он понял все и слабым голосом позвал к себе Тубу. "Заплати сейчас же врачу за визит, потом все смешается, и в переполохе вы забудете об этом".

Перед ним проплывали далекие и смутные видения... Хамне... Мать, навсегда покидавшая его... Сестра, разбудившая его в этот роковой час... Он проснулся и вместе с матерью пошел в новый мир... И жизнь прошла не даром. Он сделал все, чтобы просветить свой народ, народы всего Ближнего Востока... Теперь конец...

— Мирза! — спрашивал кто-то из близких. — Как хоронить тебя? Можно ли по мусульманскому обряду!

Ахундов открыл ставшие как свинец тяжелые веки.

— Как хоронить? — он слабо улыбнулся. — Я никогда не верил в потусторонний мир. Мне все равно.

Он вновь закрыл глаза. Было четыре часа утра. Догорали последние свечи. На дворе бушевал ветер. Беззвездная ночь стояла над Тифлисом.

К утру перестало биться сердце великого азербайджанца. Это было 10 марта 1878 года.

Не успело остыть тело писателя, как тайная полиция немедленно принялась за розыски его крамольных рукописей. Они находились у дочери писателя, в доме которой был произведен обыск, но обнаружить их не удалось. Предупрежденные вовремя родственники писателя тщательно спрятали сундук с его трудами, и агенту тайной полиции были предъявлены официальные издания его произведений. Этим дело и кончилось.

Тело Ахундова лежало дома, его надо было уже хоронить, но моллы, озлобленные слухами о еретических взглядах ученого, отказались участвовать в похоронах безбожника и врага религии. Только благодаря вмешательству влиятельных друзей Ахундова его тело было предано земле.

Ахундов умер, но имя его навеки осталось в памяти азербайджанского народа. И это понятно, ибо всю свою жизнь он беззаветно служил Родине. Он заслуженно стал вождем азербайджанского просвещения, родоначальником критического реализма, выразителем лучших идейных устремлений и чаяний народных масс.

Материалистическая философия Мирзы Фатали Ахундова, окрыленная идеями великих русских и французских просветителей, явилась одним из важнейших этапов в истории борьбы против реакционной системы исламизма, против идеализма, мистики и суфизма. Исторические, социальные, философские и литературно-критические взгляды Ахундова, несмотря на некоторую ограниченность, безусловно, сыграли великую роль. Он прошел через жизнь не легкой и не счастливой дорогой, и мечты его

были осуществлены только в условиях социалистического общественного строя. Пламенные призывы Ахундова, его историческая борьба, полная величия и страдания, явились предвестником новой жизни азербайджанского народа,

ОСНОВНЫЕ ДАТЫ ЖИЗНИ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ АХУНДОВА

1812, 30 июня — Родился в Нухе.

1814 — Переезд в Южный Азербайджан.

1825-Переезд в Гянджу.

1826 — Возвращение в Нуху.

1832 — Учение в Гяндже у моллы Гусейна. Встреча с Мирзой Шафи.

1833 — Поступление в Нухинское русско-азербайджанское училище.

1834 — Переезд в Тифлис. Знакомство с Бакихановым. Начало служебной деятельности.

1836 — Определение в Тифлисское уездное училище на должность преподавателя

1837 — Написана "Элегическая каеыдэ на смерть Пушкина". Опубликование ее в журнале "Московский наблюдатель". Сближение с А.А. Бестужевым-Марлинским. Участие в экспедиции на мыс Адлер.

1840, 10 апреля — Назначен на должность штатного переводчика Гражданской канцелярии главноуправляющего Грузией.

Декабрь — Поездка в Астрабад и Мазендаран (Иран).

1842- Женитьба на Тубу-ханум.

1845 — Уволился со службы.

1846 — Назначен письменным переводчиком в канцелярию наместника Кавказа. Сближение с поэтом Я.П. Полонским.

1848, 4 ноября — Командировка в Иран.

1850- Написаны комедии: "Алхимик Молла-Ибрапш-Халил", "Мусье Жордан, ученый ботаник, и дервиш

Мастали-шах, знаменитый колдун", "Визирь Ленкоранского ханства".

1851- Постановка комедии "Мусье Жордан, ученый ботаник, и дервиш Мастали-шах, знаменитый колдун" в Петербурге. Избран действительным членом Кавказского отдела Русского географического общества.

1852 — Написаны комедии "Медведь, победитель разбойника" и "Гаджи-Кара". Постановка комедии "Медведь, победитель разбойника" в Тифлисе. Избран членом-сотрудником Русского географического общества.

1853 — Появление "Комедий" на русском языке.

Июль — Опубликовано в газете "Кавказ" статьи "Положение турецкой армии под Багдадом в 1618 году". Поездка в Нуху.

1854 — Участие в Крымской войне. Появление в газете "Кавказ" "Послания Закиру".

1855 — Участие в русско-турецкой войне. Награжден орденом св. Станислава третьей степени.

1857 — Написана повесть "Обманутые звезды". Составлен проект реформы арабского алфавита. Обращение к иранскому и турецкому правительствам с предложением провести реформу арабского алфавита. Направление проекта в Петербург, Париж, Берлин, Вену и Лондон.

1858 — Участие в ревизии губернских и уездных учреждений Эриванской губернии.

1859 — Обращение к академику Дорну. Выход из печати "Комедий и повести" на азербайджанском языке.

1861-Увольнение со службы по доносу.

1863, 26 мая — Поездка в Стамбул для защиты проекта реформы алфавита. 22 августа — Возвращение из Стамбула.

1864 — Начал писать "Письма индийского принца Кемалуддовле к иранскому принцу Джелалуддовле и

ответ последнего".

1865 — Закончил азербайджанский вариант "Писем".

1866 — Перевод "Писем Кемалуддовле" на фарсидский язык.

1868 — Письма Мирзе Юсиф-хану. Новое обращение к правительству Ирана с предложением провести реформу алфавита. 1870-1871 — Письма к Мирзе Мюлькюм-хану.

1872 — Переписка с иранскими и турецкими корреспондентами. Назначение временным цензором.

1873 — Постановка комедий "Визирь Ленкоранского ханства" и "Гаджи-Кара" в Баку на азербайджанском языке. Сближение с Гасан-беком ЗарДаби Мелйковым. Написал статью "Спор с Молла Алекпером".

1874-1875-Борьба за опубликование "Писем". Написал статью "Критика "Ек-Кельме".

1876 — Увольнение со службы. Написал статью "О Моллайи-Руми и его произведении".

1877 — Написал статью "Об обряде Мухаррама". Письмо Г. Меликову.

1878, 10. марта — Умер
КРАТКАЯ БИБЛИОГРАФИЯ
(на русском языке))

I. Основные издания сочинений М.Ф. Ахунтова

"На смерть Пушкина". "Московский наблюдатель", М., 1837, ноябрь.

"Комедии Мирзы Фет-Али Ахундова". Тифлис, 1853.

"Философско-политические произведения". Баку, 1940.

"Избранные художественные произведения". Баку, 1950.

"Избранные философские произведения". Баку, 1953.

"Избранное". Москва, Гослитиздат, 1956.

2. О творчестве М.Ф. Ахунюва

Фр. Кочарлинский, Литература азербайджанских татар Тифлис, 1903.

Ф. Касум-заде, Биография Мирзы Фатали Ахундова. "Известия Азербайджанского филиала Академии наук СССР", № 6, 1938, стр. 33-41.

М. Рафили, Художественная проза М.Ф. Ахундова ("Обманутые звезды"). Там же, стр. 99-113.

В. Соловьева, М.Ф. Ахундов и русская культура. Там же, стр. 145-162.

М. Рафили, Борьба М.Ф. Ахундова за опубликование своих философско-политических "Писем". Там же, стр. 163-178.

М. Рафили, Мирза Фатали Ахундов. Баку, 1939.

Г. Гусейнов, Из истории общественной и философской мысли в Азербайджане XIX века. Баку, 1949.

Ф. Касум-заде, А.С. Пушкин и М.Ф. Ахундов. Сборник "А.С. Пушкин и азербайджанская литература". Баку, 1949, стр. 29-46.

Дж. Джафаров, Драматургия М.Ф. Ахундова. Баку, 1950.

М. Рафили, Н.В. Гоголь и азербайджанская литература. Сборник "Н.В. Гоголь и азербайджанская литература", Баку, 1952.

М. Рафили, М.Ф. Ахундов. Жизнь и творчество. Баку, 1957.

notes

Примечания

1

[1] Сарбаз — иранский солдат.

[2] "Карабах-намэ" — хроника Карабахского ханства, политическая история Карабаха с 1736 по 1828 год, написанная азербайджанским историком Мирзой Адигезал-беком.

З

[З] Саят-Нова — великий армянский ашуг (1712-1795).

4

[4] Великий визирь — главный министр.

5

[5] Молла Панах Вагиф — азербайджанский поэт конца XVIII века.

6

[6] Перевод К. Симонова.

[7] Видади Молла Вели — крупнейший азербайджанский поэт, близкий друг Вагифа.

8

[8] хыш — соха.

9

[9] Хырман — гумно, ток

10

[10] Молла — духовное звание у мусульман.

11

[11] Аксакал — буквально белобородый — сельский старшина в Азербайджане.

[12] Наibusалтане — наместник в Иране.

[13] Аббас-Мирза (1783–1833) — сын правителя Ирана Фатали-шаха, наследник иранского престола.

[14] Франкский — европейский.

[15] Саади Шейх Муслихеддин (1184-1291) — великий персидско-таджикский поэт. "Гюлистан" — одно из его наиболее прославленных произведений.

[16] Шариат — мусульманское право.

[17] Хафиз Шамсаддин Мухаммед (1300–1389) — широко популярный на Востоке персидско-таджикский поэт.

[18] Физули Мухаммед (конец xv века — 1556 год) — выдающийся азербайджанский поэт.

[19] Шах-Аббас (1587-1628) — иранский шах, один из самых деспотических представителей династии Сефевидов.

20

[20] Муэдзин — служитель при мечети, призывающий мусульман к молитве.

[21] По Гюлистанскому мирному договору, подписанному в 1813 году, Иран признал присоединение к России ханств Северного Азербайджана (кроме Нахичеванского).

[22] Фирдоуси Абулькасим — великий перепдеко-тад-жикский поэт X века.

[23] Калам — тростниковое перо, широко распространенное среди народов, пользовавшихся арабским алфавитом

24

[24] Велик-аллах! Велик аллах!

[25] Гёй-Гёль — горное озеро у подножия горы Кепез в Азербайджане.

[26] Руми Джелаледдин (1207–1272) персидско-таджикский поэт-пантеист, крупнейший философ XIII века.

[27] Ибн Сина (Авиценна) — выдающийся персидско-таджикский естествоиспытатель, врач, философ и поэт XI века.

[28] Хагани Ширвани — крупнейший азербайджанский поэт 'XII века, современник Низами.

[29] Низами Гянджеви — гениальный азербайджанский поэт (1141-1203).

30

[30] Барды — древний город Азербайджана.

[31] Диван — сборник произведений одного писателя.

[32] Мтацминда — название горы.

[33] Чуха — азербайджанская одежда, вроде черкески

[34] Архалук — верхняя одежда, обычно надеваемая под чуху.

[35] Тулукчу — водовоз.

[36] Царские чиновники неправильно называли азербайджанский язык татарским, а азербайджанцев — татарами.

37

[37] Качах — беглец, разбойник.

[38] Копаг — гость.

[39] Фехт-Али, или Фет-Али — так писали имя Ахундова при его жизни.

[40] О возможной встрече Ахундова с Лермонтовым см. книгу Ир. Андроникова "Лермонтов в Грузии в 1837 году".

41

[41] Тендир — печь, в которой пекут хлеб.

[42] Хайям Омар — выдающийся персидско-таджикский поэт, математик и философ.

43

[43] Хурджун — дорожная сумка из ковровой ткани.

[44] Аба — верхняя одежда, которую обычно носит мусульманское духовенство.

[45] Каламдан — особый вид пенала с отделениями для туши и перьев.

[46] Звезда эта известна на Востоке под изображением человека, державшего в руках обнаженный кинжал. Она часто заставляется колдунами исполнять страшные их замыслы. (Прим. Ахундова к русскому изданию 1853 года.) Меррих — планета Марс.

[47] Сэмэни — восточное блюдо.

[48] Фарраш — низший полицейский чин.

49

[49] Купцы из местечка Акилисс (Азербайджан).

[50] Е.В. Тарле, Крымская война, т. II, 1950, стр. 541.

[51] Там же, стр. 539.

[52] Суннит — последователь мусульманской секты, не признающий двенадцати имамов, которых чтит другая секта — Шиитов.

[53] Улем— ученый.

[54] Каиммакам — уездный начальник.

[55] В.И. Ленин, Соч., т. 2, сир. 166.

[56] Та м же, стр. 473.

[57] Нарды — очень распространенная на Востоке игра. Кидают кости и передвигают шашки на доске по числу выпавших очков.

58] К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. I, стр. 400.

[59] Сеид Ази Ширвани — азербайджанский поэт (1835–1888).

[60] Камус — энциклопедия.

61

[61] Хадис — рассказ о каком-нибудь событии из жизни Мухаммеда, считавшегося основателем ислама, или же-высказанное им суждение.

[62] Мухаммеда.

63

[63] Нукер — воин.

[64] Моллайи Руми — знаменитый персидско-таджикский поэт XIII века.

[65] Так Ахундов назвал свой сборник, в который вошли все его комедии и повесть.

[66] Суфизм — мистико-аскетическое направление в исламе, возникшее в VIII веке.